

Валентин Ежов
Рустам Ибрагимбеков

белое солнце пустыни

Роман

ВАУДИС

Валентин Иванович Ежов
Рустам Ибрагимбеков
Белое солнце пустыни.
Полная версия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157697

Белое солнце пустыни: Вагриус; 2001

ISBN 5-264-00694-6

Аннотация

Авторы романа – сценаристы «Белого солнца» Валентин Ежов и Рустам Ибрагимбеков написали его еще в 1960-е годы, но тогда издать его в таком виде было нельзя. Поэтому авторы и переделали роман в сценарий, кое-что переделав и избавившись от многих сюжетных линий. Примерно три четверти содержания книги для читателей будет абсолютно новым: в фильм эта часть романа не вошла.

Р. Ибрагимбеков и В. Ежов

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ

ПУСТЫНИ

Бывший красноармеец Федор Сухов двигался по пустыне походным шагом, оставляя за собой лунки следов, которые горячий ветерок старался побыстрее засыпать песком.

Темные пятна пота на выгоревшей гимнастерке с белым, как иней, налетом соли говорили о том, что Сухов не первый день идет по песчаным барханам, тянущимся от горизонта до горизонта, словно волны застывшего моря.

За спиной у Сухова висел тощий «сидор», в руке он нес саперную лопатку с зарубками на черенке, на первый взгляд непонятного назначения. Новенький поясной ремень, широкий, кожаный, с двумя рядами дырочек не соответствовал рангу рядового бойца, каким еще недавно был Сухов. На одном боку к этому ремню был приторочен малость помятый металлический чайник, на другом – кобура с револьвером; у самой же пряжки с ремня свисал кинжал в ножнах из жесткой кожи, вернее, даже не кинжал, а тяжелый боевой нож.

Солнце поднималось все выше и выше. Кустик полыни застыл метелочкой, не отбрасывая от себя тени. Промелькнула ящерица, царапая песок коготочками, и вновь все замерло, погрузившись в густую жаркую тишину, только под тяжелы-

ми ботинками Сухова равномерно шуршал песок.

Скрываясь за гребнем, извилистой волной проплыла гюрза, блеснув желтой спиной, расчерченной ромбиками...

В звенящей вышине возник пернатый хищник; медленно кружась, он наблюдал за бредущим человеком, затем обратил внимание на скользнувший с кромки бархана желтый зигзаг – змея! Тотчас орел сложил как бы по швам крылья и ринулся вниз, атакуя добычу. Тонкий свист возник в воздухе.

Сухов среагировал мгновенно: выхватив револьвер из кобуры одновременно с поворотом тела, он прицелился в несущуюся к земле птицу, но в последний момент сдержался и, не выстрелив, опустил руку.

Давно перешагнувший военную молодость, когда в боевом азарте он палил из ружья во что попало, Сухов научился беречь боезапас; не раз он попадал в такие переделки, когда верная смерть грозила только из-за того, что в роковой момент ему не хватало всего одного патрона.

Так же давно Сухов положил себе за правило применять оружие только против явного врага или когда нужно было добыть в пустыне пищу.

Напавший на змею орел ничем ему не грозил, а в пищу годился бы только при одном условии – если бы Сухов умирал с голода.

Он вложил револьвер в кобуру и, не двигаясь, долго глядел на гребень барханной цепи, за которой скрылся хищник;

ждал, когда тот взлетит снова. Орел не появлялся. Тогда Сухов из любопытства решил взобраться на бархан и посмотреть, что там случилось.

Поднявшись на гребень, он в десяти шагах от себя увидел птицу на обрывистом, подветренном краю бархана. Это был довольно крупный орел-змеятник. Сухов медленно подошел к нему. Орел лежал на брюхе, широко разинув крючковатый клюв и распластав по песку крылья.

Стало понятно, что произошло: змея, почуяв смертельную опасность, успела соскользнуть с песчаного обрыва вниз, а орел, не рассчитав, врезался грудью в край бархана и разбился о песок.

– Ай-я-яй!.. Как же ты так оплошал, браток? – Сухов склонился над разбившимся орлом. – Видно, молодая ты еще птаха!

С пулеметной частотой колотилось птичье сердце – это можно было заметить по трепыханию перьев под горлом. Сухов отстегнул саперную лопатку и медленно повел концом черенка над головой птицы. Орел не отстранился. Издав сердитый крик-клекот, он вдруг перевернулся на спину и острыми когтями яростно вцепился в черенок, ударил по нему клювом.

– Ишь ты!.. – удивился Сухов и с одобрением добавил: – А ты ничего паренек... Сопровивляешься – значит, будешь жить! – Он осторожно потянул черенок лопатки, высвободив его из когтей орла. – Ладно. Помочь я тебе ничем не могу, а

злить не буду... Давай поправляйся, а я пошел...

Орел не мигая смотрел на него. Не было в этом гордом и извечно суровом взгляде хищника ни страха, ни боли, ни жалобы и уж, конечно, ни малейшей мольбы о пощаде.

Подмигнув орлу, Сухов пошел прочь, двинувшись по пустыне в известном только ему одному направлении.

Но не прошло и нескольких минут, как вдруг послышался какой-то шелест над головой и Сухов увидел знакомого орла, который, сначала тяжело, а потом все уверенней и уверенней взмахивая крыльями, поднимался ввысь, где восходящий поток подхватил и понес ожившую птицу к ослепительно сияющему белому солнцу...

Настроение Сухова явно улучшилось. Он был доволен, что за последние сутки полного одиночества в этой проклятой пустыне ему удалось пообщаться хоть и с бессловесным, но все-таки живым существом.

Конечно, в пустыне, хоть она и от слова «пусто», хватало всякой живности, особенно с утра; но тушканчики, песчанки, суслики давным-давно надоели Сухову, так же как и черепахи, и скорпионы, и змеи, и прочая нерусская тварь. А жителей песков покрупнее, таких, как красавец джейран, пустынный лис или волк, он, с пешего хода, даже и разглядеть не успевал – они молнией уносились за барханы, едва почуяв человека. За годы скитаний по пустыне Сухову не раз приходилось охотиться на джейранов и лакомиться вкуснейшим мясом этой антилопы, или, по-местному, газели. Но для охо-

ты нужен был как минимум карабин, и уж совсем хорош был бы к нему в придачу – резвый скакун...

Встречу с орлом, владыкой пустынного неба, Сухов посчитал хорошей приметой и позволил себе короткий отдых. Он отцепил от ремня чайник, вынул деревянную пробку из носика, сделал скупой глоток, вставил пробку на место и, вбив ее для верности ладонью, снова приторочил чайник к поясу. Затем, присев на край бархана, разулся, вытряхнул из ботинок песок, перемотал портянки. Переобувшись, постоял, намечая направление, и двинулся дальше, как и прежде, через барханы напрямик. Комкастая тень плыла за ним чуть сбоку.

– Полдень миновал, – сказал он сам себе и взглянул на огромные часы на левом запястье. Часы не шли...

От скупого глотка воды лоб Сухова покрылся быстро просыхающей испариной. Он плотнее сощурил веки, унимая жгучий блеск солнца; потом вовсе закрыл глаза, оставив перед внутренним взором багровую пульсирующую пелену. И в этой пелене увидел плывущие по течению арбузы, полуза-топленные от тяжести и блестящие, увидел широкую реку, спокойно несущую свои прохладные воды...

Улыбка скользнула по лицу Сухова; показалось, что идти стало легче, не так стала донимать жара. Все на Сухове висело вроде бы и небрежно, но ничего не брякало, не звенело, и шел он, не интересуясь пейзажем, потому как никакого пейзажа и не было – один песок, гофрированный, как стираль-

ная доска. Иногда глаза Сухова приоткрывались, оглядывая окрестность: мало ли что. А воспоминания тем временем накатывались на него, все более напоминая о воде, реке, прохладе, родных краях...

...Арбузы плыли по реке спокойно, один за другим, будто специально сплавлялись вниз по течению. Один из них застрял в прибрежной осоке. В его полосатой корке были выковыряны два отверстия. В них поблескивали чьи-то глаза, а вода перед арбузом время от времени взбулькивала от выдыхаемого воздуха. Отсюда хорошо были видны девицы и бабы, которые плескались голышом у бережка, не подозревая, что за ними подглядывают.

Внимание напятившего на голову половинку выеденного арбуза Федора Сухова более других привлекала румяная и белокожая деваха лет шестнадцати.

Выйдя из воды на горячий песок, она встряхнула волосами и вдруг, словно почувствовала чей-то взгляд, пристально взгляделась в арбуз, застрявший в осоке.

Федор весь сжался, унимая стук сердца. А сжаться было от чего: всем живущим на Волге девкам и бабам с детства была знакома эта игра – внезапно из вереницы плывущих по реке арбузов один останавливался вопреки течению, и тогда вся голая орава купающихся женщин с визгом бросалась на этот арбуз, выволакивала скрывающегося под ним парня на берег и крепко молотила. Вот тут уж он мог и на все насмот-

реться, и наплакаться.

Но на этот раз окликнутая товаркой деваха отвлеклась и забыла про арбуз. Она накинула на себя сарафан, и ткань прилипла к ее мокрому телу, обозначив соблазнительные выпуклости, – картинка, которая запечатлелась в памяти Федора Сухова... Эта картинка времен его отрочества как бы предопределила встречу с Катей, единственной и незабвенной... встречу, которая несколько лет спустя также случилась на крутом волжском берегу.

Федор смирно сидел в осоке, пока девки и бабы, белея крепкими икрами, поднимались по косогору и скрылись в кустах на береговом откосе. Малость посинев – в Волге вода редко бывает теплой, – он с шумом вынырнул и сбросил с головы арбузный шлем.

... Мимо плыла полузатопленная бочка, торчащая косо из воды; плыли, стучаясь друг о друга, доски, разный мусор...

Федор быстрыми саженками добрался до баржи, стоящей неподалеку от причала в ожидании буксира, подтянулся на руках и взобрался на дощатую палубу, нагретую солнцем. Сторожа не было – видно, ушел на берег. Оставляя на досках мокрые следы, Федор прошлепал к арбузной куче, горой поднимающейся со дна баржи. Выбрал арбуз покрупнее, расколол его ударом кулака на две сочные половинки и с наслаждением впился зубами в алую сахарную сердцевину – сок потек по подбородку.

На луговом берегу Волги виден был мужик, ритмично ко-

сящий траву, лезвие косы взблескивало через раз. Где-то в отдалении ударил колокол – дрожащий, тягучий звук вознесся в небо...

Внезапно Сухову послышались далекие выстрелы, и он остановился, чтобы скрип шагов не мешал разобрать звуки. Ничего больше не услышав, он решил, что почудилось, и продолжил свой путь не быстро и не медленно – нормальным походным шагом, щуря покрасневшие от усталости и жары глаза. В мареве, струящемся ввысь, рождались то там то сям картины миражей – то голубое озерко, то зеленая куща, – отвлекая его от невыносимого однообразия пустынного пейзажа. А свиток воспоминаний времен его юности все разворачивался и разворачивался...

Расталкивая льдины форштевнем, буксир притерся к причалу и под веселое зубоскальство матросов с пристани, ловивших чалки и обматывающих их вокруг кнехтов, замер на месте.

По пружинящим сходням на берег потянулись мужики и бабы с мешками и сундучками, которых «по пятаку с носа», нарушая запрет, перевозили матросы.

На кряжистом, кривоногом дядьке Савелии были полушубок, картуз и смазные, толстой кожи сапоги. Пятнадцатилетний Федор Сухов кутался в потертый армячишко, но зато на ногах красовались «писанные» лапти «с подковыркою», ко-

которые ему сплел специально в дорогу его родной дед. Лапти «с подковыркою» являлись знаком высшего мастерства – в отличие от обыкновенных они украшались узорной «прошвой» и как бы «рантом» вокруг подошвы. За спиной у Федора болталась холщовая котомка, в которой лежали десяток моченых яблок и праздничная, яркого блеску сатиновая рубаха.

Федора поразил Нижний Новгород: по всему берегу, на версту и более, тянулись лабазы, склады, артельные лавки. Торговали всякой всячиной – и икрой, и рыбой, и мануфактурным товаром, и лошадьми, и коровами. Прибывший из бедной, голодной в ту зиму волжской деревушки под Самарой, Федор притих от такого изобилия.

У пристани и причалов сшивались сотни вольных «аристократов духа» – челкашей, или галахов, как их тогда звали на Волге. Вся эта голь и босота по весне, к началу ледохода, вылезала из разных щелей, где кое-как перемогала зиму, и скатывалась к Волге-матушке, к ее пристаням и причалам. Великая река кормила всех. Одни сбивались в артели грузчиков, другие подворовывали по мелочам, третьи – попрошайничали; и все были сыты, а главное, пьяны. Водки здесь истреблялось видимо-невидимо, поскольку любая работа по выгрузке или погрузке барж и пароходов или какая иная оценивалась одной мерой: количеством поставленных ведер спиртного.

Над лабазами и складами возвышался город, белея звон-

ницами, золотясь куполами церквей, красуясь двух – и трех-этажными дворянскими и купеческими домами.

Тянулись булыжные мостовые, по которым катили извозчики на легких пролетках, обгоняя тяжелые возы, влекомые широкогрудыми, мохноногими битюгами.

Над рекой и берегом моталась исполинская стая галок, сворачиваясь и распрямляясь, словно огромная черная простыня, заслоняя солнечный диск, проступающий сквозь мгlistый, холодный воздух слюдяным кругом.

По реке медленно, как по небу облака, плыли льдины, но большой ледоход еще не начался.

– Со мной, Федор, не пропадешь, – сказал Савелий, хлопнув парнишку по плечу.

На берегу вопили торговки, предлагая опробовать их кушанья. Продавали горячие пироги и холодный студень в мисках, тут же в больших сковородках жарились, шкворчали «рубцы» (завернутые в рулет потроха), домашняя колбаса и все виды волжской рыбы.

Савелий сразу же, не торгуясь, купил круг чесночной колбасы и полковриги хлеба – Федор впился в горячую колбасу зубами.

– Устрою тебя в лавку. У меня хозяин знакомый тут... Будешь торговать помаленьку... Выучишься на приказчика... – рассуждал Савелий, пока они шли берегом к деревянной лестнице, ведущей вверх от реки в сторону булыжной мостовой. – А там, чем черт не шутит, и свою лавку откро-

ешь... Ты ведь не то что я... Ты грамотный – не даром в приходскую школу бегал.

Федор думал теперь о невозвратном прошлом, о том, как он с ватагой деревенских мальчишек и девчонок «бегал» в церковно-приходскую школу за десяток верст от дома. Село, где была их школа, находилось на другом берегу Волги, и зимой они перебирались через реку по льду, а осенью и весной на лодках.

В этот вечер они не нашли хозяина лавки, знакомого Савелия. Пришлось переночевать у костра артельщиков на берегу.

А утром начался большой ледоход. По Волге, разлившейся в ширину на пару верст, а может, и больше, плыли, неслись льдины – маленькие, большие и целые ледяные поля. У берега льдины сгрудились и почти не двигались, лежа сплошной массой, а дальше, ближе к стремнине, они неслись по течению споро, налезая друг на друга, с шумом и треском.

Каждый год это движение льда на широком пространстве разлившейся реки собирало весь город на высокой набережной – отсюда на плывущих льдинах можно было увидеть все что угодно: то на большом ледяном поле, покрытом толстым слоем снега, виднелась часть дороги с вешками и санными колеями, желтыми от навоза; то оторвавшийся от берега и подмытый половодьем сарай с привязанной блеющей козой; то конура с собакой; то поленница дров, копны сена, не говоря о вмерзших в лед лодках, баркасах...

Насмотревшись на ледоход, Савелий и Федор пошли снова к деревянной лестнице, чтобы подняться в город и разыскать своего лавочника, но тут дядька Савелий приостановился, прислушался и подошел к артельщикам, сидевшим за врытым в землю дощатым столом. Среди разной снеди на столе возвышалась, поблескивая, трехлитровая бутылка водки – «четверть» (четверть ведра – отсюда и название), из-за которой и шел спор: водка предназначалась тому, кто сможет по льдинам перейти на тот берег Волги, пользуясь лишь багром да своей сноровкой.

– Сейчас я у них водку заберу, – бросил Федору Савелий и с ходу ввязался в разговор. Сильно жестикулируя, пуча глаза, снял картуз, ударил им о землю, а затем стал скидывать полушубок.

– Господа хорошие!.. – услышал Федор. – Четверть – это в одну сторону. Ставьте две... и я махну туда и обратно!

Артельщики, переглянувшись, согласились.

Савелий взял багор, подбросил в руках, проверяя увесистость, и направился к реке.

У берега лед был малоподвижным и довольно толстым – какое-то время Савелий шагал по реке, как по земле. Потом начались разводья между льдинами, вода в них кипела от стремительного течения... Савелий начал прыгать, перелетая с льдины на льдину, тыча в лед багром и им же балансируя, чтобы сохранить равновесие.

Артельщики на берегу громко приветствовали каждый

удачный прыжок Савелия.

Уменьшившись в перспективе, Савелий дошел до стрелы; тут он сбавил скорость, тщательно выбирая лыдину, прежде чем ступить на нее, старался сохранить равновесие, играя багром, телом...

Сухов, предаваясь воспоминаниям, краем глаза заметил, как над кромкой бархана мелькнула голова сайгака, и услышал мягкий, скорый топот убегающего животного, походивший на барабанную дробь. Взойдя на бархан, он увидел цепочку сайгачьих следов и двинулся в том же направлении, понимая, что в жару следы животного могут привести к воде.

От верхушек барханов возникли короткие тени, похожие на треугольные флажки. Чуть пахнул ветерок, и Сухов учуял легкий запах дыма. Насторожившись, окинул взглядом горизонт – вокруг было вроде бы спокойно, но он на всякий случай расстегнул кобуру.

Две четверти водки, поблескивая, стояли на деревянном столе и отбрасывали от себя радужную тень, прозрачную и колеблющуюся от лучей весеннего солнышка. Вяленая рыба, истекая жиром, млела на столешнице, распластанная на две половинки, как раскрытая книга. Рядом в миске подтаивал застывший студень. Артельщики пили из граненых стаканов, закусывали рыбой и студнем, подбадривая криками Савелия, который, теперь превратившись в плохо различимый

мое пятно, уже не мог их слышать.

Черная, как туча, большая стая галок развернулась во всю мощь на фоне солнца, отбросив на землю скользкую тень.

Толпа на крутых откосах берега переживала за Савелия – каждую весну кто-нибудь бросал такой вызов Волге, и каждый раз новгородцы заново переживали это событие, подбадривая смельчака криками.

Савелий, добравшись до противоположного, лугового берега, почти не был виден, но у одного из зрителей, седого дедка – бывшего капитана, – оказалась с собой подзорная труба, и он громко комментировал происходящее:

– Дошел... Дошел!.. Теперь на берегу!.. Машет багром!.. Отдыхает!..

Возбужденные зрители протискивались поближе. После продолжительной паузы дедок громко воскликнул:

– Пошел! Назад пошел!..

Постепенно Савелий начал обозначаться яснее, вот он уже допрыгал по льдинам до середины реки. Уже миновал самую стремнину. Ему осталось преодолеть меньше четверти расстояния. Совсем недалеко было сплошное поле льда, и тут разводье перед льдиной, на которой он стоял, вдруг начало увеличиваться. Савелий, широко размахнувшись, метнул багор в проплывающую перед ним ледяную глыбу и прыгнул. Но металлическое острие багра только скользнуло по заснеженному льду, и Савелий, не удержавшись, тяжело, как мешок, свалился в воду. И тут же ушел под кромку льда.

Народ на берегу охнул и разом замолк.

Артельщики так и остались стоять, кто с недоеденным куском студня, кто – с поднесенным ко рту стаканом.

Федор никак не мог осознать, что произошло. До сих пор он стоял абсолютно спокойный, наблюдая за охающей и замирающей толпой и гордясь за своего родного дядьку Савелия, сумевшего заставить всех этих людей смотреть на себя. С его дядькой ничего не могло случиться. Это мальчик знал твердо. Савелий всегда был самый сильный, ловкий, умелый в деревне. Он привез Федора в Нижний, он устроит его в лавку – с таким дядькой не о чем беспокоиться. И если Савелий взялся позабавить и удивить народ, то знал, что делает. И мальчик терпеливо ждал, когда он снова появится на льдине.

Жалобный крик женщины прорезал тишину и, нарастая, пронесся над волжским простором.

Савелий больше ни разу не показался на поверхности; лишь багор, косо застрявший в снегу, остался на льдине.

Галочья стая снова заслонила солнце – черная тень пронеслась по земле.

А Федор все ждал и ждал, чувствуя, как холодок поднимается по спине и страх начинает сжимать сердце.

Какой-то мужичок рванул было меха гармоники, перебирая непослушными, пьяными пальцами по кнопкам, но осекся под тяжелым взглядом одного из артельщиков.

На каланче, видимой с берега, выкинули красный шар,

звонко зазвонил колокол, сверкнул медный шлем пожарника.

Народ начал медленно расходиться.

Недвижным оставался только Федор.

Он не мог оторвать глаз от черной соломинки багра. Багор вращался то медленно, то быстро, повторяя движение льдины; льдину, крутя, уносило все дальше и дальше, ее уже почти не видно, и где-то там должен быть Савелий. Но его не было. И мальчик уже начал понимать, что дядьки Савелия больше не будет. Никогда. Непомерная тяжесть легла на его плечи, сдавила грудь, сковала руки и ноги. Вряд ли Федор мог объяснить, что происходило с ним в те минуты и часы – самые страшные, может быть, в его жизни. Но именно с этих минут и началась самостоятельная, взрослая жизнь Федора, с этих минут он начал помаленьку становиться тем Суховым – тертым, бывалым, прокаленным беспощадным солнцем и войной, не теряющимся ни в каких ситуациях, – имя которого будут знать от Астрахани до Самарканда.

...Федор так и остался на берегу. Оцепенев от горя, он весь день просидел на опрокинутой лодке. Солнце спускалось за горизонт, зажигая кресты на куполах церквей. В тишине был слышен лишь гомон птичьей стаи, снова и снова развертывающей над городом свою исполинскую, сотканную из тысяч черных телец простыню.

А рухнувший в воду дядька Савелий поплыл вниз по реке,

перевернувшись вверх спиной и свесив руки ко дну; понесло его по течению, и спина терлась о накрывшую его льдину, с которой он соскользнул.

Ткнулась в него стерлядь своим узеньким носом и ускользнула прочь, испугавшись.

Во рту Савелия застрял последний пузырь воздуха, колеблясь, как шарик ртути; он исторгся вместе с его духом, покинувшим тело минут через двадцать после утопления, и воспарил.

Набрякшие от воды одежда и сапоги тянули вниз; Савелий потихоньку погружался, описывая круги, как аэроплан, потерявший управление; наконец он мягко ткнулся в ил на дне Волги, взметнув тучу мути. Потрявоженный усатый сом отплыл прочь, уступая место человеку с выпученными глазами.

Перекачиваясь медленно, как перекасти-поле на ветерке, Савелий потянулся вниз по течению по дну реки, цепляясь за коряги...

Когда стемнело, к Федору подошла Нюрка, стряпуха с буксира, на котором они с Савелием давеча приплыли, обтирая руки о засаленный передник, кивком головы поманила его к себе, обняла за плечи и сказала:

– Ладно, пошли, чего уж... Его теперь не дождешься... С Волгой шутки плохи...

Тут Федора прорвало, будто плотину снесло; уткнувшись

в Нюркину грудь, в передник, от которого пахло жиром и кислой капустой, он зарыдал, задергавшись плечами и худенькой спиной. Женщина дала ему выплакаться, а затем, взяв за руку, повела за собой, к барже.

– Нам водолей нужен...

– А что это? – шмыгнув носом, спросил Федор, постепенно успокаиваясь.

– Младший матрос, – пояснила Нюрка.

Потом она подошла к артельщикам и, круто поговорив с ними, забрала две четверти водки, которые, как она считала, принадлежали по наследству Федору. Водка эта от его имени была выставлена команде буксира, принявшей Федора в свой круг...

Сухов, не прерывая походного шага, оглядел барханы и почувствовал во рту вкус той самой чесночной колбасы, которую купил ему когда-то Савелий и которую он не забыл до сих пор – упругий крендель, перетянутый в нескольких местах бечевкой.

На горизонте проскакали несколько всадников, виднеясь темными силуэтами на фоне белесого неба.

Сухов остановился и стоял неподвижно, пока те не скрылись из вида: движение выдает мгновенно. Потом снова зашагал, стараясь не высовываться за гребни барханов. Дымом запахло резче. То был не дым костра. Где-то горело человеческое жильё – это Сухов определил сразу. Он вдвойне на-

сторожился: запахи дыма, всадники, проскакавшие невдалеке, – все это могло обещать неожиданную встречу. Какую – он не знал, но всегда готовился к худшему, ибо зачем же готовиться к лучшему, если пока и так все нормально. За последнее время приятных встреч у Сухова было, прямо скажем, маловато, а еще вернее – почти совсем не было.

Пройдя еще немного, он свернул в одну из уходящих слегка в сторону ложбин между барханами и... пораженный увиденным, замер на месте – шагах в тридцати от него из песка торчала человеческая голова. Голова была темная, бритая, с закрытыми глазами. Оглядевшись – мало ли кто еще поблизости – он подошел к голове, один глаз которой приоткрылся, хотя Сухов старался ступать бесшумно.

Песчаная змея, недовольно извиваясь, отползла прочь от головы, испугавшись подошедшего человека.

Сухов воткнул лопатку с зарубками на черенке в песок – от нее упала тень; лопаткой же он измерил расстояние до конца тени, отсчитал зарубки.

– Пять часов, – сказал сам себе Сухов, затем обратился к голове: – Давно обосновался?

Голова с трудом приподняла второе веко – на Сухова смотрели суровые глаза жителя пустыни, в них не было ни мольбы, ни страдания. Сухов подсознательно сравнил этот взгляд со взглядом недавно виденного им орла.

В небе, не шевеля крыльями, косо пронесся беркут – тень от него мелькнула по песку рядом; Сухов зафиксировал это

краем глаза.

– Ты кто? – поинтересовался он у головы.

Ответа вновь не последовало. Сухов привык к людям пустыни, к их медлительности в словах и быстрой реакции в действиях, поэтому не удивился молчанию.

– Ты бандит или хороший человек? – как бы сам себя спросил он; то, что перед ним воин, определил сразу, по взгляду незнакомца.

Голова все также сурово смотрела на него. Сухов отцепил с пояса чайник и, вынув пробку, поднес носик ко рту головы, одновременно наклоняя его. Струйка стекла по сухим губам, которые сразу зашевелились, сглатывая воду. Вскоре Сухов отнял чайник, зная, как опасна вода для обезвоженного организма. Скупно глотнув сам, он воткнул пробку на место и забил ее ладонью для верности. Глядя на торчащую из песка голову, вспомнил про запах гари, который учуял не так давно, и решил, что эти события взаимосвязаны.

– Может, тебя откопать? – спросил Сухов.

Не дождавшись ответа, он очертил лопаткой круг и начал отгребать песок.

Когда Сухов выволок незнакомца из ямы, тот оказался сухощавым, хорошо сбитым и, видимо, сильным человеком, потому что сразу, не дождавшись помощи, несколькими рывками растянул узкий сыромятный ремень, связывающий его кисти, и освободил руки.

– Тебя как зовут? – спросил Сухов.

– Саид, – ответил незнакомец, и Сухов понял, что тот признал его, раз назвался.

– А меня Федор... Федор Сухов. Саид бросил на него быстрый взгляд.

– Ты взорвал плотину Аслан-бая? – как бы равнодушно спросил он.

– Было дело, – так же сдержанно ответил Сухов.

Короткий, цепкий взгляд Саида красноречиво одобрил взрыв плотины – было ясно, что новый знакомый не из друзей Аслан-бая.

– Кто тебя закопал? – поинтересовался Сухов.

Глаза Саида потемнели, и Сухов задал второй вопрос, дабы отвлечь незнакомца от первого:

– Куда теперь пойдешь?

– В Педжент.

– Ясно... – И именно потому, что ничего ясного не было, Сухов вновь поинтересовался: – А горело что?

– Мой дом, – вздрогнул от гнева незнакомец. Предположения Сухова оправдались, и он посмотрел туда, откуда тянуло гарью.

– А в Педжент зачем?

– Нужно... Джевдет туда поехал...

Это имя было Сухову знакомо.

– Я знаю Джевдета – сказал он, – Плохой человек...

– До колодца Пять чинар я с тобой дойду, а дальше – извини... домой иду. – Сухов, подумав, снял с ремня свой тя-

желый нож, поглядел на него, как бы любуясь на прощание, и воткнул вместе с ножнами в песок перед Саидом. – Это тебе – без оружия нельзя... Саид взглядом поблагодарил его.

– Я не забуду...

Сдержанно прозвучавшая благодарность человека Востока выражала многое – Сухов это знал.

Саид взял нож, наполовину вынул лезвие из ножен, оценивая синевато блеснувшую сталь, и остался доволен.

– Оружие должно быть надежным, – улыбнулся Сухов.

...Через несколько часов они брели по пескам вдвоем, преодолевая бархан за барханом. Солнце клонилось к закату, отбрасывая тени, ломающиеся на гребнях причудливыми зигзагами. Рыжее небо застыло над ними, и перелетная стая проплыла высоко в небе, похожая на разорванные четки.

Часы перед тем как начнет спадать зной были самыми тяжкими. Но сегодня они показались особенно жаркими. Тепло изнывало от желания броситься во что-нибудь холодное, например, в ледяной ручей, а всего бы лучше сейчас искупаться в Волге!.. Сухов представил себе прохладные струи родной реки... и тихий стон вождения сорвался с его губ.

Саид повернул к нему голову.

А Сухов все вспоминал свою Волгу – и летнюю, и зимнюю, и весеннюю... Он опять увидел ледоход и как дядька Савелий, не перепрыгнув через разводье, рухнул в воду, в ледяное крошево, и скрылся навсегда...

Сухов отогнал это горькое воспоминание и, повернув-

шись к Саиду, спросил:

– Ты знаешь, что такое ледоход?

– Нет, – качнул головой Саид.

– А лед ты видел?

– Что это такое?

– Да, – с сожалением согласился Сухов. – Не можешь ты знать, что это такое. Где тут его увидишь...

Красноармейский отряд, всего в сорок сабель – так он поредел в последних боях, – промчался через пустыню, оставляя за собой полосы взрытого копытами песка. Теперь в отряде было пятнадцать русских, остальные – туркмены, киргизы, узбеки; шесть ручных пулеметов, двадцать карабинов, семь винтовок, револьверы же были у всех. Шел отряд без отдыха, лошади и люди были измотаны до предела. А спешил командир отряда Рахимов потому, что хотел засветло дойти до Черной крепости, где, как сообщали лазутчики, располагился Абдулла, один из приближенных правителя Самарканда и Бухары, бегущий к границе с большими ценностями.

За отрядом по пустыне далеко тянулся шлейф смешанного запаха – лошадиного пота, человеческих немых тел, седельной кожи, ружейного масла.

Сухов почувствовал этот запах проскакавшего недавно отряда, кинул взгляд на Саида. Ноздри у того подрагивали, как у гончего пса, глаза были полузакрыты, но чутье следо-

пыта работало четко – Сухов знал, что сейчас последуют пояснения.

– Отряд прошел, – сказал Саид; как все азиаты, он следовал рядом с Суховым, чуть отставая, дабы не подставлять спину.

Тот кивнул соглашаясь.

– Много русских, – продолжал Саид.

– Как ты определил?

– От русских по-другому пахнет... и наши стараются пускать коней след в след.

– Это точно, – согласился Сухов. – Чтоб нельзя было пересчитать...

Абдулла спал в объятиях любимой жены, Сашеньки. За пологом поодаль спали девять других женщин его гарема. В полумраке подземелья, скрытого развалинами крепости, можно было различить только силуэты спящих, кувшины с напитками и круглые подушки-мутаки, разбросанные по коврику.

Открыв глаза, Абдулла не сразу вспомнил, где он находится, и невесело улыбнулся. Ему не нравилось, что он обрек на лишения и опасности полюбившую его русскую женщину, она достойна была совсем другой доли – счастливой и безмятежной.

Откинувшись на спину, Абдулла уставился неподвижным взором в потолок подземелья. Думая о своей жизни, он пы-

тался понять – чем провинился перед Аллахом?

Когда Абдулле исполнилось восемнадцать лет, отец его, Исфандияр, привел юношу к правителю Бухары и Самарканда всемогущему Алимхану.

Их провели через анфиладу высоких, блистающих роскошью зал, в отделке которых прихотливо сочетались два стиля – восточный и европейский, что, по-видимому, характеризовало вкус и устремления самого «светлейшего».

Исфандияр от всего этого великолепия немного оробел в душе, но перед сыном вида не показывал. Шел смело.

Переступив порог огромного кабинета, застыл в нижайшем поклоне, приложив руку ко лбу и сердцу.

Алимхан, поднявшись из-за письменного стола, подошел к Исфандияру и дружески похлопал по плечу, что явно польстило старику.

– Рад видеть тебя, Исфандияр!.. Как поживаешь? – осведомился Алимхан, усаживая старика в кресло; сам сел напротив, взял со стола золотой портсигар, достал папироску и, чиркнув кремнем, запалил ее от золотой зажигалки.

Исфандияр прищурил глаз на огонек заморской диковинки.

– Тебя часто вспоминаю, – расплылся он в улыбке.

– И я тебя помню. С чем пожаловал?

– Сын у меня вырос, – сказал Исфандияр, кивнув на дверь. – Грамотный... Из медресе сбежал – сказал, что будет

только воином...

– И впрямь грамотный, – усмехнулся Алимхан.

– Как я служил твоему отцу, хочу, чтобы и сын мой послужил тебе верой и...

– Пусть войдет, – вновь прервал старика Алимхан, взглянув на часы, сработанные из слоновой кости, инкрустированной драгоценными камнями.

Исфандияр, поднявшись, поспешил к двери. Распахнул ее, позвал:

– Абдулла, войди!..

Вошел высокий смуглый красавец и также низко поклонился.

– Подойди, – позволил Алимхан, с удовольствием оценив внешние данные юноши.

Абдулла подошел ближе, хотел было вновь склониться, но Алимхан жестом остановил его. Поднявшись, он взял юношу за подбородок и в упор посмотрел ему в глаза.

– Свою преданность ты докажешь делами, а не поклонами, – жестко сказал он.

Прошло много лет, но Абдулла помнил этот взгляд – глаза Алимхана смотрели на него, словно два черных дула.

Затем правитель повернулся к отцу Абдуллы.

– Ты сам знаешь, какие мне люди нужны, Исфандияр. Я возьму его к себе, если он выдержит все испытания.

Старый воин поднялся с кресла и, приложив руку к сердцу, уверенно сказал:

– Он выдержит.

С тех пор прошло больше десяти лет. Абдулла из высокого и тонкого юноши превратился в матерого воина с мощным торсом и крепкими, словно литыми из меди, ногами. Теперь, взглянув на его тяжелые покатые плечи, когда он сидел или спокойно стоял, можно было подумать, что он немного грузноват, но это впечатление сразу исчезало, стоило ему только начать двигаться: так легки, быстры и по-тигриному мягки были его движения. Абдулла прошел все испытания, о которых предупреждал его отца Алимхан. Эти испытания, почти запредельные для человеческих возможностей, шли непрерывной чередой на протяжении двух лет, пока Абдулла обучался воинскому искусству вместе с другими юношами, отобранными самим правителем.

Ни школы спартанцев, ни гладиаторов не шли в сравнение со «школой» Алимхана, основанной на крайне жестком методе воспитания, который не уступал только подготовке янычар в Великой Османской империи начала XVI века: предельно строгая дисциплина и суровое, без всяких сантиментов, обращение друг с другом; рабская преданность хозяину-владыке и неумолимая ненависть к врагу; постоянное полуголодное существование как главная основа физической и духовной крепости и, наконец, безусловное почитание всех канонов мусульманской веры, которое требует Аллах от своих воинов.

День в военном заведении Алимхана начинался в пять утра. Юноши обливались ледяной водой и после намаза – молитвы, обращенной к Аллаху, приступали к спортивным играм, военным состязаниям. В бескомпромиссных; жестких схватках юноши постигали все виды восточной борьбы, искусство джигитовки, изучали все известные системы оружия и стрельбу из него (а тех, кто за отведенное для этого время так и не научился метко стрелять – отчисляли).

Затем следовал легкий завтрак, после которого вновь продолжались занятия, только с еще более высокими по жесткости требованиями: рубка на саблях и схватки с кинжалами «до первой крови», а тот, кто при этом проявил хоть малейшую слабость духа, чуть струсил и дрогнул, – отчислялся из «школы» немедленно...

В течение всего дня юноши находились на ногах. В перерывах между военными и спортивными занятиями они прогуливались по саду – именно прогуливались, а не лежали и не сидели, – а их светские и духовные учителя вели с ними беседы, преимущественно философского характера.

Занятия в школе заканчивались поздно. Тщательно помывшись и переодевшись в чистое белоснежное белье – за этим строго следил Алимхан, – молодые воины отправлялись на ужин. Этот ужин был мясным и куда более плотным, чем, скажем, завтрак или обед, на которые юношам полагалось лишь по горсти сушеных абрикосов и по черствой лепешке, запиваемой стаканом воды. Перед сном все отправ-

лялись на молитву. Кому-нибудь другому весь этот обряд – стоять часами на коленях и беспрестанно падать ниц, замирая в земном поклоне, – мог показаться даже и физически не очень легким делом, но для юноши из «школы» Алимхана, едва стоящего от усталости на ногах после дня каторжных занятий, сама возможность опуститься для молитвы на колени оказывалась приятным отдохновением.

После молитвы юноши отходили ко сну, на который им отпускалось ровно пять часов.

Алимхан лично следил за подготовкой своих воинов и, будучи всего на десяток лет старше Абдуллы, часто и сам принимал участие в разных состязаниях, был силен и ловок в любой игре. Он придумывал все новые и новые испытания, вроде таких, как далекие конные и пешие броски через пустыню, во время которых юноши получали ту же горсть сушеных абрикосов и небольшую лепешку, но только раз в сутки...

Всем другим испытаниям и проверкам на крепость духа и выдержку Алимхан предпочитал проверку «на выживание». Заключалась она в том, что время от времени каждый юноша забрасывался в летнюю пустыню без пищи и воды и должен был там прожить в одиночестве не менее одной или двух недель. Многие боялись этого испытания: они знали, что без пищи этот срок можно просуществовать, но без воды в пустыне летом, когда температура поверхности песков под жгучим солнцем доходила до семидесяти-восемидесяти гра-

дусов, человеку грозила неминуемая смерть уже на вторые сутки. Правда, умирать юношам не давали: тайные наблюдатели успевали их спасти, чтобы тут же изгнать из школы.

Абдулла охотно шел на это испытание; выросший в пустыне, он был вынослив в ходьбе по пескам, быстро передвигался на большие расстояния; умел ориентироваться, ночью – по звездам, утром – по полету птиц и по следам животных. Добравшись до оазиса с колодцем, он обычно весь срок крутился недалеко от него. Если же не успевал дойти до колодца – находил места, где залежали мокрые слои песка, докапывался до них и добывал несколько глотков влаги. С едой было проще: Абдулла научился не брезговать мелкой песчаной живностью от черепах до ящериц.

Почти половина юношей не смогли выдержать двухлетние испытания в «школе» Алимхана и вынуждены были покинуть ее... Абдулла закончил обучение одним из первых и тут же был зачислен Алимханом в свою личную гвардию. Такой чести удостаивались немногие. Кроме того, Алимхан отметил это событие особо: Исфандияру, отцу Абдуллы, в награду за отличившегося сына был дан порядочный надел земли, а сам Абдулла получил в подарок богато обставленный дом в Бухаре с большим садом вокруг и с бассейном в саду. Эта щедрость имела, конечно, и свой восточный оттенок, свой смысл: правитель хотел быть абсолютно уверен, что ни у кого нет ни малейшей возможности перекупить его телохраните-

ля, а в будущем и тайного порученца, каковым он собирался сделать Абдуллу, досконально изучив за два года его характер и возможности.

Пригласив Абдуллу в свой дворец, он усадил его рядом с собой на ковер перед богато уставленным изысканными яствами достарханом и, широким жестом предложив угощаться, сказал:

– В Петербурге полагалось бы отметить твоё назначение шампанским, но здесь мы живём по законам Аллаха и поэтому будем пить шербет. – Он наполнил бокалы, приподнял свой. – Я пью за тебя! – Пригубив, поставил бокал на стол. – Итак, мой друг Абдулла, теперь у тебя есть свой дом...

– Спасибо, светлейший! – поблагодарил Абдулла, прижав руку к сердцу и склонив голову.

Алимхан жестом остановил его и продолжил:

– ...Ты будешь получать хорошее жалованье, и поэтому тебе требуется ещё и... – Он сделал паузу, спросил: – Что ещё тебе требуется, мой друг Абдулла?

– Мне ничего не требуется. Я всем доволен, светлейший! – Абдулла снова прижал руку к сердцу и поклонился.

– Нет, нет, нет!.. Брось!.. – с чувством произнес Алимхан. – Никаких «светлейших»!.. Мы с тобой оба молоды и отныне – друзья! Будем называть друг друга только по имени.

Восточный правитель знал, как такая демонстрация искренней дружбы льстит подчиненным и усиливает их пре-

данность.

– Как можно, светлейший?! – как бы шокированный таким кощунством, воскликнул хитрый Абдулла.

Он хоть и был еще молод, но, как человек Востока, уже достаточно понимал эти игры между людьми его веры.

– Я сказал!.. – требовательно повторил Алимхан. – Называй меня по имени или просто «мой друг».

Абдулла хорошо понимал, какая может быть дружба между знатным вельможей – приближенным самого российского царя и его наместника на восточных землях – и им, простым воином, хотя и телохранителем этого вельможи. Но все же он решил проверить, как далеко зайдет в своем порыве Алимхан.

Глаза Абдуллы на секунду блеснули, но он, тут же погасив этот блеск, спокойно и как-то уж очень простодушно проговорил:

– Хорошо, я согласен, друг Алимхан.

Правитель вскинул голову, задетый таким легким согласием, но широко улыбнулся.

– Вот и прекрасно!.. Но вернемся к нашим баранам: раз уж сам ты не знаешь, что необходимо твоему дому, я подскажу тебе – ты должен обзавестись гаремом.

– Я думаю, с этим можно пока и подождать... – начал Абдулла, но Алимхан перебил его:

– Нет. Ты ошибаешься, мой друг!..

– Хорошо. Я повинуюсь, друг Алимхан!..

– Прекрасно. Я могу посоветовать тебе только одно: для начала не бери больше десяти наложниц, будет очень хлопотно.

– Я все понял, друг Алимхан.

Они еще немного посидели за достарханом, но, когда Абдулла уже уходил, правитель остановил его перед дверью и, взяв за пуговицу, сказал:

– Мой друг Абдулла, ты понял, что мы теперь верные друзья?

– Да, друг Алимхан!

– Но это только наедине... В обществе, при людях... Не все и не всегда смогут верно нас понять.

Абдулла, прижав руку к сердцу и чуть улыбнувшись, низко поклонился:

– Я все понимаю, светлейший!..

Когда он закрыл за собой дверь, светлейший тоже улыбнулся:

– Я, кажется, в нем не ошибся.

Джамилю, соседскую дочь, Абдулла выкупил за горсть монет и десяток баранов.

Войдя в отведенные для гарема покои, которые Абдулла устроил в задней половине своего нового дома, пятнадцатилетняя девушка из бедной семьи замерла на месте, пораженная богатством обстановки, в которой ей теперь предстояло жить. Запищав от восхищения, она начала танцевать, ска-

кать, как коза, по коврам, прыгнула на софу, переложила по-своему все цветные подушки-мутаки; напевая, пооткрывала все флакончики с духами и баночки с мазями и румянами; походя стянула с достархана кусочки халвы, рахат-лукума, набила ими рот, продолжая тоненько мурлыкать свою песенку...

Абдулла, поймав ее, крепко обнял и неумело поцеловал в липкие, сладкие от халвы губы. Его опыт любви ограничился всего несколькими встречами с девицами известного рода, которых ему еще до «школы» Алимхана удалось посетить украдкой вместе с друзьями. Не сдерживая страсти, он грубо повалил девушку на пол и тут же, на ковре, овладел ею. Она покорно и так же неумело отдалась ему, негромко вскрикнув от боли, которую ей причинил первый в ее жизни мужчина. Уронив на ковер две слезинки, первая наложница Абдуллы быстро пришла в себя. Она ласково улыбнулась своему господину и, снова подбежав к достархану, стала набивать рот сладостями.

Вскоре после этого Абдулла отправился в Красноводск, чтобы выполнить одно из тайных поручений Алимхана, а заодно и договориться с каспийскими рыбаками о поставках в резиденцию правителя свежих осетров и икры. Торгуясь с артельщиками, он увидел дочь одного из рыбаков, которая помогала отцу выгружать из лодки улов. Она ему очень приглянулась. Абдулла выторговал Лейлу – так звали юную рыбачку – за новую сеть для отца и несколько золотых монет

в придачу.

Она была такой же юной и неопытной в искусстве любви, как и дочка его соседей Джамия, но это и было как раз вполне закономерным, потому что, достанься ему девушка, уже принадлежавшая мужчине, на голову ее родителей пал бы несмываемый позор, поскольку они получили калым за «попорченный» товар. Абдулла знал, что его наложницы, его жены научатся всему, что нужно, чтобы угодить своему господину, а пока необходимо немного подождать, но зато они будут принадлежать только ему одному и никому другому, и только он один, как захочет, может решать их судьбу.

Потом в его гарем пришли Гюзель, Саида, Зухра... К концу третьего года службы у Абдуллы в его гареме обитали семь жен. Джамия, ставшая к тому времени почти девятнадцатилетней, на правах первой жены умело руководила остальными, учила их, как лучше угодить своему господину, а возникавшие время от времени конфликты гасила в самом зародыше. Она взяла власть над девицами в свои руки, правда, сам Абдулла ей этого не поручал, но и не протестовал. Хотя каждая из юных жен Абдуллы втайне мечтала быть самой любимой, но, в общем, они все хорошо относились к Джамиле и даже делились с ней своими маленькими открытиями в искусстве любви, которые особенно нравились господину и которые Джамия, в свою очередь, рекомендовала всем и тут же брала на свое вооружение.

Абдулла был вполне доволен таким положением дел. К

этому времени он был уже достаточно развращен и опытен во всех любовных играх, которые могли предложить ему его юные жены. Он относился к ним ко всем почти одинаково и ни одну не полюбил страстно. Обладая огромной силой воли, он сдерживал себя в своих желаниях, поскольку подсознательно понимал свою натуру, чувствовал, какие бури дремлют в глубине его души, – вырвавшись наружу, они могли повредить всему, чего он достиг, поломать его карьеру. Абдулла очень ценил свою службу у Алимхана.

Правитель, в свою очередь, тоже высоко ценил служебную преданность и воинскую доблесть Абдуллы. Немногословный, обладавший изворотливым и коварным, особенно в острых ситуациях, умом, Абдулла безупречно выполнял все тайные поручения Алимхана, почти всегда опасные для жизни, связанные с поездками в Индию, Афганистан, Иран.

Ровно через три года этой безупречной службы правитель сделал Абдуллу начальником своей личной гвардии, а еще через год уже так привык не расставаться со своим телохранителем и «другом», что стал брать его с собой и в Петербург, куда Алимхану приходилось часто выезжать по делам своей государственной службы.

...Абдулла на всю жизнь запомнил свою первую поездку в Петербург.

Состав из пяти вагонов с паровозом конвоировался на всем пути следования по пустыне сорбазами – всадниками конной охраны. Миновав пустыню и степную часть, поезд

вырвался на просторы средней России и покатил среди золотистых хлебных полей, зеленых цветастых лугов, мимо белых березовых колков, сосновых боров и еловых перелесков до самого Петербурга, столицы России – великой Северной Пальмиры...

Выросший в пустыне Абдулла не отходил от окна, любясь невиданными до сих пор пейзажами, но главное, что привлекало его внимание на всех станциях, где останавливался поезд, это женщины: белокожие, приветливые, улыбочивые... а главное – с неприкрытыми лицами. У себя на родине он никогда не мог увидеть идущую по улице женщину без чадры. А у этих русских женщин не только лица были открыты, но и шеи, и плечи, а у некоторых – даже и часть груди в глубоком вырезе их легкого платья. Можно понять, как это подействовало на восточного мужчину – он тогда сразу посчитал всех неотразимыми красавицами. Но потом, на одной из станций, понял все, увидев действительно настоящую русскую красавицу. Она стояла на перроне, прощаясь с двумя офицерами. Абдулла прошел мимо них, и юная женщина, отметив его робкий и восхищенный взгляд, вдруг улыбнулась ему слегка кокетливо, немного призывно и вместе с тем чуть-чуть насмешливо, а ее огромные фиалковые глаза смотрели на Абдулла загадочно и ласково.

Войдя в вагон, Абдулла приоткрыл занавеску на окне и украдкой стал наблюдать за красавицей. Она же, увидев его в окне вагона, рукой в белой кружевной перчатке откинула с

лица длинные локоны светлых волос и еще раз послала ему свою дразнящую улыбку...

Поезд тронулся. Абдулла, прижавшись лбом к холодному стеклу, долго думал об этой удивившей его красотой русской женщине.

... Петербург поразил Абдулла своим величием, громадностью, необычными для его взора дворцами и храмами, широкими, прямыми, как стрела, шумными и многолюдными проспектами. Не говоря уж о Неве с ее «державным течением», с ее вздыбленными мостами.

Абдулла быстро привык к шумному городу и полюбил его так же, как Алимхан. Они передвигались по улице на моторе, которым управлял шофер, весь затянутый в кожу и в огромных очках. Этот автомобиль подарил Алимхану князь Юсупов, с которым он был на короткой ноге. Они дружили давно и, будучи, несомненно, одними из самых богатых людей в Российской империи, любили удивлять друг друга дорогими сюрпризами. Оба они входили в круг близких людей Его Величества, и Алимхан, копируя вкус царя, одевавшего гвардейцев своей охраны в черкески, заказал и для Абдуллы также роскошную белую черкеску.

Абдулла был в ней неотразим, и многие красавицы на великосветских раутах и балах кокетливо поглядывали на «интересного восточного мужчину». Абдулле, конечно, нравились эти русские женщины, но он, служа правителю, не допускал никаких вольностей и был с ними всегда подчеркну-

то вежлив и холоден.

Предававшийся воспоминаниям Абдулла приподнял голову, посмотрел на прильнувшую к нему молодую женщину, потом прислушался... В подземелье крепости продолжала царить тишина, только изредка в глубине помещения, как собачонка, тихо повизгивала во сне одна из его жен.

Сощурившись, Рахимов смотрел вперед – на фоне заката громоздились развалины Черной крепости. Конь его стоял в глубокой ложбине, и только голова всадника чуть возвышалась над гребнем барханной цепи. Рахимов был доволен тем, что привел отряд вовремя.

– Черная крепость, – задумчиво, как бы самому себе, сказал он и, подав рукой знак, подозвал взводного.

Тот, подскакав, лихо осадил коня. Рахимов поморщился.

– Потише нельзя?

– Никого же нет, товарищ командир.

– Поговори у меня, – обрезал взводного Рахимов и негромко стал объяснять план подхода к крепости, учитывая все меры предосторожности, вплоть до того, чтобы уложить коней и двигаться ползком, с двух сторон окружая крепость кольцом.

Взводный, отчаянный в бою, но «много понимавший о себе» малый, слушал с чуть заметной иронией, не придавая значения словам командира. Тот заметил насмешку, взо-

рвался было, но сдержал себя и устало сказал:

– Не будь ты русским, Квашнин, давно бы тебя пристрелил.

– Так точно, товарищ Рахимов! – вытянулся в седле взводный и озорно улыбнулся.

Малограмотный взводный Василий Квашнин с полгода назад закончил курсы младших красных командиров и был прислан в отряд для укрепления командного состава. Он считал себя стратегом куда выше «необученного» Рахимова. С его точки зрения – слишком осторожного и медлительно-го. Рахимов же относился к своему подчиненному снисходительно и по-своему любил этого не очень дисциплинированного, но зато лихого и бесстрашного малого.

– Ты все понял? – спросил он взводного.

Тот пожал плечами.

– А чего понимать-то... Окружаем крепость, всех к ногтю, а Абдуллу берем живым!.. – Он помолчал. – Ну и баб, конечно.

– Пустяки работенка, а? – усмехнулся Рахимов.

– Нормальное боевое задание, – спокойно ответил взводный.

– Ну-ну... – Рахимов снова посмотрел в сторону Черной крепости и решил подождать, когда еще больше сгустятся сумерки. – Ладно, готовь людей.

– Есть! – повернул коня взводный, но Рахимов тут же окликнул его:

– Квашнин! – Взводный оглянулся. – Не вздумай лезть к Абдулле один на один!.. Его нужно брать скопом.

Взводный широко улыбнулся.

– Небойсь, командир. Возьму его тепленького!..

Абдулла все смотрел на спящую с ним рядом любимую жену, вспоминая о том, что случилось с самой первой их встречи...

Поскольку по долгу службы Абдулла постоянно находился при Алимхане, все дела хозяина не были для него тайной. Так, однажды правитель Бухары и Самарканда, решив перестроить один из своих дворцов на родине, пригласил в свою петербургскую резиденцию русских специалистов – реставратора и хранителя музея, немолодых мужчин, рекомендованных правителю известным ученым-востоковедом... Реставратор, бывший церковный служитель, выслушав Алимхана, отказался сразу, оправдываясь незнанием восточной специфики, и тут же был с миром отпущен. Хранитель же, ученый, ранее преподававший в университете, фамилия которого была Лебедев, напротив, заинтересовался предложением.

– Скажите, профессор... – начал Алимхан.

Лебедев тут же перебил его:

– Простите, но я пока не профессор.

– Э-э... пустое, – махнул рукой Алимхан. – Мне рекомендовали вас как редкого знатока Востока... Так вот, какая, по-

вашему, главная разница между Востоком и Западом? – Он бросил свой вопрос как пробный шар, явно желая испытать Лебедева.

– Полагаю – Восток духовнее, – коротко ответил Лебедев.

– Вы имеете в виду некоторую часть нашего государства?

– Я имею в виду всю Российскую империю.

– Хорошо... Но у меня сложилось впечатление, что вы не благоволите Западу? – улыбнулся Алимхан, раскуривая папироску.

– Запад дает знание, а Восток понимание, что гораздо выше.

– О-о!.. – восхитился Алимхан. – Какая прекрасная мысль.

– Это не моя мысль, – заметил Лебедев. – Она принадлежит великому знатоку человеческой сущности Гурджиеву.

– С удовольствием разделяю эту точку зрения... Но... – Алимхан задумался, подбирая выражение.

– Понимаю, ваше высочество. Вы вынуждены считаться с Западом, ибо такова традиция света, тех людей, среди которых вы вращаетесь. Не так ли?

– Именно... А теперь перейдем к делу, профессор... Я реставрирую свою резиденцию в Педженте. Там трудятся лучшие мастера Востока. Вас я хотел бы попросить заняться экспозицией дворца, интерьером. В частности, собрать экспонаты, вернее, выбрать из множества имеющихся там, чтобы создать, так сказать, достойный музейный ансамбль... Дво-

рец мне дорог, ибо это мой курортный дом... Как для государя – Ливадия, – Алимхан улыбнулся своей шутке.

Лебедев молча кивнул. Приняв его молчание за нерешительность и сомнения, Алимхан поспешил подбодрить хранителя.

– В средствах не будет никаких ограничений... Назовите сумму вашего вознаграждения. – Он взял со стола золотое перо, раскрыл чековую книжку, собираясь вывести цифру. – Прошу.

– Я работаю не ради денег, – с достоинством ответил хранитель.

Алимхан улыбнулся и встал.

– Тогда сумму я назначу сам, – проговорил он.

Лебедев тоже поднялся с кресла. Абдулла открыл хранителю дверь.

– Этот сделает все, как надо, – сказал Алимхан, когда Лебедев вышел. – У русских есть много достоинств.

Зазвонил телефон, Алимхан снял трубку, позолоченную с инкрустациями; трубку поднес к уху, микрофон – ко рту. На лице у него появилась легкая улыбка.

– Здравствуй, князь, – сказал он в микрофон. – Что?.. Ну, конечно! С удовольствием!.. – Положив трубку, взглянул на Абдулла. – Князь приглашает нас на мальчишник.

Абдулла, улыбнувшись, наклонил голову.

– А сейчас возьми мотор и поезжай за... – Алимхан, в свою очередь, улыбнувшись, сделал паузу. – За одной пре-

красной барышней. Ты ее еще не видел – я сам знаком с ней всего две недели... Поезжай, шофер знает адрес.

Абдулла снова склонил голову, но теперь без улыбки, и, четко повернувшись, пошел к дверям.

Мотор, обгоняя конные экипажи, быстро двигался по улицам Петербурга. От громких звуков его клаксона шарахались в сторону лошади. Абдулла и в автомобиле сидел, как на коне во время парадного выезда: прямая спина, гордо поднятая неподвижная голова. Правда, внутренне он сейчас слегка морщился: ему не очень нравились поручения, связанные с женщинами хозяина. Суровый, самолюбивый воин, он считал эти поручения унижающими его достоинство. Но что поделаешь: его блестяще начатая и до сих пор также продолжающаяся карьера целиком зависела от Алимхана.

Шофер остановил мотор у подъезда красивого дома на Невском. Дверь квартиры на втором этаже Абдулле открыла хорошенькая горничная, вся в кружевах, рюшках и оборочках. Пропуская «красивого офицера», она «случайно» прикоснулась к нему мягкой грудью и, улыбнувшись, побежала доложить хозяйке.

Абдулла спокойно стоял в прихожей, ждал. Через минуту, не больше, из внутренних покоев появилась стройная и, казалось, совсем еще юная женщина – таким нежным и чистым было ее лицо.

Взглянув на нее, Абдулла замер: перед ним стояла та са-

мая женщина, которую он когда-то увидел на станции Бологое и чей образ до сих пор носил в своем сердце. Нет, это, конечно же, была другая женщина, но у нее был тот же овал лица, те же огромные фиалковые глаза, та же ласковая, чуть дразнящая улыбка.

Она протянула ему красивую, с узкой ладонью руку и неожиданно низким, чуть хриплым, но мелодичным голосом произнесла:

– Здравствуйте!.. Я Александра Дмитриевна. Для друзей – Сашенька.

Она кокетливо пришепетывала, и «Сашенька» в ее устах прозвучало как «Сафенька».

Абдулла двумя пальцами чуть сжал ее ладонь – в его ладони ее рука утонула бы почти до локтя – и глухо пробормотал свое имя.

На улице Абдулла, опустив глаза, распахнул перед Сашенькой дверцу и помог ей взобраться на высокую ступеньку авто.

Как потом выяснилось, он тоже понравился Сашеньке с первой встречи. Ей льстило, как этот суровый, гордый мужчина с мягкими движениями могучего тела смущался от одной только ее улыбки и краска проступала на его красивом смуглом лице.

...Обгоняя конные экипажи, они катили по главной улице города. Абдулла сидел впереди, рядом с шофером, все еще напряженный и поэтому молчаливый. Сашенька склонилась

к нему, почти коснувшись губами его уха. Абдулла вдохнул тонкий аромат ее духов, но, выросший в пустыне и привыкший различать множество запахов, он почувствовал также и нежный, волнующий аромат ее кожи.

– Скажите, Абдулла, у вас женщины ходят в чадрах? – улыбнувшись, спросила она.

– В чадрах, – вздохнул Абдулла, множество раз отвечавший на этот вопрос.

– Это ужасно! – воскликнула Сашенька. – Идти по улице и не видеть лиц женщин... Зачем же тогда на улицу выходить!

– Что поделаешь – таков закон нашей религии.

– Но ведь можно ужасно ошибиться!..

Абдулла понял, что Сашенька кокетничает с ним, и от этого улеглась его напряженность. Осталось только приятное волнение. Он слегка повернулся к ней, чуть не коснувшись усами ее пухлых губ, и, улыбнувшись, сказал:

– Нет, ошибиться невозможно. Красавица и под чадрой красавица. Это сразу понятно.

– Не понимаю... – Сашенька широко открыла свои и без того огромные глаза. – Ведь не видно ни глаз, ни губ, ни улыбки... – перечислила она самое лучшее в своем лице.

Абдулла взглянул в ее бездонные фиалковые глаза и, не удержавшись, пылко ответил:

– А если вы, госпожа Сашенька, наденете чадру разве можно ошибиться?!

– О-о-о!.. – проворковала польщенная женщина. – Луч-

шего комплимента я давно не слыхивала! Вы опасный человек, Абдулла!

– Я – опасный?! – подыгрывая ей, «удивился» Абдулла. – Помилуйте – я всего-навсего слуга вашего господина!

Сашенька, перестав улыбаться, замолчала, в задумчивости тихо произнесла:

– Да, да... господин... мой господин... – Погодя поинтересовалась. – Ну и что сейчас подельывает Алик?

– Алик? – переспросил Абдулла, не поняв, о ком она говорит, но потом сообразил, что так она называет Алимхана, правителя Бухары и всей территории до самого Каспия.

– Ждет вас, – коротко ответил он, больше не оборачиваясь и глядя прямо перед собой.

Проводив Сашеньку до кабинета Алимхана, Абдулла прикрыл за ней дверь, а сам сел напротив, не спуская с двери глаз, – минуты тянулись бесконечно долго. Он ругал себя за то, что сидит здесь, но все же не уходил – острые коготки ревности потихоньку впивались в сердце.

Наконец дверь распахнулась, вышла смеющаяся Сашенька, следом появился Алимхан, тоже веселый. Абдулла вскочил со стула, опустил глаза, но краем глаза следил за ними.

– А Абдулла будет не против? – весело спросила Сашенька у Алимхана.

– Думаю, он будет только рад, – ответил тот, целуя женщине на прощание руку.

...Абдулла вез Сашеньку обратно той же улицей. Она была все такой же многолюдной, полной пролеток и фланирующих людей; витрины магазинов ярко светились.

– Знаете, Абдулла, я, наверное, соглашусь на предложение Алимхана... – улыбнулась Сашенька, когда Абдулла, подавая ей руку, помогал выбраться из мотора.

– Какое? – невольно вырвалось у Абдуллы; ни с кем другим он бы не позволил себе такого любопытства.

Сашенька улыбкой отметила его порыв и, помолчав, весело сказала:

– Посетить ваши края.

Она упорхнула к своему подъезду и скрылась в легком тумане, ореолом светящемся вокруг фонарей.

У Абдуллы забилося сердце – он действительно обрадовался.

Вскоре они покинули Петербург и выехали в Бухару. В дороге Алимхан придумал Сашеньке еще одно имя и стал называть ее по-восточному – Ханум.

– Почему Ханум? – спросила Сашенька.

– Ханум по-нашему – госпожа, – ответил Алимхан. – Ты будешь моей госпожой... Ты хочешь быть моей госпожой?

Сашенька с грустной улыбкой ответила:

– Какая рабыня не мечтает стать госпожой.

– Нет, нет! – с излишним пафосом закричал Алимхан. – Ты не рабыня, ты – моя госпожа!

...Лебедев, которого поместили в соседнем вагоне, всю дорогу читал, делал выписки; пейзажем за окном не интересовался.

Начались степи – милая глазу картина. Всадники-сорбазы встретили поезд и поскакали вдоль железнодорожного полотна, приветствуя своего господина и повелителя.

Алимхан, Абдулла, а с ними и Лебедев сошли с поезда на границе песков, где только еще прокладывалась новая колея, и в коляске покатали в Педжент вдоль штабелей новых деревянных шпал, вкусно пахнувших мазутом.

Сашенька осталась в поезде под присмотром многочисленной прислуги и охранников.

В Педженте в ту пору было лишь несколько глинобитных домов; отдельно от остальных располагалась таможня – небольшой двухэтажный дом белого цвета, окруженный глухим, белым же глиняным забором, – там поселился новый таможенник по фамилии Верещагин...

«Кавалер, храбрец, большой физической силы человек», как сообщил о нем Алимхан и рассказал о первом же деле, благодаря которому тот прославился и запомнился всем надолго: контрабандисты, набрав беспошлинного товара, стали уходить морем на баркасе. Верещагин выбежал из таможни с пулеметом и после нескольких предупредительных окриков в упор расстрелял баркас, изрешетил его. Баркас стал тонуть. Тех, кто доплывал до берега, Верещагин самолично

брал в плен, оглушая ударами своего здорового кулака. Затем связал всех одной веревкой и так, гуськом, пешим ходом, доставил их в красноводскую тюрьму, тогда именуемую острогом...

Дворец, резиденция Алимхана, был почти завершен – высокое, отделанное цветными изразцами, с резными арками и балконами здание красиво выделялось на фоне окружающего пейзажа и предназначалось для отдыха и приема гостей.

Поселок вокруг быстро разросся – дворцу требовались рабочие руки, обслуга. Здесь, на побережье, остро пахло морем, было прохладно, особенно вечерами, и само море синим лоскутом далеко просматривалось меж глинобитными домами, особенно синее на фоне желтого песка.

Алимхан, Лебедев и Абдулла прошлись по комнатам, поднялись на второй этаж; Лебедев уже был в тубетейке; он сделал несколько толковых замечаний по поводу конструкции здания, и мастера, следовавшие за ними, согласились с русским специалистом.

Потом все трое спустились в подвалы, где были сложены картины, утварь и прочие ценности, предназначенные для украшения покоев дворца; там они провели несколько часов, советуясь друг с другом, иногда споря, причем Алимхан часто уступал, поняв, что ему действительно попался редкий знаток Востока...

– А если вам будет скучно, можете посетить в таможене

вашего соотечественника Верещагина, – сказал на прощание Алимхан Лебедеву. Затем он повернулся к Абдулле. – Ты встречался с ним?

– Приходилось, – усмехнулся Абдулла.

– Ну и как кончались ваши встречи?

– Пока вничью... как в шахматах.

– Неплохо. Верещагин крупный шахматист в своем деле!

...Они вышли из дворца, уселись в коляску и покатали на станцию, оставляя за собой шлейф песчаной пыли. Железнодорожная станция располагалась на границе песков, в трех часах езды от Педжента.

Алимхан обронил фразу, запомнившуюся Абдулле:

– Этот Лебедев умный человек. Смотри, чтобы он не сбежал в свою Россию. У русских это называется ностальгией.

– Я понимаю, друг Алимхан, – с легким оттенком иронии ответил Абдулла.

Алимхан, повернувшись, пристально посмотрел на него, и они оба рассмеялись.

В Бухаре цвел урюк, пахло свежей листвой, ароматным дымом от жаровен с горками желтого плова.

Здесь Алимхан был постоянно занят своими многочисленными делами. Абдулла же почти все свое свободное от поручений хозяина время проводил с Сашенькой.

Они гуляли по саду, окружающему роскошную резиденцию правителя, беседовали, играли в нарды – этой восточ-

ной игре обучил Сашеньку Абдулла, и она, сражаясь с ним, проявляла великий азарт.

Абдулла все больше привязывался к русской женщине, боясь этого и одновременно стремясь к ней. Он проклинал себя за возникшее чувство, стыдясь и терзаясь, ибо по-прежнему был очень предан Алимхану, но все равно стремился к Сашеньке, злясь на себя и на Алимхана, однако вел себя очень сдержанно.

– Абдулла, ты такой робкий, – смеялась Сашенька, заставляя трепетать его сердце.

Как-то, гуляя по саду, Абдулла рассказал Сашеньке о той молодой женщине, которую он когда-то увидел на станции, на российской земле – всю в белом, с белым зонтом, в белых по локоть перчатках, – рассказал о ее лице, о глазах, глядя при этом на Сашеньку. Это было почти прямое признание, но Сашенька «наивно» спросила:

– Абдулла, а ты, часом, стихов не пишешь? – и улыбнулась.

Абдулла обиделся. Он считал это занятие недостойным настоящего воина. Поняв это, Сашенька тотчас попросила у него прощения, ласково прикоснувшись к его плечу.

– Значит, тебе нравятся русские барышни? – спросила она погодя, когда он успокоился.

– Очень нравятся, – признался Абдулла. – Они красивые и светлые, как... – он поискал сравнение. – Как пустыня... – закончил он.

Сашенька сдержала смех, подумав, что Абдулла опять обидится.

– Наверное, еще никто не сравнивал женщин с пустыней, – заметила она как можно деликатнее.

– Для нас пустыня – это жизнь.

– Значит, женщина и жизнь одинаковые понятия? Да, Абдулла?

– Да.

– Все женщины?

– Почему – все?.. Я же говорил об одной... – Он страстно взглянул на Сашеньку, но та перевела разговор на другое:

– Абдулла, у тебя есть гарем?..

– Есть, небольшой... – ответил он.

– Скажи, какую из женщин твоего гарема любишь больше всех?

– Никакую, – отвернувшись, коротко бросил Абдулла.

– Но это же глупо!.. Если бы я была мужчиной и имела гарем, я бы любила в нем каждую женщину. Это же так прекрасно!.. Каждая женщина по-своему очень интересна.

Абдулла улыбнулся и пожал плечами, поняв, что она снова кокетничает.

...Однажды Сашенька вроде бы в шутку предложила Абдулле убежать в горы, которые белели вдаль снежными вершинами, ослепительно сверкающими на солнце.

– Я соскучилась по снегу, понимаешь? – говорила она и все чаще вспоминала Петербург.

Вспомнила, как в затуманенном свете газовых фонарей стоял под ее окном приехавший за ней Абдулла, как он волновался, ожидая ее, как одергивал полы черкески, как проводил рукой по газырям и как темнели его глаза, когда он видел ее выходящей из подъезда.

Алимхан заметил их взаимную приязнь, но, считая себя человеком светским, относился к этому вполне интеллигентно. Все же, позвав Абдуллу к себе на ужин, как бы невзначай поинтересовался его личными делами: как у него дома, как поживают жены?

Абдулла, поклонившись, поблагодарил хозяина за заботу, а тот, улыбаясь, продолжал:

– Мой друг Абдулла, кызыл-паша, короче говоря, старший евнух сейчас обновляет состав моего гарема. У него на примете много подрастающих красавиц... Я решил тебе, как другу, подарить двух совершенно очаровательных девиц, и притом, заметь, очень сообразительных и игривых. Скоро они появятся в твоём доме.

Абдулла снова молча поклонился, и от Алимхана не укрылось, как пылали щеки его начальника охраны. Удовлетворенный, правитель понял, что Абдулла полностью уловил суть разговора.

– Вот и прекрасно, – улыбнулся он. – Как поживает твой отец?

– Спасибо, светлейший, хорошо.

– Передай уважаемому Исфандияру мой поклон, – закон-

чил аудиенцию Алимхан.

Абдулла покинул кабинет, решив впредь избегать встреч с Сашенькой. Он оценил деликатность Алимхана, но разозлился на него за то, что тот не прибегнул к прямому мужскому разговору.

Целую неделю он самозабвенно занимался делами или делал вид, но с Сашенькой не встречался.

– Абдулла, – капризно сказала она, как-то остановив его в одной из увитых цветами галерей дворца, – если ты будешь избегать меня, я обижусь всерьез!.. В чем дело?..

– Поверь, госпожа, я очень занят, – ответил Абдулла, пряча глаза.

Вскоре до Бухары дошли слухи о перевороте в России. Потом там началась Гражданская война. Русские уничтожали русских. Алимхан жаловался Абдулле, что перестал понимать все происходящее в России: зачем нужно русским истреблять людей, которые являлись цветом нации и составляли гордость, славу и мощь империи; почему не щадят они ни уникальную и единственную на всей земле русскую интеллигенцию, ни даже священников, ниспровергая тем самым самого Господа Бога?..

На окраинах империи появились неизвестные до того русские люди. Они призывали дехкан к свободе и к мировой революции. Что это значило, толком не понимал никто – понимали лишь одно: нужно разорять тех, кто богаче тебя, и уни-

что жать их... В Средней Азии началась война между красноармейцами и «басмачами» – так назывались люди, подобные Абдулле. Эта война обещала быть очень длительной, как все войны России на Кавказе и в Средней Азии.

В Бухаре пока было спокойно, но встревоженный всем происходящим вокруг Алимхан решил спрятать свои ценности, закопав их в потайных местах пустыни. Руководить этой операцией было поручено Абдулле, и тот четко выполнил приказание правителя: закопал клады в разных местах, а всех, кто помогал ему в этом, собственноручно расстрелял.

Пришло время, и начались волнения в самой Бухаре. По приказу Алимхана Абдулла жестоко расправился с зачинщиками, призывающими дехкан выходить на улицы с требованиями все той же свободы: поотрубал им головы на площади.

Сашенька была шокирована этими «азиатскими» действиями Алимхана, даже перестала разговаривать с ним, уединилась, ни с кем не желала видеться.

Злой от всего происходящего, высокомерный Алимхан возмутился поведением своей русской наложницы и, на чисто позабыв про свою «светскость», велел наказать ее несколькими ударами плети, что и было исполнено евнухом в ее же покоях.

Абдулла по приезде в резиденцию узнал об экзекуции, очень опечалился и в душе рассердился на Алимхана. Несколько часов он провел у покоев Сашеньки в надежде, что увидит ее, но безрезультатно. И лишь когда Абдулла

громким кашлем решил дать знать о своем присутствии, Сашенька отворила дверь и кивком пригласила его зайти.

– Ненавижу вас всех! – гневно сказала она, притворив за ним дверь.

А когда он попытался объяснить, что по восточным законам нельзя перечить мужу, даже если он неправ, погнала его прочь.

– Ты такой же, как он!

Абдулла взял ее за руки, попытался успокоить, но она вырвалась и вытолкала его за дверь.

... Через сутки Сашенька сама вышла из своих покоев, была подчеркнута весела и мила, но что-то в ней изменилось, словно оборвалось, – такая она стала Абдулле еще желанней.

В Бухаре зрел большой бунт. Алимхан собрался в одночасье и покинул родину, переправившись через границу в Афганистан.

Абдулле, сопровождавшему его до кордона, он наказал вскоре приехать к нему, предварительно вырыв два из шести кладов.

Вернувшись в Бухару, Абдулла нашел резиденцию правителя разграбленной; кабинет Алимхана сгорел, а с ним и ценные бумаги.

Переодевшись дехканином, Абдулла приступил к поиску Сашеньки по всему городу – слухи о ней были самые разногласившие: одни говорили, что эта женщина прячется где-то

здесь, другие – что она отправилась на север с попутным караваном.

Абдулла собрал отряд из верных людей и после безрезультатных поисков в городе, где установилась новая власть, двинулся на север, прихватив с собой своих жен и кое-какие ценности; его не покидала мысль о Сашеньке. Он предположил, что она также двинулась на север, направляясь в родные края, в Россию. Она в последнее время действительно очень скучала по родине, по прохладе, осени, снегу...

Надо сказать, что Алимхан еще задолго до своего отъезда за границу прислал в гарем Абдуллы двух подаренных ему жен. Звали их Гюльчатой и Зарина. Обе были совсем юные, прехорошенькие, быстроглазые, но, когда Абдулла решил приласкать Гюльчатой, она от страха забилась в угол, закрываясь чадрой и стараясь не дышать. А когда он обнял ее, решив, что в его объятиях девушка растает, гибкое тело Гюльчатой стало деревянным. Абдулла, который давно уже привык к изысканным ласкам своих наложниц, вздохнув, отпустил новенькую жену и поручил Джамиле заняться ее образованием.

Алимхан в Афганистане ждал Абдуллу, который должен был доставить ему золото, и очень тревожился по поводу его долгого отсутствия – ведь только Абдулла один знал, где спрятаны сокровища. Наконец бывший правитель снарядил

тайного гонца, и тот, отыскав Абдулла, передал ему приказ Алимхана: немедленно прибыть в Афганистан с драгоценностями.

Абдула, выслушав присланного Алимханом человека, вздохнул.

– Ты сделал большую ошибку, что нашел меня, – сказал он и застрелил гонца.

Нет, он, конечно, не хотел ограбить Алимхана, не хотел воспользоваться даже малой толикой его сокровищ. Просто он потерял голову и не хотел, не мог заниматься ничем другим, пока не отыщет Сашеньку. Поиски же эти теперь осложнились и тем, что ему на хвост сел красноармейский отряд Рахимова, – приходилось скрываться, заметать следы, менять маршрут, а попробуй тут свободно маневрировать, когда у тебя на шее висит твой собственный гарем, все девять жен, которых он еще не успел спрятать в надежном месте.

Все же Абдулла отыскал Сашеньку, догнал ее в придорожном духане, расположенном невдалеке от Черной крепости. Она со слезами кинулась к нему – в простеньком платице, похудевшая, но все такая же желанная и еще более красивая.

– Ну, госпожа, ну же... – успокаивал ее Абдулла, унимая стук сердца. – Все уже позади... Я нашел тебя!..

... В эту же ночь она отдалась ему, шепча горячие слова и покрывая его лицо и грудь поцелуями... Но прежде, когда они только опустились на ложе, она, обняв его и с ласковой страстью глядя в его глаза, сказала нежно и доверчиво:

– Аллах акбар.

– Да, да, – ответил Абдулла и, улыбнувшись, поцеловал ее.

Но Сашенька продолжила:

– Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет – пророк его.

Абдулла изумленно вскинулся, сполз с кровати на пол и встал на колени.

Дело в том, что произнесенная Сашенькой формула тут же сделала ее мусульманкой. На земле есть множество религий, и для посвящения себя одной из них существуют более сложные или менее сложные обряды, но только одна из религий – мусульманская, – чтобы стать приверженцем ее, требует громко и внятно произнести всего одну фразу: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет есть пророк его». Конечно же, чтобы произнести эту формулу, человек должен сознательно, может быть, всей своей жизнью подготовиться к ней, но тем не менее произнесший эту сакраментальную фразу становится мусульманином навсегда. Поэтому так поразило Абдуллу сказанное Сашенькой священное для мусульманина заклинание.

– Ты понимаешь, что ты сказала? – спросил он.

– Да, милый, – простодушно улыбнулась Сашенька. – Я хочу, чтобы между нами не осталось никаких препятствий... Разве любовь не превыше всего?

Абдулла, прижав к губам край ее одежды, подумал, что, наверное, это все-таки кощунственно – поставить любовь выше Бога, и спросил:

– Но ты понимаешь, что теперь даже смерть не освободит тебя от того, что ты сказала?

– Конечно, милый, – ответила Сашенька и, снова улыbnувшись, протянула к нему руки. – Иди ко мне.

Абдулла ничего больше не мог противопоставить этой очаровательной наивности и понял, что единственным богом Сашеньки на этом свете была любовь.

Впервые в жизни он ощутил полное счастье от обладания женщиной. Когда же их страсть немного поутихла, он как преданный воин вдруг ощутил в глубине души жгучее чувство стыда за предательство по отношению к своему хозяину. Кляня себя, он за это еще более возненавидел его и, сурово посмотрев на Сашеньку, предложил:

– Хочешь, я поеду и убью Алимхана?

– Что ты!.. Нет, нет!.. Зачем еще осложнять жизнь? – запротестовала она. – Мы должны думать только друг о друге... Хочешь, я буду в твоём гареме, но на правах любимой жены?..

«О русские женщины!» – думал удивленный и покоренный навсегда Абдулла. Но одно в эту ночь он понял твердо: эта женщина, в сущности порочная, отныне действительно будет для него госпожой до конца его дней.

В пустыне сгустились сумерки. Догорал пожар зари, вначале раскинувшийся в полнеба. Рахимов оглядел бойцов своего отряда, кивнул взводному Квашнину.

Шесть всадников и взводный, уложив коней, отделились и поползли в сторону крепости.

У полуразрушенных ворот, на развалинах крепостных стен, неподвижно сидели нукеры, охраняющие сон Абдуллы, выделяясь на фоне заката темными силуэтами.

Еще одна шестерка красноармейцев-туркменов с арканами и ножами поползла с другой стороны. Остальные, приготовив к бою оружие, немного выждали и пошли в обход сразу с двух сторон, чтобы окружить крепость.

Сухов и Саид перевалили через очередной бархан. На меркнушем закатном небе сверкала яркая и единственная звезда. Дышащая жаром пустыня готовилась к ночной жизни: высывались из норок разные песчаные твари, иногда, шурша, оседал песок – все вокруг наполнилось робкими шорохами. Низко пронеслась какая-то птица, громко ухнула выпь.

– Слева Черная крепость, – сказал Сухов, хотя крепости отсюда видно не было. – Через час дойдем до колодца...

Саид молча кивнул.

Поднявшись на гребень бархана, Сухов взглянул налево, где стояла яркая звезда, и ему показалось, что он различает зубчатые очертания крепости; но это только казалось, потому что до крепости было еще часа два ходу.

Саид занес было ногу, но остановил ее на весу. Сухов вопросительно взглянул на него, понимая, что так сделано

неспроста.

– Там черепаха, – пояснил Саид.

И действительно, песок стал выпукло приподниматься, осыпаясь, и показался панцирь.

– Как ты определил? – удивился Сухов.

– Сама мне сказала, – ответил Саид вполне серьезно.

Сухов, не удивляясь, согласно качнул головой.

Один из нукеров Абдуллы, охраняющий вход в крепость, от скуки вытащил игральные кости, потряс их в кулаке, пощелкивая. Другой, кивнув, подсел поближе. Первый кинул кости на каменную плиту – выпало две шестерки. Выигравший нукер радостно засмеялся, оскалив желтые зубы. В этот момент петля аркана с легким свистом захлестнула его горло и прервала смех. Нукер захрипел и повалился. Одновременно другой аркан свалил его товарища.

Та же участь постигла в разных концах крепости еще троих, и лишь четвертый, влекомый арканом, успел выхватить нож и, полоснув по веревке, перерезать ее; тем же ножом он убил прыгнувшего на него красноармейца-туркмена и, перевернувшись на живот, выстрелил из револьвера.

Сухов и Саид брели по пескам.

– Стреляют, – сказал Саид, повернувшись в сторону Черной крепости. Глаза его при этом были полузакрыты – он весь был обращен в слух.

Сухов тоже прислушался.

– Показалось, – после паузы возразил он.

От выстрела Абдулла проснулся мгновенно. Сбросив с себя руку спящей Сашеньки, он схватил лежавшие, как всегда рядом, карабин и одежду, отбежал к стене. Рядом с этой стеной был выход из подземелья. Отсюда просматривались два марша лестницы, ведущей к дверям.

Абдулла натянул штаны из мягкой замши, перехватил халат широким ремнем, на котором висели две кобуры, одна из них деревянная с любимым его оружием – маузером.

Наверху застучали пулеметы.

Визжали на своей половине женщины, сбившись в кучу, как овцы, их визг эхом отскакивал от каменных стен, усиливаясь многократно.

Двое нукеров Абдуллы прицельными выстрелами уложили нескольких красноармейцев, но были скошены с тыла пулеметной очередью. Раздался громкий топот сапог сбегавшего по ступеням вниз человека.

Сашенька с надеждой и мольбой взглянула на Абдуллу – он ответил ей ласковым взглядом, одновременно ободряющим и уверенным, продолжая хладнокровно одеваться. Завязал шнурки одного чарыка, стал надевать на ногу другой.

В дверном проеме появился взводный Квашнин. В его руках был «Гочкис» – пулемет с длинным стволом, забранный в кожух, похожий на самоварную трубу, и дуло этой трубы замерло на Абдулле, надевавшем чарык.

– Руки!!! – грозно заорал взводный.

Абдулла медленно начал поднимать правую руку, а левой только чуть вскинул карабин, и раздался выстрел.

Лихой взводный, так и не успев понять, что случилось, скатился по ступеням вниз, к ногам Сашеньки, она, вскрикнув, отпрянула в угол.

– Не бойся. Кроме меня, ни один мужчина не может посетить мой гарем, – усмехнулся Абдулла. – А это всего лишь мертвец... Бывший мужчина.

В стене повернулась тяжелая каменная плита, и из тайного хода вышел нукер, отвесив легкий поклон.

– Прости, ага, что потревожили тебя. Мы окружены.

Нукер покосился на кричащих женщин, но, спохватившись, тотчас потупил взор.

– Этот Рахимов никогда не начинает воевать вовремя, – устало поморщился Абдулла. – Всегда на полчаса раньше.

– Надо уходить, ага.

Абдулла, двинувшийся было к тайному ходу, ощупал карманы жилета, остановился.

– Четки... Ищи четки!

Он принялся шарить под подушками, разбрасывая их во все стороны; раскидывал подносы с едой, растоптав несколько спелых персиков, чавкнувших под его каблуками.

На лестнице появились два красноармейца с винтовками наперевес. Абдулла снова навскидку выстрелил два раза, продолжая искать четки. Красноармейцы упали по обе сто-

роны лестницы. Нукер, сообразив, перевернул труп взводного – и протянул четки, которые оказались под убитым. Абдулла облегченно вздохнул, приложил четки к глазам и спрятал их на груди; кивнул на кричащих женщин.

– Лошади для них готовы?

– Как ты приказал, ага, но... – Нукер помедлил, тоже кивнул в сторону женщин. – С ними мы не уйдем.

– Что?! – вспыхнул Абдулла и вскинул руку, на кисти которой уже висела камча.

Нукер, не дрогнув, спокойно смотрел на него. Абдулла, не ударив, опустил руку с плетью, глухо сказал:

– Не могу я их оставить, Максуд.

– Как скажешь, ага, – так же спокойно ответил нукер.

Абдулла схватил за руку Сашеньку и потащил ее к потайной двери, дав знак остальным женщинам, чтобы следовали за ним.

Нукер прикрыл отход Абдуллы и женщин. Потом собрался было и сам юркнуть в потайной ход, однако сверху раздалась очередь – и он свалился на пол, но, и тяжело раненный, продолжал отстреливаться от сбежавших вниз по лестнице красноармейцев, задерживая их.

Закат догорел. Небо стало быстро наливаться темной синевой. Появились звезды, яркие, белые и голубые. Песок в ложбинах потемнел. Над землей заплясали летучие мыши. Запахло по-другому – от всякой живности, выползшей из-

под песка и камней наружу, – хотя песок еще дышал зноем. Саксаул на вершине бархана казался вырезанным из жести. От вечернего ветерка по песку пробежал легкий смерч-вьюн, крутясь волчком и втягивая в себя пыль. Коснувшись шара перекасти-поля, вьюн завертел его, затем легонько приподнял в воздух и, продолжая вертеть, понес по воздуху, как детский надувной шарик.

Цепочка следов Сухова и Саида, тянувшаяся через барханы, темнела впадинками. Вдруг Саид резко обернулся, выхватил нож из ножен и метнул его – обезглавленная змея еще долго извивалась, утюжа песок позади них.

Сухов, оценив меткий бросок Саида, одобрительно хмыкнул. Саид поднял нож, обтер лезвие о полу халата, и они продолжили свой путь в сгущающейся темноте.

Добравшись до конца подземного хода, Абдулла и Сашенька, а следом за ними остальные женщины гарема вылезли через широкую трубу на поверхность.

Лошади, предназначенные для жен Абдуллы, напуганные выстрелами, рвались с коновязей. Только конь самого Абдуллы спокойно стоял на месте, строже других приученный к дисциплине.

Абдуллу и его женщин заметили. От крепости раздались крики, и еще чаще зазвучали выстрелы – красноармейцы, паля на ходу, бежали к ним.

Понимая, что вместе с гаремом ему не уйти и что у него

совсем нет времени, чтобы усадить перепуганных жен в седла, Абдулла быстро вскочил на коня, протянул руку Сашеньке. Она ловко взобралась и уселась позади, крепко вцепившись в его широкий пояс.

Абдулла огрел жеребца камчой и, оглянувшись, крикнул остальным женщинам:

– Я вернусь за вами!..

И поскакал прочь, взметая песок из-под копыт.

Рахимов с парой красноармейцев скакал от крепости, паля в убегающего с женщиной Абдулла и крича другим, чтобы целили в коня. Абдулла быстро уходил.

Осадив уставшего скакуна около сгрудившихся в кучу обитательниц гарема, Рахимов выстрелил еще пару раз и, швырнув карабин на землю, с досады громко выматерился.

– Опять ушел, мать его!..

– У него четки заговоренные, – сказал красноармеец-туркмен.

– Конь свежий! – обрезал Рахимов.

– Ушли, – сказал Абдулла, когда они перевалили через дальнюю гряду барханов, скрывшись от преследователей. – Ты слышишь, родная?

Сашенька не отвечала. Абдулла почувствовал, как сползает вниз ее обмякшее тело, и все понял – одна из пуль преследователей догнала их; он же, без конца стегая коня, не

заметил, как Саша, охнув, припала к нему. Поддерживая ее одной рукой, Абдулла проскакал еще немного и остановился в балке. Слез, бережно снял женщину с лошади, положил на песок, освещенный луной и звездами.

– Абдулла, хочу на снег... – тихо проговорила Сашенька, и слезы покатались из ее глаз.

– Потерпи, родная, я перевяжу тебя, – ответил Абдулла, сорвав с себя одежду и разрывая на широкие ленты рубаху.

– Не надо, мой милый... Я умираю... – с трудом проговорила Сашенька. Помолчав, она сказала последние в своей жизни слова. – Поцелуй меня и прости... Лучшего мужчины у меня в жизни не было... и друга тоже... – Она тихо простонала. Глаза ее невидяще уставились в лунное небо.

Одна из звезд над горизонтом дрогнула и стала приближаться, увеличиваясь и делаясь все ярче.

Абдулла завыл, сжимаясь, стискивая зубы, несколько раз ударил кулаком по земле.

Его нукеры и остальные джигиты, которым удалось уйти от красноармейцев, окружили своего хозяина. Лицо Сашеньки, лежащей на песке, было белым и светлым. Казалось, она улыбается.

Абдулла долго сидел неподвижно, склонив голову. Вспомнил, как Сашенька шла к нему, улыбаясь, а он немел от ее красоты. Вспомнил, как только что она лежала, обнимая его... Жизнь впереди казалась бессмысленной, ненужной, и Абдулла понял, что отныне ничего не будет удерживать его

тут, на этой опустевшей земле; ничего более, кроме жгучего желания отомстить своим врагам, которые отняли у него все, чем он обладал в этой жизни.

Похоронив единственную любимую им женщину, он собственноручно вбил в песок крест, сооруженный из веток саксаула, – корявый крест в подагрических изломах, черный под холодной луной. Он знал, что Бог, в сущности, один и что Аллах простит его за похороненную по христианскому обычаю эту православную русскую женщину, хотя она и принесла из любви к нему священные для мусульманина слова: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет есть пророк его».

Ночь охватила пустыню. Светлой рекой растекся Млечный путь. А закатная звезда погасла.

Отныне душа Сашеньки витала над ним, поддерживая его в этой жизни своей нежной улыбкой.

К опустившемуся на колени перед могилой Абдулле подошел Аристарх. Положив руку ему на плечо, сказал:

– Хватит, курбаши. Пора... Будем жить дальше...

В отличие от другого русского, находившегося в его отряде, глуховатого белогвардейского подпоручика Семена, Абдулла уважал Аристарха, тридцатилетнего полковника царской гвардии, дворянина. После большевистского переворота Аристарх потерял все: семью, наследственное поместье, землю... и теперь, кроме иссушившей его душу дотла ненависти, у него ничего не осталось. Абдулла, подняв глаза, по-

смотрел на высокого мужчину с почерневшим от загара лицом и, выжженными солнцем добела волосами и понял, что с этого момента он по накалу ненависти сравнялся с этим русским полковником во френче, заношенном до лохмотьев.

Поднявшись с колен, он оглядел своих людей, «бандитов», как их называл Рахимов. Абдулла, подумав об этом, усмехнулся, поскольку никак не мог считать себя бандитом. Не мог он считать бандитами и своих верных нукеров. Правда, наемники, которых пришлось от нужды набрать в отряд, конечно, не были воинами чести – эти соглашались воевать за и против кого угодно, лишь бы им платили хорошие деньги.

Поначалу Абдулла считал бандитами именно Рахимова и его людей, которые разорили его. Но теперь он начал сомневаться в этом, поскольку никак не мог представить бандитом нищего, а он точно знал, что у Рахимова за душой, кроме непонятной для нормального человека идеи мировой революции, нет ничего; и его оружие, и обмундирование – все было казенным, и, следовательно, на бандита Рахимов никак не тянул.

В оазисе Пять чинар – несколько деревьев вокруг колодца и кусок глинобитной стены, вернее, того, что от стены осталось, – сидели у тлеющего костерка Сухов и Саид. Ветки саксаула потрескивали, выбрасывая искры в звездное небо. Су-

хов прикурил от уголька.

– Задержался я здесь. Месяц, как уволился подчистую, а все мотаюсь по пескам этим... Считай, пять лет дома не был...

– У меня дома нет, – глухо сказал Саид.

– Беда, – вздохнул Сухов.

Саид молча смотрел на огонь костра, горько раздумывая о совсем еще недавней жизни в своем доме, среди близких ему людей, жизни, такой счастливой в своей простоте... которую злая судьба в лице проклятого Джевдета порушила в одночасье.

Дом Саида был глинобитный, одноэтажный, окруженный дувалом такого же цвета, как песок вокруг. Позади дома высилась раскидистая чинара, отбрасывающая на крышу и половину двора узорчатую тень.

Сестра Саида, Нурджахан, вышла на порог, отжала мокрую тряпку и повесила ее на кол.

Волкодав Юргаш махнул хвостом, приветствуя девушку.

– Я сейчас занята, – сказала псу Нурджахан. – А по том ты меня покатаешь, ладно?

Пес вновь вильнул хвостом в знак согласия и так сильно зевнул, обнажив огромные клыки и вывалив влажный язык, что в скулах у него запищало.

Девушка ушла в дом, шлепая босыми ногами по земляному полу. Из дома раздалась ее веселая песенка – она всегда

пела по утрам, радуя слух отца и брата.

Саид, с усмешкой слушая разговор сестры с Юргашем, покормил баранов, подкинув им полыни, и занялся верблюдом: меж пальцев у того завелись черви, беспокоя животное.

– Обмакни в мазут – сами вылезут, – посоветовал ему отец, куривший на крыльце.

Вняв совету отца, Саид взял жестянку с мазутом и стал окунать в нее ноги животного, с трудом отрывая их от земли. Верблюд, повернув голову и изогнув шею, с удивлением смотрел на свои черные, будто в носках, ноги, двигая вытянутыми губами.

Они жили в доме втроем. Мать Саида умерла, едва родив Нурджахан. Его отец, Искендер, будучи в то время уже пожилым, вновь жениться не захотел.

Закончив убираться по дому, Нурджахан вышла, оправляя платье, улыбнулась брату и пошла к воротам.

Юргаш, вскочив, побежал следом.

За дувалом начиналась пустыня – до самого горизонта тянулись барханы.

Взобравшись на волкодава, Нурджахан ласково погладила пса меж ушей, сказав:

– Сегодня прокатимся до нашей гробницы...

Она каждый день так говорила, потому что больше некуда было ехать, больше не было никакого ориентира вокруг, а гробница была семейной усыпальницей их рода: здесь покоились мать, дедушка, бабушка, прадедушка и остальные

родственники.

Нурджахан обычно вела с ними долгие беседы, расспрашивая родню о жизни там, в мире теней, отвечала на их вопросы, в общем, дружила со всеми ними, предпочитая их обществу обществу окружающих ее людей. Исключение составляли отец и Саид.

Саид знал об этой тайне сестренки, посмеивался над ее причудами и жалел ее, понимая, что она с некоторыми странностями.

Однажды Нурджахан взяла его с собой к гробнице.

Саид зашел в усыпальницу и почувствовал, что он, ничего и никого не боявшийся, кажется, немного испугался.

В гробнице пахло, как и вокруг, нагретым песком, камнем; в углу прижился чертополох, над мохнатой фиолетовой головкой которого, гудя, завис шмель.

– Не мешай нам, – прикрикнула на насекомое девушка, махнула рукой, и шмель послушно вылетел в верхнее окошко, откуда падал косой сноп солнца. – Вы ведь помните Саида, моего любимого брата, – обратилась Нурджахан к надгробной плите, на которой были высечены священные слова в виде полукружий и завитушек.

Стебель чертополоха чуть качнулся – Саид заметил это краем глаза.

– Сейчас все наши родные слушают нас. Скажи им что-нибудь, – попросила она брата.

– Что? – оробел он.

– Что хочешь.

– Как... Как вы поживаете? – вовсе оробев, выдавил из себя юноша.

Чертополох вновь качнулся, но тень от него не пошевелилась, что очень удивило Саида, и он почувствовал, как в лицо ему пахнул слабый ветерок.

– Они поблагодарили тебя, – улыбнулась Нурджахан. – Ты понял это?

Саид кивнул, покосившись на чертополох. С тех пор он относился к причудам сестры с уважением, поняв, что не все объяснимо и подвластно разуму обыкновенных, как он, людей. Отцу об этом, разумеется, не поведал.

– Слушай себя, и ты услышишь их, – сказала тогда Нурджахан.

И Саид стал ежедневно тренироваться. Он вскоре научился замедлять биение своего сердца, слышать, как за соседним барханом ползет змея, шурша шкуркой о песок, или пробегает ящерица, царапая коготочками землю, как журчит вода в подземных водоемах на большой глубине...

Рассвет занимался над пустыней – небо наливалось тонкой синевой. Саид и Сухов все еще сидели у потухшего костра.

Сухов делился продуктами с Саидом: отсыпал из своего мешка половину запаса пшена, разделил поровну сухари. Собрав выделенные продукты в чистую тряпицу, пододви-

нул Саиду.

– На первое время хватит, а в Педженте еще чего-нибудь раздобудешь... Больше, извини, не могу... Мне до Гурьева топать. Пойду по гипотенузе... – И Сухов рукой показал направление на северо-запад, где небо еще было темным, полным звезд.

– Лучше бы ты меня не откапывал... Теперь не будет мне покоя, пока не отомщу Джевдету, – глухо сказал Саид.

– Мертвому оно, конечно, спокойней, но уж больно скучно... А из-за чего у тебя вражда с ним?

– Отца моего убил... Дом сжег.

Краешек солнца показался над барханом, ударив в глаза сидевшим у погасшего костерка. Сухов слушал рассказ Саида.

– Он за сестрой охотился... Отец ему отказал... Он решил силой взять... Мы ее замуж пока отдавать не хотели...

– Почему же? Это дело нормальное.

– Да, – согласился Саид. – Только не для нее. Она... она на других совсем не похожа была...

Войдя в гробницу в тот злополучный день, Нурджахан, как обычно, поздоровалась с ее «обитателями». Те промолчали в ответ, и девушка тут же почувствовала, что надвигается что-то недоброе.

– Джевдет, – прошептала она.

Солнечный сноп, бьющий из верхнего окошка и косо про-

резавший гробницу, качнулся и вновь замер. Встревоженная Нурджахан мысленно позвала Саида, чтобы предупредить его. Тот в это время месил с отцом глину на заднем дворе, ощущая босыми ногами прохладу раствора, который выдавливался меж пальцев ног скользкими лентами. Саид подлил в месиво воду из кувшина – и вдруг к чему-то прислушался.

– Меня позвали? – спросил он отца, месившего раствор рядом.

– Я не слышал, – ответил старый Искендер.

Саид быстро ополоснул ноги, зашнуровал чарыки и, словно влекомый какой-то непонятной силой, торопливо покинул двор.

Гробница находилась за барханной цепью, и из дома ее увидеть было нельзя.

Саид шел к ней, охваченный непонятной тревогой. Когда он вошел в гробницу, Нурджахан лежала на каменной плите, под которой покоилась их мать. Большие, красиво удлинённые глаза девушки были устремлены вверх и полны печали.

– Я его вижу... Он близко, – сказала она. – Саид, брат мой, спасайся!.. Беги в пустыню... а я ему все равно не достанусь.

Саид заметил, как стебелек чертополоха качнулся, и хотел спросить сестру, кого она видит, но тут прозвучали выстрелы. Они донеслись со стороны их дома.

Это Джевдет со своими людьми ворвался к ним во двор. Он сразу пристрелил пса Юргаша, когда волкодав кинулся

на него, оскалив клыки. Потом убил Искендера, в спину.

– Нурджахан! – кричал он, крутясь на коне. – Где Нурджахан?!

Люди Джевдета, порыскав по двору, вломились в дом, переверошив там все, но девушки не нашли.

Саид, оставив сестру лежащей на каменной плите, выбежал на выстрелы из гробницы и со всех ног рванулся к дому, увязая в песке...

Первый человек Джевдета, выехавший за ворота, получил нож в сердце; второго Саид задушил арканом, но в отряде Джевдета было много людей, они связали Саида и поволокли за ноги по песку. Он был закопан полуживым подальше от дома, который уже пылал, треща и искрясь, исходя клубами дыма. Чинара дрожала всеми своими листочками от пыла пожарища.

Лежащая на плите Нурджахан знала, что брат ни за что не оставит ее, и, когда он не вернулся к ней, поняла, что он попал в смертельную ловушку.

Тогда девушка усилием только ей подвластных внутренних сил замедлила биение своего сердца, а затем и вовсе остановила его. С неба скатилась звезда.

...Саид «увидел», почувствовал это, уже закопанный. Звезда прочертила свой путь, и он закрыл глаза, призывая небо быстрее послать ему смерть. Песок сжимал его панци-

рем, не давая вздохнуть. Он подумал, что это его вина: не сумел защитить сестренку, которая так сильно любила его, и тогда она решила умереть, но не попасть в руки ненавистного ей Джевдета.

После этой скупой и отрывистой повести Саида они еще долго сидели в молчании. Наконец Сухов поднялся на ноги, поправил кепарь, подпрыгнул, чтобы ничего на нем не звенело, не брякало, и взглянул на Саида. Много у него было таких встреч и расставаний со случайно встреченными людьми.

– Ну что ж, прощай. Я понимаю – тяжело тебе, но надо держаться, что поделаешь...

Саид снизу вверх посмотрел на своего спасителя, молча, теплом глаз попрощался с ним. Сухов еще раз сочувственно улыбнулся ему и двинулся через пески. Он не знал еще, что очень скоро именно ему, и никому другому, предстоит встретиться в решающем сражении с Абдуллой. А пока он шел, снова свободный и одинокий, предаваясь мыслям о своем прошлом.

Шлепая плицами, плыл вниз по течению буксир, тащил за собой порожнюю баржу. Мерно постукивал мотор, и в такт ему из трубы выталкивались комочки дыма; тут же, позади рубки, на веревке сушились рубахи и полосатые тельняшки матросов, полоскались панталоны, надуваясь от встречного ветерка. Пиликала на палубе гармошка, плясали пьяные мужики, топоча сапогами по доскам палубы, ухая и похлопы-

вая себя по ляжкам, по голенищам.

Федор, которому матросы по дружбе «отказали» старые, но вполне еще пригодные сапоги, а лапти заставили пустить по течению, хмуро поглядывал на все это веселье. Впрочем, на переживания по поводу постигшего его горя у него почти не оставалось времени.

На пароходе приходилось работать с утра и до темна – то воду таскать Нюрке на камбуз, то палубу драить, то матросам помогать, а то и заниматься стиркой, когда Нюрка, подвыпив, пускалась в загул.

Мимо проплывали деревеньки, чернея низенькими избами, с метлами еще голых деревьев, белели вытянутые ввысь звонницы, зигзагами отражаясь в свободной ото льда воде, – но Федора мало занимали эти картины: тоска одиночества, впервые познанная им, жгла, не давала покоя, и слезы сами по себе навертывались на глаза. В свою деревню он решил больше не заезжать, поскольку Савелий был его последним близким родственником, а на вопросы баб – он себе представил, как они набегут – о подробностях гибели дядьки он отвечать не хотел и не мог.

Спать ложился Федор в Нюркиной каморке, в обнимку с ее полуторогодовалым сынишкой, Васькой, пока Нюрка по ночам «крутила любовь» с кем-нибудь из команды. Каждый раз она вдохновлялась своим собственным выбором и ни под каким видом не связывалась с тем, кого не хотела, доказывая таким образом свою самостоятельность.

Как-то проснувшись ночью, он выглянул в иллюминатор над койкой. Луна застыла в небе матовым кругом, с пятнами, словно захватанная жирными пальцами. С палубы донесся негромкий смех Нюрки, что-то ответил ей механик Прохор. Описав малиновую дугу, полетела в воду самокрутка Прохора, выщелкнутая из пальцев.

– Обхватить бы себя за плечи да полететь к луне, – сказала Нюрка мечтательно. – Там небось славно... И нет вас, кобелей.

– Ишь ты, – усмехнулся Прохор. – Куда ты без нас денешься!

– Любви хочется, Проша, – засмеялась Нюрка.

– У тебя этой любви выше ватерлинии, – зло бросил Прохор.

– Это не любовь, Проша... Это и собаки умеют.

– Курва! – еще злее сказал Прохор.

Нюрка на эту злость не обиделась, наоборот, засмеялась пуше, довольным, сладким смехом, призывно прозвучавшим в ночи.

Этот смех неожиданно взволновал Федора, он все время вспоминал его. Сталкиваясь с Нюркой, краснел, отводил взгляд, а она, прекрасно понимая состояние юноши, в котором все больше разгоралась тяга к женщине, посмеивалась, заигрывала, стараясь заглянуть в глаза. Еще она любила во все горло орать частушки, так, что ее слышали на обоих берегах Волги, и были эти частушки такими озорными, что да-

же мужики на пароходе, смеясь, покачивали головами.

Когда Федору исполнилось шестнадцать, Нюрка затащила парня за брезентовую перегородку, сбросила с себя платье, стянула с него, обалдевшего, штаны и увлекла за собой на жесткий топчан... Все разом изменилось вокруг. Так же светила в иллюминаторе луна, отсвечивая бледным овалом на матерчатой перегородке, так же мерно тукал движок, но мир для Федора стал другим.

У него шла кругом голова от первой в его жизни женщины и, главное, полагал он, такой необыкновенной женщины, как Нюрка с ее зелеными, хмельными глазами, с ее ласковым отзывчивым телом, умеющим дарить небывалое наслаждение. Конечно же, другой такой женщины и быть не может, ему повезло, что он с ней встретился, и поэтому надо действовать решительно. Схватив Нюрку за руку и с силой сжав ее, он объявил, что она должна немедленно выйти за него замуж.

Услышав это, Нюрка всплеснула руками и долго смеялась, затем растроганно провела рукой по его голове, ласково поцеловала в щеку и сказала, что подумает... Теперь же ей надо начинать готовить еду команде, а ему лучше уйти, потому что, вдруг, после вахты ненароком заглянет Прохор, и тогда от него долго не отрешешься, хотя ей на него и наплевать.

Федор вышел на палубу. Свежий волжский ветер охлаждал его грудь, теребил распахнутую рубаху. Взволнованный происшедшим, он прошлепал к носу парохода, постоял, а затем

поднялся на мостик к рулевому. Сквозь стеклянное полукружье окон в ночи были видны красные и белые огоньки бакенов, топовые фонари встречных пароходов и катеров.

Федор, не зная, как освободиться от переполнявших его чувств, попросил закурить. Рулевой, цыганистого вида красавец в кольцах черных кудрей, помог Федору свернуть первую в его жизни «козью ногу» и дал огоньку – Федор, затянувшись, закашлялся. Рулевой крепко шлепнул его ладонью по спине, «чтоб не кашлял», и, подмигнув, сказал:

– Ну что, причастился, раб божий Федор?.. – Тот не сразу понял, о чем разговор, а рулевой продолжал: – Нюрка баба сладкая, заводная!.. Страсть как молоденьких обожает. Не тебе первому палочку сломала.

Федор густо покраснел, но затем вдруг решительно и жестко ответил:

– Мало ли... А теперь – учтите – она моя!

Рулевой рассмеялся и, отпустив штурвал, развел руками.

– Да я что... Я не возражаю... И ребята, я думаю, тоже... Тебе надо только с Прохором договориться!

Сухов, идущий по пустыне размеренным и четким шагом, усмехнулся в усы и даже слегка крякнул, вспомнив эту ночь с Нюркой, свою первую в жизни ночь с женщиной.

Он остановился, чуть не уперевшись в преграду – перед ним на вершине бархана высился саксаул, изломанный, корявый от наростов, пыльный. В тени короткого ствола это-

го чахлого с виду, но очень цепкого дерева пустыни сидел, отдыхая, тушканчик; просительно прижав к груди передние короткие лапки, он внимательно наблюдал за появившимся красноармейцем.

– Отдохнул, дай и мне, – негромко сказал Сухов, не двигаясь с места.

Тушканчик, будто поняв человеческую речь, неторопливо заскакал прочь, подпрыгивая, словно мячик.

Сухов устроился под саксаулом, вытянув гудящие ноги, стараясь попасть в тень ствола, с наслаждением ощутил позвоночником шершавость дерева, прикрыл веки... и снова оказался на волжском пароходе.

Прохор крепко избил Федора, придумав какую-то причину. Дрожа от ярости, Федор ворвался на камбуз, схватил нож для резки мяса и ринулся было обратно, да Нюрка повисла на руке с ножом, умоляя его успокоиться. Но Федор все рвался на палубу, и когда нечаянно поранил лезвием ладонь женщины, она крикнула:

– Феденька, он же отец моего мальчонки!..

Федор обмяк, поняв тогда, что боль другого человека может быть больше собственной, тем более просто физической, хотя обида и продолжала душить его. Что-то подсказало ему, что надо сдержаться, и он сдержался. С тех пор всегда старался быть сдержанным, и, выработанное постепенно, это качество осталось с ним на всю жизнь. Оно сослужило ему

великую службу, когда он стал солдатом.

Почувствовав чье-то присутствие, сидящий у саксаула на песке Сухов приоткрыл веки – перед ним торчал знакомый тушканчик. Не смея приблизиться к желанной тени, он все так же просительно прижимал передние лапки к груди.

– Иди, – разрешил Сухов, чуть поджав ноги.

Тушканчик скакнул, очутившись в тени у его ног; осторожно понюхал подошвы ботинок красноармейца. Федор медленно протянул руку, коснулся пальцем его головы. Тушканчик, втянув голову, весь задрожал от страха, но принял ласку и поверил, что, может быть, этот великан пощадит его и не съест. Федор, улыбаясь своим мыслям, гладил пальцем смешного зверька.

Летом, в сезон созревания бахчевых, вся Астрахань исходила ароматом арбузов. Сотни телег потянулись к волжским пристаням.

Грузчики, встав цепочкой, кидали арбузы с телег на баржу, и зеленые, полосатые «мячи» летели из рук в руки, наполняя трюмы и палубу. Баржа все заметнее оседала, погружаясь почти до бортового обвода. Вечерами свежий арбузный дух, перебивая все запахи, стоял над ней.

Федор, уловив свободную минуту, усаживался на палубе, свесив ноги к воде, смотрел, как по набережной прогуливались барышни и их кавалеры, сновали извозчики – их кони

звонко щелкали копытами по булыжной мостовой. Из парка, раскинувшегося по берегу вдоль пристани, доносилась музыка – играл военный оркестр, с провалами ухал барабан. Парня охватывало чувство одиночества, смутная тоска сжимала сердце.

Вскоре они снялись с якоря и пошли вверх по Волге, к Нижнему. Федор долго смотрел на удаляющийся город Астрахань, на причал, где оставалась стоять барышня, вся в белом, с белым зонтом над головой. Она долго махала платочком кому-то, стоящему на палубе большого белого парохода, только что отчалившего от пристани... «Наверное, своему кавалеру», – решил Федор и попытался представить себя на месте ее кавалера и что это ему, Федору, машет белым платочком барышня, но у него из этого ничего не получилось. Он подумал о том, как мало он еще знает и мало чего видел на свете, о том, какое множество людей существует вокруг, а он не имеет об их жизни ни малейшего понятия.

О Нюрке он теперь, как ни странно, вовсе не думал, она его почему-то больше не волновала... Более того, она стала ему даже противной. Он не знал причины, потому что еще не понимал, что без истинной любви длительная связь с женщиной невозможна.

Ливень обрушился на реку. Сперва крупные капли дождя усеяли воду, потом она вся закипела, став матово-пузырчатой – дождь встал стеной. Капитан застопорил ход; впереди, даже в нескольких метрах, ничего нельзя было разли-

чить. Через каждые полминуты они давали гудки, опасаясь встречных пароходов.

Дождь прекратился разом, как и начался. Резко очерченные облака с фиолетовым поддоном нависли над Волгой, над лугами и лесом по берегам. Из-за края одного облака выглянуло солнце – лучи снопами ударили в небо и в землю, посеребрив там траву и скирды сена. И матросам, ас ними и Федору, предстало видение – летящий по небу крест, клубящийся, темный, меняющий очертания.

– Не к добру, – вздохнул Прохор.

Нюрка несколько раз истоиво перекрестилась. В зеленых глазах ее вспыхнул страх.

Федор избегал встреч с Прохором, старался не сталкиваться с ним, но однажды тот сам подошел к парню и, положив на его плечо свою тяжелую руку, глухо сказал:

– Слышь, малый... Ты это... того... Ты не держи на меня обиду... Понимаешь, я того... – Он замолчал, а потом, махнув рукой и отвернувшись, с силой dokonчил: – Э-э... да что об этом говорить! – и столько муки чувствовалось в его голосе, муки, выпавшей на долю этого сильного мужика вместе с неистребимой любовью к своей беспутной зазнобе.

Федор молчал, опустив голову и не зная, чем ответить на этот порыв. «Лучше бы он мне опять врезал», – подумал парень, а Прохор, снова повернувшись к нему, мягко и даже как бы заискивающе улыбаясь, продолжал:

– Ты вот что, малый... Ты ведь, того – мужик вроде гра-

мотный, а занимаешься на судне незнамо чем: одно слово – на подхвате!.. Ты давай-ка, спускайся ко мне, – Прохор ткнул пальцем вниз, в подрагивающую под ногами палубу. – Будешь у меня под рукой... при машине. Это, брат, того... Это дело, по жизни серьезное, а не какое-нибудь фу-фу!.. Ну как, лады?

«Еще бы не лады!» – подумал тогда Федор, с благодарностью глядя на Прохора. Парень давно уже и сам мечтал проникнуть в эту пароходную преисподнюю, где остро и приятно пахло горячим машинным маслом, стекающим с бешено работающих шатунов, где гудел в топке огонь, поддерживая стрелку манометра на нужном делении, и, сотрясаясь от мощи, шумно стучал и пытел паровой двигатель, крутя колеса, которые, равномерно постукивая и пеня плицами воду, весело тащили пароход вперед.

Сколько раз Федор пытался сунуть свой нос в двери машинного отделения, и всякий раз его добродушно, но решительно посылали от порога куда-нибудь подальше, чтоб не мешал.

Теперь же он стал подручным самого Прохора и готов был не расставаться с машиной ни днем, ни ночью. Прохор, в свою очередь, поглядывая на любознательного парня, думал про себя, что какой он хитрый, какой он придумал ловкий ход, чтобы держать Федьку все время при себе, и хотя Нюрка ему клялась, что парень к ней больше не шастает, Прохору так было спокойней: мало ли что... ведь он-то знал силу

Нюркиных чар.

Федор жалел, что всего два сезона, да и то неполных, проходил он в подручных Прохора, но с тех пор навсегда сохранил интерес к разного рода механизмам. Не пропал этот интерес и в армии. Тут, конечно, приходилось иметь дело главным образом с оружейными механизмами, которые, в отличие от паровой машины, были изобретены не на пользу людям, а на смертельный вред. Но и эти механизмы восхищали Федора тем, как они ловко придуманы, как, к примеру, удобно и надежно ложится рукоятка пистолета в ладонь, как плотно она обжимается пальцами, как легко вылетает пуля, чтобы поразить человека. Это свойство оружия – убивать – поначалу и как-то зачаровывало его, и вместе с тем отталкивало. Но вскоре он понял, что в этой смертельной человеческой «забаве» – войне оружие является и единственным средством защиты, гарантией сохранности твоей собственной жизни. Ибо, если ты не убьешь врага, то он убьет тебя. Третьего не дано.

Федор Сухов досконально изучил и научился не глядя разбирать и собирать все виды пистолетов, револьверов, карабинов и пулеметов. Со временем разобрался и с пушками – небольшими, до боли звонко стреляющими, почти рвущими барабанные перепонки семидесятишестимиллиметровыми орудиями и крупными, гулко ухающими, давя на голову, гаубицами.

Он и сам теперь мог собственными руками изготовить ми-

ну или бомбу, а то и какой-нибудь неожиданный, ошеломляющий противника сюрприз.

Таким образом Федор Сухов усвоил, что оружие на войне является необходимым рабочим инструментом, который нужно знать досконально и держать в отличном состоянии, ибо малейшая небрежность по отношению к нему неминуемо грозит одним: твоей собственной смертью.

– Так-то вот, брат, – сказал, щурясь от белого солнца, Сухов тушканчику, и тот, задремавший было, вздрогнул от его слов, а Федор, уставившись вдаль мечтательным взором, продолжил. – Да-а, брат, не случись того, что случилось, был бы я на Волге не последним пароходным механиком.

Посидев еще малость, потершись о шершавый ствол саксаула спиной, Сухов поднялся и достал из «сидора» мешочек с пшеном. Стараясь не делать резких движений, отсыпал тушканчику малую горсть, положил мешочек на место и поднялся.

– Счастливо оставаться, – подмигнул он зверьку и пошел дальше своим путем, не быстро и не медленно, походным шагом.

Тушканчик, привстав на задние лапки и вытянувшись во весь рост, проводил взглядом красноармейца, так сладко пахнувшего едой и потом, а затем с удовольствием принялся за зернышки, щелкая их как крохотные орешки.

На полпути до Нижнего у них на буксире кончилось топливо – последнее полено закинули в топку – и не миновать бы остановки, но все знающий рулевой сказал, что очень хорошо топить воблой, благо ее на барже было предостаточно и горела она из-за жирности пылко и споро. Дух из трубы пошел такой, что слюнки потекли. Все решили, что нужно уговорить капитана остановиться у первой же пристани и послать Федора с большим жбаном за пивом... Никто из команды не думал, что это был их последний рейс.

Нюрка заболела первой: у нее начался жар, на теле высыпали пятнышки.

– Сыпняк, – определил капитан и приказал команде пить водку и не забывать ею же ополаскивать руки.

Первую часть этого приказа все выполняли с азартом, вторую – считали святотатством.

...Нюрку и похоронили первой, на высоком волжском берегу; с воды далеко был виден крест, вбитый в землю Прохором. Буксир на прощание дал длинный гудок, уходя вверх по течению.

Потом скончался ее малыш, Васька, сгоревший буквально за сутки.

Потом слегли еще два матроса. И в довершение всего, то ли из-за беспробудной пьянки, то ли по причине паники, буксир напоролся на топляк, получил пробоину и сел на крутую песчаную мель, да так крепко, что как ни старались, слезть с нее не смогли. Баржа же, с ходу ударив в корму бук-

сира, засела еще крепче, пропоров днище.

В залитой наполовину водой барже плавали арбузы. Продукты на буксире кончились. С проходящих мимо судов, как только узнавали о сыпняке, кидали кое-какой харч, но спешили пройти мимо, испуганно крестясь.

К счастью, буксир застрял почти напротив села – дома его виднелись на крутом берегу за купами деревьев. Село называлось Покровское. Федора, как единственного трезвого и пока здорового, решили отправить за провиантом. Собрали ему денег, кое-какого барахла, дали крепкий мешок изпод воблы и, погрузив в шлюпку, наказали без еды не возвращаться.

Там-то, в этом селе Покровском, и увидел Федор свою Катю, Катюшу, семнадцатилетнюю, редкой стати девицу, в цветастом платке, с коромыслом на плече. Легко ступая босыми ногами по росистой траве, она словно проплыла ему навстречу, а в ведрах, полных воды, висящих на коромысле, играли блики утреннего солнца. Поравнявшись, она окинула незнакомого белобрысого парня приветливым взглядом и певуче поздоровалась с ним. Федор так и замер посреди улицы с мешком в руках. Он навсегда запомнил, как сжалось и сладко зануло его сердце от этой, предназначенной Богом встречи.

С той минуты, что бы с ним ни случилось в жизни, думы о Кате никогда не покидали его. Он обошел тогда все село, заглянул почти в каждый двор, но в калитку, за которой скры-

лась Катя с ведрами на коромысле, постучать постеснялся, духу не хватило. Он все ждал, что она сама вдруг появится на улице, но она больше не показалась.

К полудню Федор набил мешок из-под воблы почти под завязку. Хозяйки, узнав, что провизия требуется заболевшей команде парохода, не скупились, а многие и вовсе не брали денег – кто давал мучицы, кто полкаравая хлеба, кто пяток вареных яиц и картошки...

Федор, полдня таскавший мешок, дошел до края берегового обрыва и уселся отдохнуть на траву под березкой. Взглянув в сторону застрявшего буксира, увидел, как от него, прощально прогудев, отходит вверх по реке маленький пароходик, «Видно, что-нибудь тоже подкинул», – подумал Федор. Развязав мешок, он решил поесть и, хоть был голоден, как молодой волчонок, поел совсем немного, из деликатности по отношению к своим товарищам – мало ли как решат поделить... Поднявшись, он оглянулся в сторону села, но так и не увидел ту, о которой все время думал. Взяв мешок на горб, спустился по косогору к воде, к вытащенной далеко на берег шлюпке.

Когда Федор причалил к буксиру, он, ухватившись за борт, выпрямился в шлюпке и победно прокричал:
– Принимай харчи, народ!

Ему никто не ответил. И тут бросилась в глаза короткая надпись на борту: белой краской было крупно выведено «Тиф».

Закрепив у кормы шлюпку, Федор поднялся на палубу буксира, обежал его весь и никого из людей не обнаружил – всех забрал санитарный пароходик.

Надо сказать, что этот факт не очень взволновал Федора. Он решил, что так или иначе его все равно заберут отсюда, а в крайнем случае, он и сам может добраться до Нижнего. Пока же поживет здесь денек-другой, благо еды у него вдоволь, а главное – он ни на минуту не забывал об этом – главное, завтра снова можно смотаться в село, попросить, к примеру, немного сольцы, мол, так получилось – вся вышла, или придумать какую иную причину... и тогда, может быть, он опять встретит ее, ту, которая прошла по тропинке ему навстречу с полными ведрами солнечной воды и улыбнулась так ласково, что сжалось от радости сердце.

Федор успокоился и решил перейти жить на баржу, от заразы подальше, а к арбузам поближе.

Ночь Федор провел на палубе – заходить в маленький дощатый домик-сторожку на барже было боязно: оттуда еще при нем увезли семью умерших сторожей, бабу и мужика.

Проснулся он от громкого треска – баржа, осев, накренилась, и гора арбузов покатила к борту, а с нею и Федор. Еле удержавшись на палубе, он слышал, как арбузы громко шлепаются в воду...

Утром Федора охватило какое-то странное недомогание: он все понимал, все видел, но поднявшись на ноги, вдруг почему-то упал. Он почти с удовольствием прильнул щекой к

доскам палубы. Внезапно пронесся шквал... Шлюпку сорвало, унесло, и Федор, который накануне поленился выгрузить мешок с продуктами, пожалел об этом, но как-то смутно, не переживая...

Шквальный ветер так же внезапно прекратился. Федор, улегшись на спину, раскинул руки и равнодушно смотрел в небо. Солнце, выйдя из облаков, грело ему щеку, было тепло, приятно кружилась голова и не хотелось даже шевелиться, истома обволакивала его, но все же, в последний момент, в его угасающее сознание молнией вошла тревожная мысль, что так он погибнет... Федор рывком поднялся на ноги, осознав, что пока есть в нем хоть какие-то силы, он должен переплыть Волгу и добраться до села, до людей.

Он решил плыть в своих парусиновых штанах и в рубахе, но очень жалко было оставлять недавно приобретенные им в Астрахани новенькие юфтевые сапоги. Подумав, он связал ушки сапог веревкой и повесил их на шею. Встав на самый край борта, посмотрел на лежащее – к счастью для него – далеко ниже по течению село, примерился и бросился в воду.

Федор плыл долго, потеряв всякое ощущение времени, плыл и плыл, как во сне, пока буквально носом не ткнулся в береговой песок. Кое-как он выбрался ползком из воды и, ничего не видя и не слыша, тут же свалился, окончательно потеряв сознание от нестерпимого жара.

...А чуть поодаль, за кустами густого тальника купались в реке молодые бабы и девки, спустившиеся сюда по крутому

берегу из села. И как это всегда бывает с купающимися женщинами, они беспрестанно визжали и заливались смехом. И только одна из них, в отличие от подруг, была полна спокойного молчаливого достоинства красивой семнадцатилетней женщины. Звали ее Катей...

Сгоняя с себя воду, Катя огладила крутые бедра, высокую грудь, на которую можно было положить медный пятак и он не упал бы; выдернула деревянный гребень, и ее тяжелые волосы упали волной на спину, на бока, закрывая до самого пояса. Подружки – одни с завистью, а другие с восхищением – оглядывали ее. Потом она оделась, заплела косу и пошла вверх по крутому косогору.

И тут Кате почти явственно послышалось, что ее кто-то окликнул. Она оглянулась и сразу же увидела человека, неподвижно лежавшего на песке у самой воды. Катя помедлила лишь секунду. Снова спустилась на берег и подошла к лежащему: он был без сознания и что-то тихо бормотал в бреду. Она узнала в нем того худенького парня, который вчера собирал по избам еду для своих больных матросов с баржи. Тогда, увидев ее и встретившись с ней взглядом, он вдруг густо покраснел и опустил глаза. Ей он тоже сразу понравился. Присев на корточки, Катя дотронулась до лба парня и жалостливо качнула головой.

Она смотрела и думала, как помочь ему... Не найдя другого решения, подняла его на ноги, подставила свою спину и, даже особо и не напрягаясь, – с детства привыкла к тяже-

лой работе, – потащила Федора по береговому откосу наверх к своему дому. У калитки, прислонив парня к столбу и малость отдышавшись, Катя вновь подхватила его и внесла во двор.

Ее отец, Матвей Степанович, здоровенный и красивый бородатый мужик, чинивший на крыльце уздечку, удивленно уставился на дочь с ее странной ношей, а мать, Елизавета Ивановна, испуганно перекрестилась. Катя, не сказав ни слова, строго посмотрела на родителей, и они, зная самостоятельность их старшей, не переча, распахнули ведущую в сени дверь. Оставшись одни, Катины родители тревожно переглянулись: они понимали, какой тяжелой, почти всегда смертельно опасной болезнью был тиф, эпидемия которого тогда разгулялась по Волге.

...Две сестренки Кати и братишка, все младше ее, поначалу сгорали от любопытства при появлении Федора, все норовили разглядеть его поближе, но мать не подпускала их к каморке в сенях, где лежал больной. Она поила детей квасом, настоенным на луке, кормила редькой – и, к счастью, никто не заразился.

А Катя тем временем выхаживала Федора, хотя еще даже и не знала его имени... и выходила в конце концов – то ли лаской, то ли травами, то ли Божьей милостью.

Пробыл тогда Федор в беспямятстве ровно месяц, бредил, метался, был на грани жизни и смерти.

Когда же очнулся, то увидел себя лежащим на солныш-

ке, на копне свежего сена, в палисаднике, возле незнакомого ему дома. А рядом, склонившись над ним, почти бездыханным, шептала какие-то слова и гладила рукой его русую голову не кто иная, как сама Василиса Прекрасная из сказок его бабушки. Большие девичьи серые глаза, опущенные густыми ресницами, ласково смотрели на него. Федор подумал, что все это ему снится.

На следующий день Катя опять вынесла его, совсем легкого от болезни, на солнышко, а к вечеру унесла в дом... Бог сжалился над Федором и послал ему Катю, иначе бы ему не выжить. Он начал помаленьку поправляться и вскоре, поддерживаемый Катей, стал выходить из дома, чтобы посидеть на крылечке. Но любимое его место было на копне душистого сена в палисаднике. Отсюда так хорошо было смотреть на стремительное и плавное течение широкой реки, на зеленые заливные луга за ней.

Когда Федор, по мнению Кати, более или менее оклемался, она решила истопить баньку, чтобы горячим паром и березовым веником выгнать из него остатки болезни. Сначала, вопреки деревенским правилам, Катя вымылась в жаркой бане сама, а затем, облачившись в домотканую холщовую рубаху, завела в баню Федора. Он застеснялся и ни в какую не хотел раздеваться догола, но Катя на него строго прикрикнула, словно медицинская сестра в госпитале, когда больной стыдится оголять задницу, и возмущенно сказала:

– Ишь ты какой!.. Я его как дите малое выхаживала... на

руках в лопухи таскала, а он на-ко тебе – засмушался, ровно красна девица... – И снова повысив голос, приказала: – Сымай портки и ложись на полок!

Федор, после Нюрки привыкший уже было считать себя опытным мужиком, перед Катей почему-то ужасно робел и стеснялся. Покраснев, как рак, и отвернувшись, он быстро скинул штаны и тут же плотно впаялся пузом в обжигающие доски полка. Горячий березовый веник заходил по его костлявой спине, по тощему заду, а Катя все поддавала и поддавала жару... Ослабевший от болезни Федор ни за что бы не выдержал этой сладостной муки, задохнулся бы, но Катя вовремя поставила ему под нос низенькую бадейку-шайку со студеной колодезной водою. Он, почти касаясь влаги губами, вдыхал ее холодок, время от времени опускал в воду лицо, делал маленькие глотки, охлаждая нутро...

Пропарив Федора до последней косточки, Катя окатила его прохладной водой и начала вытирать жесткой холщевой простыней. Она весело тормошила Федора, подшучивала над худобой парня, сказав, что теперь «надобно откармливать, как гуся на зиму, чтобы стал на человека похож». Затем отпустила его и вышла на крылечко, понимая, что при ней он от полка пуза не отдерет.

После Катиной баньки Федор начал крепнуть не по дням, а по часам. Он с радостью начал помогать по хозяйству Матвею Степановичу, а потом и полностью включился в деревенскую работу, которой, как известно, не бывает конца. За-

то редкие часы отдыха и, главное, все ночи напролет принадлежали им с Катей. Они гуляли по берегу Волги или плавали на баржу и там сидели, обнявшись, под яркой луной.

Буксир после эпидемии тифа сняли с мели, увели на ремонт в затон, а баржу с продавленным днищем стащить на глубину ничем не смогли – так засосало ее песком.

Часто они переплывали Волгу, преодолевая течение могучей реки; Катя плавала как русалка, и Федору стоило больших усилий не отставать от нее и хотя бы держаться вровень. На луговой стороне они гуляли по стерне среди сметанных на зиму стогов, ходили к дальнему заливному озеру и объедались крупной ягодой ежевикой, колючие заросли которой окружали озерные берега непролазным валом.

Федор, замирая от нежной радости, целовал Катю в почерневшие и сладкие от ягодного сока губы; она разрешала ему целовать ее, но больше – ни-ни... блюла себя, а Федор и не пытался ничего больше, он был рад любой ее ласке, рад и тому только, что Катя просто была с ним рядом и он мог смотреть на нее...

На селе обычно посмеиваются над такими открытыми чувствами влюбленных, но в случае с Катей и Федором никто шутить себе не позволял, потому что все любили Катю и очень уважали ее родителей: Матвей Степанович исполнял на селе почетную обязанность церковного старосты, а Елизавета Ивановна, будучи еще более набожной, чем ее супруг, разделяла с ним все его бескорыстные хлопоты на службе

Богу.

Когда в их доме появился Федор, Елизавета Ивановна, еще во время болезни парня, прониклась к нему благосклонностью и жалостью; а видя, что ее старшая влюбилась, заплакала перед иконой, крестясь, прося у Бога благословения и милости.

Матвей же Степанович по поводу Федора лишь сказал:
– Пускай живет. Он сирота, значит – Божий человек.

И все было бы хорошо, да только в России двадцатого века не суждено было никому из людей пожить долгой счастливой жизнью. Войны накатывались одна на другую.

Вот и тогда Федору по годкам пришло время идти на военную службу, а война германская уже всю катилась по земле Российской...

Когда стало известно, что Федора забирают в солдаты и до его отправки осталась всего одна неделя, Катя предстала перед очами родителей своих и решительно объявила, что должна немедленно с Федором обвенчаться, потому как, сказала она, «он уходит на войну, а там, известно, всяко может случиться и, значит, он там, на войне, не должен чувствовать себя одиноким сиротой, а знать, что у него есть родной дом и верная перед Богом супруга, которая его всегда ждет».

Елизавета Ивановна тут же заохала, запричитала; закручинился малость Матвей Степанович; но очень любя Катю, они в конце концов перечить не стали.

Сельский священник, маленький и щуплый отец Василий,

задушевный друг могучего Матвея Степановича, обвенчал Катю и не верившего в свое счастье Федора в своей небольшой церкви Покрова Богородицы (отсюда и село Покровское). Венчание было очень скромным – не то было время в России, чтобы гулять широкую свадьбу.

На все оставшееся до отъезда Федора время родители отстранили молодоженов от всякой работы по хозяйству, и Федор со своей ненаглядной Екатериной Матвеевной, как сразу после свадьбы стали на селе уважительно величать Катю, отправились в «свадебное путешествие». Это путешествие было не дальним – до их любимой баржи, застрявшей посреди Волги. Они отплыли туда на лодке поздним вечером – лопасти весел падали в воду, блестя под луной, вода струилась, шелестела под днищем, оставляя за их лодкой сверкающую полосу.

Причалив к барже, Федор выгрузил из лодки чуть не полкопны привезенного с собой сена, и Катя в две минуты свила гнездышко для их первой брачной ночи. Разровняв на досках палубы сено, она бросила на него пару овчин и покрыла постель свежей холщевой простыней. В изголовье Катя положила огромные свадебные подушки, набитые гусиным пухом, который собственноручно собирала не один год. Выпрямившись, она посмотрела на Федора, ласково улыбнулась ему.

Тишина стояла над Волгой... Только тихо журчала вода, обтекая баржу. Яркая луна сияла в небе, проложив по воде

серебряную дорогу к ногам молодых.

В ту ночь Федор понял, что значит быть с женщиной, когда к ней испытываешь не одно только мужское желание, но и трепетную сердечную любовь.

Сухов, идущий по пустыне напрямик, даже зажмурился, вспоминая те летние ночи на барже вдвоем с Катей. Он так умиротворился душой, что раскаленная пустыня на минуту показалась ему прохладным садом. Да, это была его счастливая «медовая неделя», самые счастливые семь дней в его жизни.

Снова и снова Сухов возвращался мыслями к тем счастливым дням, потому что в дальнейшей жизни совсем немного радостей выпало на его долю, а потом и вовсе настали горькие дни...

Ком сухой колючки скатился с гребня бархана, подскочил на бугорке и замер у ног Сухова. На всякий случай он поднялся на кромку, чтобы узнать, отчего потревожился ком, но ничего подозрительного не заметил.

Спустившись в ложбину между барханами, Сухов остановился перед колодцем, еще издали поняв, что тот высох – по рою мух, кружащих стеклянными осколками над дырой в песке. Заглянув во чрево колодца, он увидел на дне его белёуший скелет какого-то животного – запах падали ударил снизу, привычный для Сухова запах войны.

На германской Сухов был дважды ранен, дважды награжден – получил два солдатских «Георгия». Под конец, попав в немецкую газовую атаку, был жестоко травлен ипритом и загремел на все лето и осень в госпиталь. Долго находился между жизнью и смертью, но крепкая натура волжского паренька победила. Оклемавшись, он стал каждый день писать Кате письма, но от нее получил только одно: все ломалось в России и связь почти не работала. В письме Катя писала ему, что все у них хорошо и чтобы он ни о чем не беспокоился. Как потом он узнал – это была святая ложь: жена берегла его и скрыла горькую правду о том, что случилось у них в семье... А Сухов так долго валялся в госпитале, что за это время в России грянуло две революции – Февральская и Октябрьская, вернее, революция была только одна – Февральская, а в октябре произошел переворот, который уже впоследствии, спохватившись, большевики объявили Великой Октябрьской Социалистической Революцией.

После госпиталя Федор Сухов был мобилизован в Красную Армию – с целью освободить от эксплуатации трудовой народ всей России и тотчас же после этого раздуть пожар мировой революции, чтобы освободить от гнета капитала трудовой народ всей земли.

Провоевав до самого лета, Федор Сухов был тяжело ранен в одном из боев и по этой причине демобилизован. Подлечившись, он, истосковавшийся по своей Кате, поспешил, полетел, словно на крыльях, к себе на Волгу, в родное теперь

ему село Покровское.

Не знал он, что там-то и ждало его горе-горькое...

Всю версту от пристани до села он бежал, как в атаку. Когда же остановился у Катиного дома – замер, сердце его упало и гулко забилося: дом выглядел явно нежилым – дверь была наискось заколочена доской, палисадник, в который когда-то Катя выводила его, больного, полежать в копне душистого сена, порос бурьяном, лопухами и прочей сорной травой. Сухов постоял, глядя на заколоченную дверь, обошел дом сбоку и ступил во двор. Здесь что-то неприятное снова поразило его, но он тотчас же догадался, в чем дело: раньше этот двор был полон шума и голосов разнообразной деревенской живности – кудахтанья, криканья, блеяния, мычания, ржания и лая... Теперь двор мертво молчал, только негромко чирикала пара воробьев под застрехой... Круто развернувшись, Сухов снова направился к крыльцу. Здесь он сбросил к ногам «сидор», устало опустился на ступеньку, и достав кисет с махрой, скрутил сигарку. Затем извлек из того же кисета кремень, трут, кресало и с помощью этих предметов добыл огонь. Жадно затянулся и увидел, как к нему из ближайших домов, а потом и из тех, что подальше, направляются люди, в основном женщины. Те, кто постарше, подошли к крыльцу, бабенки помоложе остались у калитки, а над заплетенной до половины оградой палисадника появились головы ребятишек, словно горшки на просушке. Сухов встал, почтительно поздоровался с женщинами. Те сначала

помолчали, а потом все враз, дополняя друг друга, начали рассказывать, что случилось с семьей Кати, а значит и с его семьей, казалось, такой счастливой совсем еще недавно...

Он узнал, что вскоре после его ухода на германскую по повторному призыву забрали на ту же войну и Матвея Степановича, что провоевав совсем недолго, всего с месяц, он погиб... А Елизавета Ивановна совсем ненадолго пережила его, донимала ее сердечная болезнь в последние месяцы... Умерла в одночасье, в тоске по Матвею Степановичу...

Сухов слушал, низко опустив голову и затягиваясь табачком так, что потрескивала сигарка. Он вспомнил о единственном письме Кати, которое получил в госпитале; она скрыла от него правду о своем горе, потому что жалела его, не хотела ничем беспокоить там, на войне.

Бабы замолчали... Сухов сидел, прикрыв глаза, потом поднял голову, с болью спросил:

– А Катя?... Где она?

Ему не ответили, все посмотрели на крупную пожилую женщину из соседнего дома, двоюродную сестру погибшего Матвея Степановича, Устинью Платоновну, как бы уступая ей право на дальнейшую речь. Она стояла пригорюнившись, подперев ладонью скулу, и когда увидела, что все на нее смотрят, чуть помедлила и вдруг тонким голосом как бы взвыла, запричитала нараспев, произнося фразы с тем же волжским оканьем, что и остальные:

– Феденька, родненький, солдатик ты мой!.. Не мне бы

говорить и не тебе слушать про горюшко, како случилось с нашей Катенькой, с супругой-сударушкой твоей!..

Федору трудно было слушать ее причитания, но вскоре в разговор вступили остальные бабы, и постепенно он узнал до конца, что случилось с его Катей...

После смерти родителей Катя очень страдала, но горе не сломило ее – надо было обихаживать, растить младших сестренок и братишку. Однако смеющейся или хотя бы улыбающейся никто с тех пор ее не видел.

Тем временем на селе с приходом новой власти жизнь быстро менялась. Поначалу все больше горлопанили, митинговали, но скоро начались события покруче...

Появился в Покровском чрезвычайный паренек по фамилии Шалаев со своей командой и, объявив продразверстку, приступил к реквизиции хлебушка для голодающих в городе рабочих. Люди понимали, делились, но чрезвычайным паренкам было все мало, и вскоре они начали выметать хлеб подчистую, забирая даже и семенной...

Мужички на селе, которых после германской войны еще не забрали на Гражданскую, всполошились, понимая что их семьям приходит каюк. Они явились к Шалаеву и задали ему резонный вопрос: мол, если он заберет семенное зерно, то что же будут жрать рабочие и сами большевики на будущий год?.. Шалаев тут же обозвал их малознакомым словом «контра» и сказал, что их нужно «поставить к стенке» и не их дело, что будет через год.

Крестьяне подобными ответами, естественно не были удовлетворены, что в дальнейшем во многих селах и привело к большим волнениям, стычкам с чрезвычайными пареньками и расстрелам непокорных...

Надо сказать, что собою Шалаев был недурен: хотя и невысокого роста, но строен, черноволос и бел лицом – ходил по селу, лениво ворочая своими нагловатыми раскосыми глазами, хмельными от власти и тайного принятия первача. Носил потертую кожаную куртку, вылинявшие, синего сукна галифе с кожаной задницей, черную под горло косоворотку и фуражку с нашитой на нее матерчатой красной звездой. За полкой он держал в кобуре «ливольверт» и при срочной необходимости собрать людей палил из него в воздух три раза...

Молоденькие вдовы, шальные бабенки поглядывали на него, но Шалаев на женский пол не обращал никакого внимания – до тех пор только, пока не увидел Катю... (В этом месте рассказа Сухов снова достал из кармана кисет.) Катя ему так приглянулась, что он начал давать круги возле ее дома, но она на все его подходы не отвечала и вообще не смотрела в его сторону... Шалаев очень удивился, что женщина не оценила внимания к ней такого важного человека – не поняла своего счастья – и решил без церемоний объяснить несчастной солдатке, с кем она имеет дело... Подвыпив «для куражу», он как-то под вечерок заявился к ней домой. Прилипли к окнам соседки; пробегая мимо, приостановились бабы, с любопытством глядя, как Шалаев взбежал на крыльцо Кати-

ного дома и шагнул за дверь... Постояв малость, бабы двинулись было восвояси, но тут дверь вдруг широко распахнулась, и Катя вывела Шалаева из избы, держа за шиворот, а затем так поддала своим крепким коленом ему под зад, что он, перелетев через все ступеньки крыльца, пропахал носом палисадник почти до самой калитки. Вскочив, он весь перекосясь и выхватил свой «ливольверт», но, увидев ухмыляющихся баб, малость опомнился и быстро рванул с Катиного двора, затаив в душе неумемную злобу...

А тут началось и вовсе невообразимое: новая власть в России почему-то люто возненавидела церковь, призывала рушить храмы, скидывать колокола, а священников начали ссылать вместе с семьями, матушками и детьми, а то и расстреливать. Когда дошел черед до их Покровской церкви, мужики пришли к Шалаеву и попросили не трогать храм... Он тут же заорал, что они «контры», потому что «леригия – опиум»! Что это обозначало – никто не понял. Мужики ушли, ничего не сказав, но обозлились крепко... На другой день Шалаев поднялся со своими шаромыжниками на колокольню и сбросил оттуда на землю колокол; он загудел сердито и жалобно, но не раскололся... Потом все двинулись в храм, но батюшка Василий накрепко заперся там, потрясенный, в голос молился перед иконами и, как перед погибелью, распевал псалмы... Шалаев орал, грозил, стучал кулаками и рукояткой «ливольверта» в двери, но отец Василий не открыл их. Тогда шаромыжники принесли колоду, высадили

тяжелые церковные двери, ворвались в храм и, как окаянные, начали все обдирать, рушить, разбивать иконы, топтать сапогами лики святых. Раскинув в стороны руки, отец Василий загородил вход в алтарь... Шалаев ударом кулака свалил щупленького священника на пол и, выдрав из стены большую икону Пресвятой Богородицы – покровительницы храма – ударом об колено разбил ее надвое. Последнего надругательства батюшка Василий не перенес: с воплем «Сатана!» он вскочил на ноги, подбежал к Шалаеву и плюнул ему в лицо... Взбешенный Шалаев выволок священника на паперть и тут же застрелил его, теперь уже не просто как «контру», а как «белогвардейскую контру», поскольку у несчастного отца Василия, в довершение всего, сын служил полковым священником в Белой армии. Мало того – Шалаев прикрутил убитого отца Василия веревками к резному столбу, поддерживающему кровлю над папертью, в назидание другим и не велел снимать его, пока не прикажет...

Бабы, в испуге крестясь, обходили храм стороной. Вот тут и показала себя наша Екатерина Матвеевна: высоко подняв голову, она смело прошла по селу к месту казни и остановилась перед прикрученным к столбу телом отца Василия. Строго смотрели ее глаза из-под черного платка, шевелились губы, произнося молитву. Прочитав молитву, Катя опустилась на колени и отдала земной поклон священнику, когда-то венчавшему ее, как и всех живущих в селе Покровском... Глубокой же ночью, когда Шалаев и все упившиеся шаро-

мыжники спали, Катя с заступом и свернутой холстиной в руках снова пришла к церкви. Разрезав веревки, она сняла со столба легонькое тощее тело отца Василия и здесь же, неподалеку от стен храма, выкопала неглубокую могилку; завернув убитого священника в холстину, предала его земле... Сама затем отправилась к перепуганной до смерти матушке Анне, супруге покойного отца Василия, и просидела в ее доме всю ночь, поделила с ней горькую кручину... Проснувшись поутру, Шалаев обо всем узнал и кинулся было со зла раскапывать могилку, но тут из толпы окруживших его сельян раздался неласковый голос: «Могилку не трожь... пожалеешь», и вся толпа гневно загудела. Шалаев выпрямился, обвел собравшихся взглядом и... выругавшись, швырнул заступ. Увидев Катю, за которой сбегали его шаромыжники, он бросился к ней и начал орать, грозить... Катя стояла перед ним и смотрела на него спокойно, ровно, как на пустое место или на муху. Он осекся и сам стал молча глядеть на Катю, «таку красиву, да такую горду... ровно лебедь белую узрел»... – вновь запричитала соседка Устинья Платоновна.

Шалаев глядел, глядел, и вдруг ухмылка перекривила его лицо, а глаза нагло замаслились. Он качнулся, приблизился к Кате и начал что-то негромко ей втолковывать, видно, что-то поганое, потому что она вспыхнула, как маков цвет, опустила свои длинные ресницы, но тут же вновь вскинула их и плюнула Шалаеву в глаза, как и отец Василий накануне.

Шалаев задохнулся, потом взвыл и начал судорожно ла-

пать свой бок, ища кобуру под полой... Но тут сами дружки-шаромыжники подхватили его под руки и оттащили от Кати, потому что увидели, как мужички кинулись выламывать колья из ближайшего плетня...

Через три дня шаромыжники отвели Катю и матушку Анну на пристань и сдали на арестантский пароход, который шел сверху, набитый семьями ссыльных. Их везли в тюрьму, не то в Царицын, не то в Астрахань, куда точно – в Покровском не знали.

Сухов, молча сидевший на ступеньке крыльца в течение всего рассказа, вскинул голову.

– Когда это было?

– Недавно совсем... Почитай, и месяца не прошло... – ответили бабы.

Сухов хмуро затынулся, соображая, что ему сейчас предпринять, а соседка снова слезно запела:

– А детишек-сиротинушек я приютила... Да только примчалась из-за Волги сестрица покойной Лизаветы... тетка твоей Катерины, бездетная... и забрала их к себе в деревню... от греха подальше...

Сухов, затаившись последний раз так, что сигарка обожгла ему пальцы и губы, поднялся, глухо спросил:

– А где сейчас этот ваш Шалаев?.. Хочу потолковать с ним.

Ему не ответили. Сухов обвел взглядом женщин, они опускали глаза, молчали; он сдержанно ждал. Старая бабка

Ульяна, пришкандыбавшая сюда позже других и стоявшая опершись руками и подбородком на клюку, перекрестилась. Приоткрыв пошире глаз и блеснув им как-то по-молодому озорно, сказала:

– А его нетути... Сгинул.

– Не понимаю. Как это сгинул? – нахмурился Сухов.

– А чего понимать-то. Опосля твоей Катерины и сгинул...

Утречком проснулись, а его нетути... – Сухов все еще непонимающе смотрел на бабушку Ульяну. Она вздохнула. – О-хо-хо-о... солдатик, погляжу, непонятлив ты... – Глаз бабки снова блеснул. – У нашей-то матушки Волги, чай, сам знаешь, омота-то... у-ух, как глубоки-и... Не приведи Господь оступиться – враз затянет.

Сухов все понял, медленно покивал головой, затем повернулся и посмотрел с высокого крыльца на Волгу, в ту сторону, где когда-то торчала засевшая на мели их с Катей «свадебная» баржа; теперь ее там не было – видать, разобрали зимой на дрова. Тупая ноющая боль подступила к его сердцу и с этой минуты больше не отпускала его...

Сухов крепко прижал к щекам ладони, растер лицо... и принял решение – не медля ни часа, отправиться на поиски Кати. Теперь он был уже не тем молоденьким матросом с волжского парохода, а немало повоевавшим, опытным солдатом, который привык неукоснительно соблюдать одно из самых главных военных правил: принял решение – действуй.

Когда Сухов объявил, что должен немедленно отправ-

ляться, бабы переполошились и наперебой стали предлагать ему отдохнуть с дороги, поесть горяченького, натопить для него баньку... В селе, из которого недавно забрали самых последних мужиков на Гражданскую войну, он оказался сейчас единственным, на кого была направлена вся накопившаяся извечная потребность женщин позаботиться о мужчине, приласкать его, пожалеть...

Другой бы, после нелегкой солдатской страды, может быть, и расслабился, отдохнул бы денек-другой, окруженный ласковой бабьей заботой, но Сухов и на минуту не мог подумать о самом себе, когда такое несчастье постигло его любимую супругу.

Поклонившись покровским бабам и попросив не поминать лихом, он взял свой «сидор», который проворные молодухи все же успели набить всякой снедью, и двинулся из села по дороге, ведущей к пристани, чтобы с первой оказией пуститься вниз по Волге в поисках Кати.

Добела раскалилось солнце над пустыней. Сухов сидел в «условной тени» очередного саксаула и «обедал». Ноги свои, чтоб отдыхали, он вытянул к вершине крутого барханного среза; спиной опирался о тонкий ствол деревца, корявый и твердый, как кость. В руке он держал половину чурека, откусывая от него маленькие порции. Жевал он эту черствую пресную лепешку с большим трудом, потому что рот был сухим, а воды в чайнике осталось всего на пару глотков и ее

нужно было растянуть до следующего колодца.

Сухов медленно пережевывал куски сухого чурека, а мысли его все крутились вокруг печальных событий в селе Покровском, связанных с действиями необычайного паренька Шалаева...

Сам Федор Сухов, как и множество простых природных людей, был человеком незлобивым, наделенным даром деликатного отношения к людям, как в целом, так и к каждому человеку в отдельности. Никаких крайностей и издевок над врагом не допускал и всегда корил таких бойцов, которые, потеря в голову от крови и злобы, измывались над побежденными...

С войной бывший красноармеец Федор покончил недавно и, получив приказ о демобилизации, дал себе слово ни под каким видом не ввязываться ни в какую заваруху. Однако, видимо, судьба была не согласна с таким его решением, потому что вскоре именно он, и никто другой, оказался в самом центре кровавого конфликта и именно ему пришлось разрешить этот конфликт до конца.

За час до того, как Сухов расположился на «обед», отряд Абдуллы подошел к гробнице, где покоились родственники Нурджахан и Саида. Хмурый и мрачный Абдулла отослал людей за дальний бархан и оставив при себе лишь одного нукера, приказал ему копать у подножия гробницы, отсчитав десять шагов строго на север.

В глубокой яме оказались два небольших окованных железом сундука. Нукер вытащил один из них, а второй Абдулла велел оставить на месте. Когда сундук был приторочен к седлу верблюда и яма засыпана песком, Абдулла пристрелил нукера. Затем, оставив убитого на съедение хищникам, он зашел в гробницу и здесь на каменной плите увидел бездыханную Нурджахан. Он, конечно же, знал ее, знал, что она была немножко не в себе при жизни, но лица девушки до этого ни разу не видел и поэтому поразился ее красоте.

Абдулла долго глядел на мертвую красавицу. Тление совершенно не коснулось ее, может быть оттого, что воздух в гробнице был абсолютно сух... а может, оттого, что Нурджахан и при жизни была почти святой...

Он вернулся к отряду, гоня перед собой верблюда с поклажей, и приказал продолжить движение на восток, к морю.

Вскоре им повстречались несколько всадников – то был Джевдет со своими людьми. Он поклонился Абдулле, приложив руку к груди и осветив свое порочное бабье лицо лъстивой улыбкой; о нем ходила дурная слава, как о сластолюбце, любителе малолеток и мальчиков.

Абдулла кивнул в ответ: они с Джевдетом не были врагами.

– Куда путь держишь, ага? – почтительно поинтересовался Джевдет, с благодарностью приняв от Абдуллы сигару.

Они закурили, двигаясь рядом, круп в круп.

– Туда, – неопределенно махнув рукой Абдулла, на всякий

случай не раскрывая своего маршрута.

– Что невесел? – спросил Джевдет.

– Чему радоваться? – вопросом на вопрос ответил Абдулла.

– Да, нечему, – согласился Джевдет. – Вон как все перевернулось...

Они помолчали.

– За своими женами едешь? – вновь деликатно поинтересовался Джевдет, но глазки его хитро блеснули.

– Знаешь, где они? – равнодушно спросил Абдулла.

– Может, знаю... Говорят, их повели в Педжент... – Джевдет искоса наблюдал за Абдуллой, за его реакцией.

– Махмуд! – зло крикнул Абдулла, огорчившись, что Джевдет знает больше, чем он.

Махмуд подскочил, ожидая приказаний.

– Возьми людей. Скачите в Педжент. Разузнай все. И сообщи... Вот, добрый человек подсказал. – Абдулла кивнул на Джевдета. – Я у тебя в долгу, Джевдет... Сам куда путь держишь?

– До ближайшего колодца... А там посмотрим. – И, почтительно откланявшись, Джевдет со своими людьми поскакал в противоположном направлении.

Отряд Рахимова медленно, шагом тащился по пустыне – девять бойцов, спешившись, отдали своих лошадей закутанным в чадры женам Абдуллы.

Рахимов нервничал, сновал из одного конца отряда в другой, поглядывая на женщин с плохо скрываемым неудовольствием. Затем подъехал к новому взводному, который вчера был назначен вместо погибшего Квашнина.

– Совсем отстали, – сказал Рахимов.

– С бабами нам его не догнать, – махнул рукой взводный, красивый гибкий таджик с тонкими усиками. Рахимов молча согласился. Увидев, как молоденький боец Петруха заигрывает с одной из женщин, что-то шепча ей и посмеиваясь, он вытянул камчой по крупу его коня – так что тот бешено рванул и понес Петруху. Рахимов погрозил парню вслед плеткой, строго прикрикнул на женщин и вернулся в голову отряда.

Взводный усмехнулся: он считал, что Рахимов излишне деликатен по отношению к этому никому не нужному гарему.

– Доведу их до колодца и брошу! Дам пшена, пол мешка воблы, а дальше – как сами знают, – решительно заявил Рахимов.

– Ты у каждого колодца так говоришь, – снова усмехнулся взводный.

– А что делать? – воскликнул Рахимов. – Жалко же баб.

– Что делать? – переспросил взводный, пожал плечами. – Дать им Петруху в сопровождение... и пусть топают до Педжента. А мы бы рванули за Абдуллою.

– Петруха им не защитник, – вздохнул Рахимов.

Взводный с еле заметной иронией посмотрел на своего командира и почесал рукояткой камчи за ухом.

– Все ясно, товарищ командир, значит, будем и дальше ползти пешком.

– Не твоего ума дело! – Рахимов осадил коня так, что тот взметнул в воздух передние копыта.

Потом, малость поостыв, похлопал коня по шее и, проводив мрачным взглядом женщин в чадрах, проехавших мимо него, плюнул на песок.

Покончив с черствой лепешкой-чуреком, Сухов поднес к уху чайник, поболтал им – вода в чайнике не плескалась, но он знал, что там осталось на два небольших глотка. Очень хотелось оросить этой теплой, отвратительной по вкусу жидкостью сухой рот и слипшуюся глотку. Однако Федор сдержал себя – слишком велик был риск остаться в пустыне без капли воды.

Оставалось одно только средство, слегка притупляющее жажду – курево, но и табачку в кисете было с гулькин нос. Сухов свернул крохотную сигарку, вынул из кармана небольшую линзу и прикурил от солнца. Он с наслаждением затянулся крепким махорочным дымом. Стало немного легче. Сухов глянул по сторонам и не узрел на раскаленном песчаном пространстве ни единого существа, даже самого крохотного. Вся живность, спасаясь от белого косматого солнца, глубоко зарылась в песок...

Лишь в небе тянулась вереница грифов, санитаров пустыни, голошеих, как считалось, из-за того, что питаются падалью.

С некоторых пор Сухов ненавидел этих птиц. Это случилось с ним после одного из жестоких боев. Накануне он был временно назначен, по причине больших потерь в личном составе, помощником командира взвода. Сухов должен был погибнуть наверняка, но самым непостижимым образом остался в живых. Дело в том, что в самом начале рокового сражения он был расстрелян своим командиром Макхамовым. Эту фамилию Федор Сухов с благодарностью запомнил на всю жизнь...

Тогда, за минуту до решающего штурма, противоборствующие стороны расположились на местности следующим образом: банда басмачей залегла в балке между барханными грядами, ожидая атаки красноармейцев. Красноармейцы же, скопившись по другую сторону гряды, замерли в седлах, ожидая команды. Взводный Макхамов, самолюбивый и вспыльчивый командир, недавно присланный в их эскадрон, решил брать банду в лоб, по-кавалерийски, на полном скаку. Все бы ничего, но у Сухова вызывала подозрение полуразвалившаяся гробница на возвышении сбоку. Гробница казалась ему какой-то неуместной на этом возвышении, как-то не вписывалась в общий пейзаж.

– Не нравится мне эта усыпальница, – сказал он команди-

ру. – Я бы на их месте установил там пару пулеметов.

– Какие пулеметы?! – заорал на него Макхамов. – Нет там пулеметов. Мы сидим у них на хвосте уже десятые сутки! Брось, Сухов, херню пороть! Приказываю атаковать во фронт!

– Не горячись, Макхамов... – пытался возразить Сухов.

Но командир не дал ему договорить и, выхватив револьвер, сверкнул глазами.

– Я здесь командир и срывать атаку никому не позволю!.. А не то!.. – Он потряс револьвером перед Суховым.

– В лоб я не поведу людей!.. И тебе не дам! – категорически отрезал тот.

Взбешенный Макхамов как-то коротко взвыл и выстрелил ему в голову. Сухов, обливаясь кровью, свалился на песок.

– Так будет со всеми паникерами! – заявил Макхамов и, вскинув револьвер, завопил: – За мной! В атаку!!!

Взвод послушно рванул за ним напрямик...

Часа через два Сухов очнулся, потрогал спекшуюся кровь на лице – пуля чиркнула по виску, – убедился, что жив, пополз и скатился в ложбину, над которой кружили черные птицы.

Все красноармейцы полегли здесь, в ложбине. Все до единого, вместе с их лихим командиром Макхамовым. Как и предсказывал Сухов, они были скошены, пулеметами с гробницы.

Птицы рвали тела его товарищей по отряду, а он ничего

не мог поделаться, хотя наган был при нем: выстрелы по птицам выдали бы его присутствие. С тех пор Сухов проникся к голошеим санитарам пустыни ненавистью, в чем был категорически не прав, поскольку эти птицы были совершенно необходимым звеном в круговороте природы: без них бы немало погибло живого от беспощадной заразы.

При случае же он с удовольствием рассказывал о командире Макхамове, который «спас ему жизнь», како человеку душевном и приятном, только излишне горячем, что на войне наказуемо, и с улыбкой добавлял в конце рассказа:

– А если бы он меня не расстрелял, так я бы погиб вместе со всеми ни за хрен...

...Сухов проводил взглядом вереницу грифов, мерно машущих крыльями, пока они не растаяли в знойном небе, и на всякий случай, запомнил направление их полета: по всей видимости, там случился недавний бой, и санитарам пустыни было чем поживиться. Поерзав и задрав еще выше ноги, Сухов сполз спиной почти до самого подножия саксаула, надвинул на глаза кепарь, но уснуть на раскаленном песчаном ложе было весьма затруднительно. Он лежал, не шевеля даже пальцем, даже не моргая, чтобы не растерять последние остатки жидкой субстанции в своем организме. Одновременно он стал думать о Кате, о своей драгоценной и единственной супруге, – прибег к верному средству, которое всегда отвлекало его от ужаса жизни...

Прибежав на пристань, Сухов дождался первого парохода и отправился с ним вниз по реке. Денег у красноармейца было мало, и он договорился с капитаном оплатить проезд бесплатной матросской работой.

...В Царицыне ему ничего не удалось узнать о ссыльных. Возможно, кто-нибудь что-то и знал об арестантах, но не желал говорить, потому что в освобожденной России уже наступало опасное для «нерегулярных» разговоров время.

В Астрахани же, у босоты, ошивающейся у пристаней, он узнал наконец, что ссыльных двумя партиями отправили морем в Баку в Баиловскую пересыльную тюрьму. Обдумывая, как ему поступить дальше, Федор бродил по астраханской набережной, по парку, где некогда прогуливались барышни с их кавалерами и духовой оркестр играл вальс. Теперь здесь маршировали красноармейцы. Наконец ему пришла мысль наняться на товарный поезд охранником и таким образом добраться до Баку. Его, как солдата, не раздумывая взяли... И покатил товарняк, громко перестукивая колесами, протянув за собой шлейф паровозного дыма, по астраханским пескам, мимо синего моря Каспия; моря, с древних времен обильного благородной красной рыбой, запасы которой в нем, вместе с Волгой, составляли по данным энциклопедического словаря «девяносто пять процентов всех осетровых, существующих на земном шаре»...

Поезд на Баку полз по самому берегу, и буруны морских

волн подкатывали к железнодорожному полотну, почти к самым ногам Сухова, которые он свесил наружу, сидя на полу вагона в обнимку с винтовкой...

По дороге Сухов интересовался участью ссыльных, но никто толком ничего не знал, слухи были самые разноречивые.

...В Баку он устроился рабочим на промыслы. Их бригада возила на тачках песок для засыпки бухты, под дном которой нашли нефть. Оказалось, что под огромным озером-морем Каспием, в глубине земли, покоится еще одно море, такое же огромное по величине – море нефти. По проекту инженера Потоцкого надо было засыпать большое водное пространство.

Инженер был слеп, он приезжал сюда в коляске и, ведомый за руку своей дочерью, обходил стройку. Дочь рассказывала отцу, сверяясь с топографической картой, обо всем, что сделано накануне, как проходит засыпка бухты, и слепой инженер давал указания мастерам.

Бухты засыпали – здесь выросли деревянные вышки, похожие на вытянутые, усеченные пирамиды, с зигзагами лестниц, – и стали бурить.

Ударили первые фонтаны нефти, черные, высокие, растекающиеся масляными озерами по поверхности. Иногда нефть возгоралась – факелы взлетали в небо, чадя густыми клубами черной копоти, и вулканический рев сотрясал окрестности города:

В свободное от работы время Сухов бегал по городу –

скопищу одноэтажных домиков с плоскими крышами, – расспрашивал жителей о ссыльных русских женщинах, но тщетно: никто ему не поведал чего-нибудь такого, что навело бы его на след Кати.

На стройке напарником Сухова по тачке был молоденький паренек, красивый семнадцатилетний азербайджанец Исмаил. Стройный, гибкий, с большими черными глазами, опущенными длинными, прямо-таки девичьими ресницами, он, тем не менее, был очень вынослив и в работе не знал усталости. Исмаил привязался к Федору, как к старшему брату, а когда узнал о его злключениях, старался помочь ему чем только мог. Именно он, через десятых приятелей, прознал об одном нужном им человеке и, быстро разыскав его, привел к Сухову. Человеком этим был некто Аббас, надзиратель Баиловской пересыльной тюрьмы.

Они втроем – Сухов, Исмаил и Аббас – отправились тогда в шашлычную, которая находилась напротив высоких стен тюрьмы. Уселись за деревянный непокрытый стол, стоявший на земле, на деревянные же лавки. Крышей шашлычной служила крона зеленой чинары, отбрасывавшей на стол узорную тень, но все равно было очень жарко, тяжелый зной висел в воздухе.

Аббас, мрачный, неразговорчивый бакинский мужик с длинным лицом и сильными жилистыми руками, для начала, не произнеся ни звука, хлопнул полный стакан водки –

круглый, толстый, зеленого стекла стакан местной водки, называемой арака. Сухов заинтересованно посмотрел на него и тоже не спеша выщедил полный стакан араки, слегка утерев под усами пальчиком губу и кинув в рот маслинку. Он уже научился кое-чему в определении людей и сразу понял, что этого приятеля торопить с разговором не следует ни в коем случае.

Дальше они пили так же молча, но уже закусывая то жареными кусочками баклажана, называемого здесь бадымжаном, то маленькими колбасками из рубленого остро наперченного мяса, зажаренными на углях, называемыми люля, то большими кусками шашлыка из осетрины. Сухов, привыкший у себя на Волге к пирогам с осетриной, здесь впервые отведал шашлык из этой рыбы. Пораженный его вкусом, он не удержался и нарушил молчание, сказав, что надо и волжан научить готовить это кушанье...

Исмаил, грызя перышко лука, не пил ничего и даже не ел, смущенно отговариваясь, что он сыт, что поел дома... на что Аббас молча стукнул о столешницу кулаком, и после этого юноша деликатно взял с блюда колбаску люля.

Когда Сухов и Аббас выпили по бутылке водки каждый, у бывшего надзирателя потеплел взгляд, и он с некоторым уважением посмотрел на иноверца. Аббас оценил, что Сухов не запьянел, только взгляд его стал чуть мягче и веселей.

Музыкант играл в углу шашлычной на кеманче, выводя бесконечные мелодии, тягучие и одновременно как бы узор-

но-извилистые, подобно орнаменту на ковре. Музыкант был худ, черен как эфиоп, а волосы и борода его были белоснежно-седыми, отчего он выглядел, как снимок на негативной пластинке.

Аббас поинтересовался, нравится ли русскому эта азербайджанская мелодия. Сухов кивнул.

– Похоже на нашу реку, которая делает много поворотов.

Аббасу ответ понравился, и он, никогда никому не говоривший о своей работе надзирателя, постепенно разоткровенничался с этим рыжим русским. А когда Сухов заказал еще литр водки, Аббас поведал ему все, о чем посторонним знать не положено.

Сухов узнал о том, как прибывали этапы в Баилловскую тюрьму, как их отправляли потом через море в Краснодарск, откуда они затем распределялись в места поселения. Аббас рассказал ему, что между бакинским портом и Краснодарском курсировала тюремная баржа, железная, ржавая до красноты – раньше на ней перевозили скотину.

Колонну баб и мужиков конвоировали до причала в сопровождении собак, затем шеренгами в один ряд, громко пересчитывая, загоняли на баржу. На ней ссыльные стояли, прижавшись друг к другу, невидимые за высокими бортами, а над ними с винтовками в руках по специальным трапам ходили солдаты. Женская и мужская половины, ничем внешне не отличавшиеся – ни запахом, ни матом, – были разделены железной перегородкой.

Загруженная до предела, баржа начинала свое плавание до другого берега Каспия, пересекая море с запада на восток. Дорогой сильно качало, ибо плоскодонная баржа была приспособлена только для каботажного плавания, а не для пересечения морского простора. От сильной болтанки многие блевали прямо на пол под себя. В перегородке между мужской и женской половинами было проделано множество дыр – кто чем расковыривал. Через дыры переговаривались, поглядывали друг на друга, передавали курево.

Баржу сопровождал военный катер, с пушкой на носу и пулеметом; на случай бунта было предписание – топить баржу прямой наводкой вместе с охраной, поскольку последняя тут же становилась виноватой, ежели допустила бунт.

О многом говорил за столом хмурый надзиратель, но о своей Кате Сухов так ничего от Аббаса и не узнал, вернее, узнал, если, как говорится, отрицательный результат тоже считать результатом. Когда Сухов красноречиво описал внешность Кати и сообщил все ее приметы, Аббас категорически заявил, что такая женщина в Баиловской пересыльной тюрьме не появлялась.

– Все ссыльные бабы лично прошли через мои руки, – твердо сказал Аббас. Сухов поднял голову, но понял, что эта двусмысленность была случайной. – Но такой, как твоя Катерина Матвеевна, я не встречал точно... и другие тоже – все бы заметили такую краплю, да еще блондинку! – Он вскинул руку, подчеркивая свои слова.

Сухов грустно усмехнулся. В Баку ему делать было больше нечего. Они распили оставшуюся водку, Сухов душевно поблагодарил Аббаса за компанию и дружески расстался с ним.

Исмаил же провожал своего старшего друга по бакинским улицам до самого места ночлега – старых полузанесенных песком барж на берегу моря, в которых и было общежитие рабочих. По дороге Исмаил время от времени молча вздыхал и все заглядывал в лицо Сухова, трогательно переживая их неудачную встречу с надзирателем.

На другой день Сухов узнал, что в Баку идет запись добровольцев в красноармейские части для борьбы с басмачами. Недолго раздумывая, он записался в один из отрядов, который вскоре должен был отправиться в Красноводск, а оттуда в полупустынные степи и дальше в пески самой пустыни...

Воевать для Сухова было делом привычным, но сейчас, записываясь в боевой отряд, он преследовал две цели: война со своей каждодневной смертельной круговертью как ничто другое могла хоть как-то отвлечь его от постоянных горьких раздумий о судьбе; опасная боевая работа поглощала человека целиком, а в редкие свободные часы между сражениями или подготовкой к ним нестерпимо хотелось лишь одного – спать, спать, спать... Вторая же его цель заключалась в том, чтобы окончательно самому убедиться, что в красноводских степях, куда, по словам Аббаса, отправляли ссыльных, Катя

тоже не появлялась. Вполне могло случиться – думал Сухов – что она попала туда, каким-нибудь образом минуя эту проклятую Баиловскую пересыльную тюрьму.

...Накануне отправления Сухов ушел к морю и долго сидел на берегу, уставившись на горизонт, где сливались вода и небо; там парили, кружили чайки, вспыхивали на пологих волнах ослепительные блики солнца. Пенные полукружья подкатывались к ногам Сухова, шуршали, впитываясь в горячий песок.

Потом Сухов разделся и вошел в море. Он не спеша долго плыл к горизонту, все больше удаляясь от берега, и доплыл туда, где кружились, кричали чайки. Тут, на глубине, вода была бутылочно-синей.

В бухте Биби-эйбат вспыхнул нефтяной факел – столб огня и дыма взвился ввысь, заслонив солнечный диск. Мрак опустился на побережье и часть моря, как при затмении. Жгутики сажи от горящей нефти, похожие на головастиков, посыпались в воду вокруг Сухова. Чайки улетели прочь, спеша уйти от жара. Со стороны моря к бухте подошел пожарный катер, и струи воды полетели из брандспойтов в сторону факела.

Сухов вернулся на берег с покрасневшими от дыма и сажи глазами. Как всегда, судьба хранила его: плыви он чуть ближе к взорвавшемуся огнем фонтану – пришел бы ему каюк.

Исмаил отпросился с работы, чтобы проводить друга. Явился на бакинский причал и Аббас.

Исмаил пришел со свертком, в котором была еда в дорогу – чурек, зелень, сыр. Кроме того, он протянул Сухову еще и кулек со сладкой ягодой – инжиром, смущаясь и боясь, что Федор посмеется над этим любимым им мальчишеским лакомством. Но тот все принял чинно, с признательностью.

Аббас принес бутылку араки и брусок мяса, крепкого, не угрызешь, остро наперченного, благодаря чему оно не портилось при любой жаре. Мясо это здесь называлось бастурма. На этот раз Сухов и Аббас приняли водочки в самых деликатных границах – по чарочке на дорожку, или «на посошок», – так это называется по-русски, объяснил Сухов.

Пока шла погрузка красноармейцев на пароход, они стояли у трапа и, как всегда бывает при проводах, обменивались ничего не значащими фразами, курили...

– Приезжай ко мне, если что!.. – вдруг горячо сказал Исмаил, влюблено глядя на Сухова. – Теперь ты мой брат!

– Э-э!.. – протянул Аббас и сделал свой любимый жест – вскинул руку. – У него семья – сто человек!.. Приезжай ко мне – я бобылем живу, а ты мужик вроде подходящий... и араку умеешь пить. – Тут он протянул руку и добавил: – Ладно, прощай!.. Терпеть не могу провода – в тюрьме только и знал, что всех провожал.

Аббас, повернувшись, ушел, а Исмаил стоял до конца, пока Сухова не погнали к трапу.

Плыли в трюме; каспийские волны беспорядочно били о гулкий борт парохода, пахло мазутом. Сухов, закрыв глаза,

все вспоминал девичью улыбку молоденького азербайджанца, назвавшего его своим братом, и это согревало душу одинокого сейчас на всем свете солдата. Пароход кренило с борта на борт и с носа на корму; устоять на ногах было невозможно, поэтому сидели, привалясь друг к другу, к металлическим стенам трюма. Выходить на палубу не разрешалось, чтобы не демаскироваться. Даже единственную полевую пушку на баке прикрыли ветками чинары, хотя этот зеленый кустарник на пароходе мог вызвать еще большее подозрение. Пароход оказался таким старым и проржавевшим, что непонятно было, как он вообще держался на воде. Во всяком случае, остаток пути красноармейцы провели в воде, понемногу заполнявшей трюм. Лучи солнца, бьющие сверху, играли всеми цветами радуги в масляных пятнах на поверхности воды в трюме.

...В Красноводске было жарко, пахло песком, камнем – то был запах пустыни, впервые учуянный Суховым. Мальчики в тюбетейках, чернявые, худущие и большеглазые, продавали гирлянды вареных раков, кирпичного цвета, в пупырышках, с обвислыми клешнями. Тут же на берегу готовили шашлыки; нанизанные на деревянные пруты, шкворчащие на огне кусочки молодого барашка источали такой соблазнительный аромат, что всегда голодных солдат, питающихся в основном пшенной кашей и воблой, буквально покачивало в строю.

Вскоре красноармейцев погрузили в коробки товарных

вагонов и повезли по пустыне, начавшейся почти сразу же после окраин города. Пустыня предстала пред Суховым своим блеклым, цвета поношенной гимнастерки, пейзажем, даже небо тут было белесое, мутное. Верблюды равнодушно провожали их состав взглядами, смотря всегда как бы поверх, как бы сверху; все больше попадались одногорбые.

Потом их состав разбили на отряды и пустили по всем направлениям в пески и степи, уничтожать летучие отряды басмачей. Перед этим всем выдали поношенное и прожаренное в «вошебойке» обмундирование и новенькие винтовки.

Сухов еще с германской войны усвоил из непреложных истин боевой жизни: чаще других погибают солдаты, которые пренебрегают правилами маскировки, то есть выделяются на местности, помимо неосторожных порывистых движений, еще и своим обмундированием – его цветом или какими-либо деталями: сверкнувшей ли пуговицей, светлой пряжкой или еще чем-нибудь. Только безумец может появиться на передовой в парадной форме с золотыми погонами, сверкающими пуговицами, заметными за версту наградами на груди. Такой поступок равносителен смертному приговору, подписанному самому себе: этот безумец немедленно станет легкой добычей не только снайпера, но и просто приличного стрелка.

Федор Сухов не забывал ничего из накопленного им опыта боевой жизни. Поэтому он выбрал себе из кучи обмундирования самые выцветшие, застиранные добела гимнастерку

и штаны.

Еще с первых часов следования их поезда через пустыню он определил, что именно такая форменная одежда сделает его почти незаметным для противника на фоне светлых песчаных барханов. Винтовку выбрал германскую, считая ее надежней английской.

Провоевав с басмачами четыре с лишним года, познав искусство войны, дважды плененный и дважды спасшийся бегством, Сухов, сражавшийся за идеи революции и за светлое будущее всего человечества, между тем никогда не забывал расспрашивать местных жителей о ссыльных русских. Четыре года, воюя, скитался он по пустыне и все четыре года искал след своей Кати. На пятом году ему повезло. Ну не могло же, не могло не повезти ему за столько лет его собачьей солдатской службы!

Случилось это так. Однажды он с несколькими бойцами был направлен на север для пополнения запаса боекомплекта и приобретения свежих лошадей для отряда. Прибыв на место и, как всегда, расспросив местных жителей, Сухов узнал про поселение русских неподалеку в степи. Их прислали сюда как раз в то время, которое его интересовало. Оставив бойцов заниматься делами отряда, он направился в указанном направлении, почти уж и не надеясь на удачу: сколько таких поселений он перевидал в поисках Кати – и все без толку.

В степи, у единственного колодца, стояло несколько жалких лачуг из глины и прутьев, типа мазанок; дымились костры, на которых поселенцы готовили себе пищу.

Мужчины – изможденные люди неопределенного возраста – распахивали пыльную землю на таких же, как и они сами, тощих лошаденках. За деревянными сохами тянулась желтая пыль. Женщины и детишки занимались хозяйством, готовили жиденькое варево из бог знает чего.

Увидев подскакавшего к колодцу русского красноармейца, люди несмело потянулись к нему... Остановившись поодаль, молча смотрели на земляка. Сухов спрыгнул с коня, накинув повод на шест, врытый у колодца, подошел к поселенцам, учтиво поклонился. Понимая, как жизнь обидела этих людей, он угостил всех мужичков махоркой, не спеша наладил разговор и перешел к своим вопросам... И снова, в который раз убедился, что ему опять не повезло: никто не знал ничего о Кате...

Опечаленный, он распрощался с людьми, медленно подошел к коню, уже сунул ногу в стремя... и тут услышал, как за его спиной прозвучал слабый голос женщины, неуверенно назвавший его по имени:

– Федя?..

Сухов чуть не упал, выдергивая ногу из стремени, быстро повернулся на голос. Он увидел только что подошедшую к толпе незнакомую старушку, которая смотрела на него подслеповатыми глазами.

Федор Сухов медленно двинулся к ней, думая что ослышался. Тощая, изможденная женщина в убогом, протертом до дыр шушуне, шагнула к нему навстречу и снова сказала:
– Феденька... сынок.

Она уткнулась сморщенным личиком в его грудь и заплакала.

Тут Сухов не глазами, а каким-то сердечным чутьем узнал ее.

– Матушка?.. Матушка Анна?..

Да, это была она, супруга покойного священника отца Василия, который венчал их с Катей.

Сухов, не помня как, оказался сидящим на пожухшей степной травке. Рядом с ним, опустившись на колени и обняв его, как ребенка, покачивалась матушка Анна. Она гладила ладошкой его голову, его выгоревшие добела волосы и горячо говорила:

– Жива твоя Катя!.. Жива!.. Ты не верь никому.. Господь Бог не даст ей погибнуть!.. Пресвятая Богородица, матушка Царица Небесная наша укроет ее своим Покровом!..

– Что с ней?.. – вскинул голову Сухов. – Где она сейчас, матушка Анна? Где Катя?! – чуть не кричал он.

Люди молча обступили их. Матушка утерла слезинку и заговорила вновь:

– Когда мы отплыли, Катя на корму прошла и весь день на ней простояла... все на Волгу глядела... ни с кем словом не обмолвилась. Нас-то вниз загоняли, а ее никто не трогал

– вся охрана и матросы только и знали, что пялились на нее, любовались ею... Чай, сам знаешь, какая она, наша Катя... наша Екатерина Матвеевна, супруга твоя!..

– Ну, а дальше?.. Дальше, матушка Анна?! – Сухов вско-
чил на ноги, за плечи поднял старую женщину.

– Ночью гроза случилась... Страшная, не приведи Гос-
подь!.. Небо над головой крестом раскалывалось... – Ма-
тушка Анна перекрестилась. – Гром и молния били не пере-
ставая... Люди от страха ничком на пол ложились...

– Матушка Анна! – в нетерпении снова схватил ее за пле-
чи Сухов.

Она, тихо покачав головой, вздохнула.

– Утром только котомочку ее нашли... с платком и хле-
бушкой... А самой Кати и след простыл. Больше не видали
ее на пароходе...

– Не видали?.. – еле слышно переспросил Сухов, при-
стально глядя в лицо матушки.

– Видно, очень не хотела твоя Катя в тюрьму плыть, – ска-
зала, горько усмехнувшись, матушка Анна. – Вот и броси-
лась в Волгу... – Сухов закрыл глаза, вытянулся, как по стой-
ке «смирно», а матушка Анна продолжала: – Ты, Феденька,
только не верь никому... не верь. Тебе скажут, что она, мол,
утопилась с горя... или, мол, просто утонула в грозу... А я
знаю... сердце мое чует, что сохранил ее Господь наш, Спа-
ситель, и она доплыла до берега. – Матушка снова перекре-
стилась.

Сухов открыл глаза, и матушке показалось, что в глубине их появился какой-то упрямый блеск.

– Утопилась?! Ну, это вряд ли! – Он решительно pokrутил головой, как бы отмечая малейшую возможность такого исхода. Сухов хорошо знал свою Катю и был уверен, что она-то уж не покончит с собой.

– Вот и я говорю!.. – закивала матушка Анна. – Вот и я...

Зная характер Кати, Сухов резонно предположил, что она, конечно же, не могла покорно тащиться в тюрьму и решила сбежать, дождавшись подходящего момента.

Он взглянул на матушку, быстро спросил:

– А ее искали, матушка Анна?.. Пароход останавливали?

– Нет, – ответила она. – Один матрос баял поутру, мол, вроде слышал он, как что-то всплеснуло – да не понял что... А к утру пароход далеко ушел...

Сухов кивнул головой. «Все ясно, – подумал он. – Катя наверняка поплыла к левому, луговому берегу и укрылась в какой-нибудь заволжской дереvушке, скорей всего у тетки своей, которая забрала ее сестренку и братишку... Все сходится. Конечно, она сбежала... А ночь, да еще с грозой – самый подходящий момент». Едва только он подумал об этом – перед ним тотчас же промелькнули картины той незабвенной летней поры, когда они жили с Катей в Покровском.

... Как они вдвоем переплывали Волгу, не только спокойную, но и бурную... Как Катя учила его не паниковать при

большой волне, а спокойно подныривать под ее пенный гребень... Как во время их «медовой недели», они, купаясь в заливах – Катя в холщовой рубашке, а он – в своих выцветших добела бумажных матросских портах – ныряли в глубину до самого дна. Схватившись за какую-нибудь корягу или за лапу занесенного песком якоря с налипшими ракушками, они надолго замирали над светлым ложем песчаного дна, как бы паря над ним... Малые существа подводного мира, испугнутые поначалу, начинали доверять им: темно-серебристые пескари тыкались в них легонько, как бы целуя; стайка полосатых окуньков проплывала рядом, огибая их головы, а однажды из-под камня вылез рак и запутался в длинных волосах Кати. Он «подстригал» и «подстригал» ее своими клешнями, пока она не всплыла. Катя отцепила его и, смеясь в рачьи выпученные глаза, отпустила на волю...

Сухов тряхнул головой и, улыбнувшись матушке Анне, еще раз решительно заключил:

– Нет, не может Катя утонуть в Волге – ни при какой погоде!

Он вдохнул полной грудью и вдруг, впервые за долгие годы, почувствовал, что ему стало намного легче жить. Надежда окрылила солдата, и тяжесть тупой боли, придавившая его тогда в Покровском, свалилась с сердца. Он теперь знал, где искать свою Катю: «Конечно же, она там, в заволжской деревне у своей тетки, вместе с сестренками и братишкой,

а может быть... может быть, уже и в самом Покровском!.. Этой сволочи, Шалаева, давно нет, чего ей бояться... А уж как я вернусь, тогда нам и сам черт не страшен».

Не сказав больше ни слова, Сухов легонько растолкал толпу поселенцев, тесно окружившую их с матушкой Анной, и подбежал к коню. Птицей взлетев на него, с места галопом рванул в степь...

Матушка Анна грустно смотрела ему вслед, мелко крестила спину удаляющегося всадника...

Остальные так же молча проводили глазами умчавшегося красноармейца и побрели по своим делам.

Сухов вернулся через час.

Смотавшись к своим бойцам, он коротко объяснил им в чем дело, и они без лишних слов отдали ему свои пайки – пшено, воблу, сухари. Нашелся также и ком слипшихся конфет-подушечек.

Сухов свалил у ног матушки Анны узел с продуктами. Их было и для одной немного, но он знал супругу покойного отца Василия и понимал, как она поступит.

– Вот благодать-то! – всплеснула руками матушка и тотчас же созвала всех женщин.

Она велела им разделить поровну все, что было в узле, а ком подушечек достался оборванной голопузой детворе, половина которой не видела еще в своей жизни конфет.

Сухову очень хотелось чем-нибудь одарить матушку Анну, но ничего за душой у красноармейца не было, да и быть

ничего не могло – не пистолет же ей дарить... и тут он сообразил, что на дне его «сидора», под комплектом чистого белья, лежит пара новеньких портянок. Они достались ему в наследство от недавно погибшего друга, Родиона – мягкие фланелевые, бесценные для солдата, портянки. Родион, когда был жив, все уверял Сухова, что такие портянки, кроме своего прямого назначения, очень хороши для добычи воды. Все дело в том, что иногда над пустыней вдруг появляется тучка и она может излиться обильным, но коротеньким, одномоментным, дождем. Вот тут-то и нужно не зевать и быстренько расстелить на песке портянки, а едва дождь пройдет – сразу отжать портянки в чайник...

Сухову и его дружку не удалось испытать этот способ, потому что Родион погиб, так и не дождавшись дождя в пустыне.

Матушка Анна сначала отнекивалась, а потом приняла от Сухова портянки, тут же сбросила свой ветхий поношенный платок и повязала голову мягкой фланелью, от чего помолодела даже и стала похожей на медсестру.

Они долго стояли друг против друга. Прощались, понимая, что им больше не суждено встретиться. Матушка Анна шептала молитвы и, смахивая слезинки, все крестила, крестила Федора Сухова, как будто хотела благословить его на всю оставшуюся жизнь.

Наконец он обнял матушку Анну, потом поклонился остальным своим землякам, надвинул поглубже кепарь,

вскочил на коня и ускакал. А его земляки, ссыльные русские люди, с завистью глядели ему вслед – они должны были остаться на этой убогой, постылой земле, искренне не понимая, в чем их вина...

Прибыв в часть, Сухов подал просьбу об увольнении его из армии. Все сроки и сверхсроки его службы прошли, а ранений у него было столько, что ни одна врачебная комиссия не смогла бы возразить против его демобилизации.

Вскоре Сухова вызвал один из его высших начальников – молодой комбриг Макар Назарович Кавун. Он посоветовал не торопиться с увольнением и хотя бы еще годик повоевать за счастье трудового народа.

Сухов ответил в том смысле, что он уже много лет воюет за счастье трудового народа, а теперь бы ему хотелось хоть самую малость похлопотать о своем личном счастье.

Комбриг Кавун нахмурился, строго сказал:

– Ты что плетешь, Сухов?.. Какое может быть личное счастье у сознательного революционного бойца!.. Личное счастье – самый вредный буржуазный предрассудок.

Сухов согласился с комбригом, но объяснил, что хочет отыскать давно пропавшую, горячо любимую жену.

– Жену, говоришь?.. Любимую?.. Та-ак, – поднял бровь двадцатичетырехлетний комбриг. – Значит, мы здесь будем героически сражаться, а ты пересидишь такое великое время под бабьей юбкой!

На это Сухов скромно возразил, что как только отыщет жену, они начнут вместе героически сражаться на трудовом фронте, что тоже немаловажно в такое великое время.

Комбриг Макар Назарович Кавун махнул рукой и приказал демобилизовать красноармейца Сухова.

В сущности комбриг был мужиком добрым и справедливым. За что впоследствии и будет расстрелян в тридцать восьмом как «враг народа», того самого народа, за счастье которого он сражался сейчас в этом пекле пустыни.

Забрав смену исподнего белья, немного пшена и воблы, да толику сухарей, да подаренный ему именной револьвер – все, нажитое за годы солдатской службы, Сухов прощался с отрядом. Поскольку в красноармейских отрядах, действующих в пустыне, был строгий «сухой закон», то весь ритуал прощания заключался обычно в объятиях-рукопожатиях и в напутственных словах. Для Сухова же старые дружки расстарались и приволокли в последний момент несколько бурдюков кумыса и горячие лепешки-чуреки. Кумыс, конечно, не арака и даже не виноградное вино, но приняли достаточную дозу, в общем, попрощались почти «по-людски».

Сухов двинулся по барханам домой, решив преодолеть многие версты пустынного пространства пешим ходом. Ему настойчиво предлагали лошадь, но от такого транспорта Сухов наотрез отказался, объяснив, что лошадь требует дополнительной заботы – одному проще и вернее.

Вот и двигался он теперь, окрыленный надеждой, по горячим пескам напрямик до Гурьева, оттуда можно было добраться до Астрахани, а уж там, вверх по Волге, путь был для него знакомый...

Пока же он лежал под саксаулом, задрав наверх ноги, пережидая знойное время полдня. Когда солнце миновало зенит, Сухов поднял с глаз кепарь и встал на ноги. Красные круги заходили у него перед глазами, жара еще стояла непереносимая для его обезвоженного организма.

Сухов встряхнулся, отцепил от пояса чайник и убедил себя в том, что только выпив остатки воды, он сможет добраться до следующего колодца. После чего задрал голову и с наслаждением влил в свою пересохшую глотку пару оставшихся в чайнике глотков отвратительной, теплой и солоноватой жидкости.

Затем измерил саперной лопаткой длину тени, отсчитал по зарубкам время и по положению солнца определил «гипотенузу», ведущую к Гурьеву. Подтянув пояс и по привычке попрыгав, чтобы ничего на нем не брякало, не звенело, он двинулся вперед, как всегда не быстро и не медленно, целесообразным для передвижения на далекие дистанции солдатским походным шагом.

Надо сказать, что по ночам он довольно точно определял свою «гипотенузу» по звездам, вернее, по Полярной звезде, которая, как известно, единственная из всех неподвижно

торчит над своим полушарием. . .

Перевалив через очередную барханную гряду, он заметил впереди себя и несколько правее какое-то движение.

Сухов тут же скатился в ложбинку между барханами; выставив белый кепарь над гребнем белых песков (что делало его незаметным), он приступил к наблюдению.

Вскоре перед ним явственно обозначился движущийся по пустыне отряд. Приглядевшись, Сухов быстро, по единообразию обмундирования и по головным уборам, определил, что это «свои».

Одно только слегка озадачило Сухова: он насчитал девять каких-то чучел, которые цугом двигались на конях в передней части отряда. Но поскольку все остальные не внушали ему никаких подозрений, он выбрался из своей ложбинки и спокойно двинулся дальше.

Его тут же заметили. Какой-то всадник, отделившись от отряда, поскакал к нему, на ходу трижды выстрелив в воздух.

Сухов, вняв предупреждению, спокойно опустился на песок, скрутил козью ногу, высыпав в нее весь оставшийся табак – он знал, что чем-чем, а табачком и водицей он у своих наверняка разживется.

Всадник подскакал к сидящему на песочке Сухову, лихо осадил коня.

– Кто такой? – начал он без предисловия.

– Сухов я, – ответил Федор, пустив конус дыма вверх.

– Врешь! – искренне удивился всадник. – А я Рахимов. Слышал?

Сухов кивнул, снизу вверх разглядывая всадника, отметив про себя его излишнюю нервозность и мысленно сравнивая Рахимова со своим бывшим командиром, покойным Макхамовым, тем самым, которому был «обязан жизнью». Затем ответил, нарочито польстив, все в той же надежде на табачок и воду:

– Кто ж в пустыне не знает командира Рахимова!

– А мне говорили – ты демобилизовался... – Довольный Рахимов спешился, присел рядом на песок. – Слух идет, что ты уже в Астрахани.

Сухов кивнул головой.

– Должен был. Да вот, пришлось задержаться.

Отряд подъехал, окружив Сухова и своего командира; бойцы с любопытством смотрели на Федора. Он в свою очередь оглядел красноармейцев, окинул взглядом и женщин в чадрах, сидящих в седлах, как мумии. Затем снова повернулся к Рахимову. Наклонившись к нему, тихо посоветовал:

– Штыки со стволов отомкнуть надо. Вас за версту видно по проблеску, а с бархана – за все три.

– Да я знаю, – вздохнув, ответил Рахимов. – Но тут такое дело... – Он безнадежно махнул рукой.

Один из бойцов, ослабившись, обратился к Сухову:

– Товарищ Сухов, а ты меня узнаешь?

Федор оглядел бойца, качнул головой.

– Нет.

– Я же в тюрьме сидел, которую ты взорвал!.. Помнишь?..

В Чарджоу.

– Как же я могу тебя узнать, родной, – улыбнулся Сухов. – Вы же все после взрыва тут же разбежались. А я потом один отбивался полдня...

Красноармейцы дружно заржали. Сухов вновь посмотрел на женщин в чадрах и увидел...

Как блеснула река на излучине, как по волнам бежали солнечные зайчики... Деревенские молодухи поднимались по косогору, задрав подолы мокрых, прилипающих к телу платьев, белея крепкими икрами, посмеиваясь, перебрасываясь шуточками... Одна из них оглянулась, отстав от подружек, и прямо, как бы глаза в глаза, посмотрела на Федора, который присел в осоке с напыленным на голову выеденным арбузом. Эта девчонка из воспоминаний его «арбузного» детства сейчас превратилась в его сероглазую, с мохнатыми ресницами Катю, и она с великой нежностью взглянула на него...

Сухов усмехнулся, отвел взгляд от женщин. Отряд спешил на отдых.

...У костра Рахимов делился с Суховым своими бедами:

– Месяц за ним гоняюсь. Пол-отряда потерял. Вчера в Черной крепости совсем было накрыл – из рук ушел... Ну ничего... – Он скрипнул зубами. – Я этого Абдуллу все равно достану! Весь песок в пустыне просею! Своими руками

задушу! Взводного он у меня застрелил – такого отчаянного парня!..

Сухов сказал:

– Отчаянные на войне не живут, Рахимов...

Рахимов вздохнул.

– Ты прав, Сухов... Война работа тяжелая, осторожная...

У отчаянных на нее терпения не хватает.

– Это точно, – подтвердил Сухов.

Он смотрел, как один из бойцов, молоденький, весь в рыжих веснушках паренек, помогал спуститься с коня тоненькой гибкой женщине.

– Не урони, Петруха! – крикнул пареньку один из бойцов. – Разобьется!..

Сухов откинулся на песок, подложив руки под голову, а Рахимов все продолжал взволнованно говорить:

– Не знаю, зачем Алимхан тут оставил Абдуллу... Видать, задание какое дал...

Сухов, глядя на появившегося в небе беркута, который закладывал над отрядом виражи, сказал:

– В Черной крепости его через трубу надо было брать.

– Так он через нее и ушел! – взвился Рахимов. – Я же не знал, что там ход!

– Как не знал? – удивился Сухов. – Мы же там Черного Имама брали... С покойным Родионом... Поэтому и крепость называется Черной... А ход еще длинней был... Я его укоротил малость...

– Сухов! – взмолился Рахимов. – Помоги! С тобой мы его враз прикончим. Ты ведь один целого взвода стоишь, а то и роты.

– Нет уж, хватит, – ответил Сухов, закрывая глаза. – Дойти надо. Я и так крюк дал. Теперь по гипотенузе иду – короче... До Астрахани, а там до Нижнего, по воде.

– Сухов, доведи хоть баб до Педжента, сделай милость. По рукам и ногам связали – пешком ходим. Захвати их с собой, а? Этот чертов гарем!.. Девять штук. Освободили, а теперь маемся. С ними Абдуллу никак не догнать.

– Вообще-то, зря, – вздохнул Сухов.

– Что – зря? – не понял Рахимов.

– Освободили зря. Так бы они живыми остались. А теперь он их наверняка убьет, раз они у тебя в руках побывали.

– Да ты что?! – подскочил Рахимов. – Мы даже лиц то их не видели. Я, если кто к ним полезет, любого тут же к стенке – понимаешь?!

– Я-то понимаю, а Абдулла не поймет... Эх ты, Рахимов, тут родился, а Востока не знаешь. Сперва надо было с ним, Абдуллой, управиться, а потом уж жен освобождать. Восток – дело тонкое!

– Если ты так все понимаешь, значит, ты должен взять баб!

– Многовато для меня, – усмехнулся Сухов. – Одну бы мог для услаждения жизни.

– Не надо с этим шутить, – сказал строго Рахимов. –

Это первые освобожденные женщины Востока!.. Понимаешь, Сухов, это высокая политика, иначе я и сам бы их давно выкинул!

Внезапно, что-то почувствовав, Сухов посмотрел в сторону и увидел Саида. Он, устроившись на вершине бархана, сидел на песке и молча наблюдал за отрядом.

– Ты как здесь очутился? – удивился Федор, обрадовавшись Саиду, как другу, с которым они давно не виделись.

– Стреляли, – ответил тот и пересел, чуть подвинувшись вбок – на том месте, где он сидел, из песка показалась ящерица.

А Рахимов все умолял:

– Слушай, Сухов, я тебе человека дам, лошадь, пшена... А, Сухов?.. Доведи их до Педжента. Сейчас, может, на триста верст вокруг никого из наших нет... – И он описал рукой круг, подтверждая слова жестом.

– Это точно, – согласился Сухов.

Рахимов почему-то обрадовался.

– Вот и хорошо! Вот и договорились!.. – И сделал знак взводному. Тот подскочил, стирая портянкой мыло с лица, потому что во всех ситуациях жизни заботился о красоте своих бакенбардов. Рахимов отвел его в сторонку и вполголоса отдал распоряжение, кивая в сторону Сухова, который в это время, радушно улыбаясь, смотрел на еще так недавно освобожденного им Саида.

– По коням! – раздался голос Рахимова.

Сухов, продолжая лежать на песке у костерка, повернул голову и удивленно поглядел на него. А Рахимов вскочил в седло и обратился к женщинам в чадрах:

– Товарищи женщины!.. Не бойтесь! С вашим мужем-эксплуататором мы покончим. А пока вы поступаете в распоряжение товарища Сухова. Он будет вас кормить и защищать. Он хороший!

И с этими словами поскакал прочь, взметая из-под копыт павлиньи перья песка.

Сухов приподнялся на локте, удивленно спросил:

– Ты куда, Рахимов?.. Эй! – Осознав ситуацию, он вскочил на ноги, закричал: – Стой! Стой!!

Но отряд уже скакал вслед за Рахимовым, оставив Сухову Петруху с лошадей и весь гарем – девять женщин.

Сухов подскочил к Петрухе, схватил его винтовку, вскинул в небо, нажал на спусковой крючок – выстрела не получилось: осечка. Перезарядил, нажал – вновь осечка.

– Тьфу! Мать твою!.. – выругался он и в сердцах стукнул прикладом о песок – раздался выстрел, а отряд Рахимова уже скрывался за барханной грядой. – Что же мне, всю жизнь по этой пустыне мотаться?! – чуть не плача, закричал Сухов.

Саид молча наблюдал за ним. Сухов, похаживая туда-сюда, похаживая и постоная, посмотрел на восток, туда, где был единственный городок на всю округу.

– Не ходи в Педжент, – сказал Саид, разгадав намерение Сухова. – Абдулла придет туда.

– Конечно, придет, – буркнул Сухов. – Разве бросит он своих баб... Подъем! – закричал он на женщин.

Те, до этого сидевшие на песке, испуганно вскочили на ноги. Сухов указал Петрухе на Саида:

– Отдай ему коня.

Веснушчатый парень молча передал повод Саиду, погодя спросил:

– А зачем, товарищ Сухов?

– Делай, что говорят...

Сухов долго смотрел на закутанных в чадры женщин, поинтересовался, унимая раздражение:

– А как вы их различали?

– Вот список... – Петруха протянул ему листок, наконец поняв, что перед ним новый командир, которому нужно подчиняться. Рядовой Петруха привык к этому. Он всегда в своей жизни только подчинялся. – Товарищ Рахимов научил их строиться, – пояснил он, – по росту.

– По ранжиру, – сердито поправил его Сухов. – Тебя как зовут?

– Петруха... вернее, Петр.

Сухов вздохнул.

– Понимаешь, Петруха, вчера я с орлом встретился... Думал – какая же хорошая примета. Ну ладно если бы с вороном – можно было бы сказать, что он накаркал... а тут орел, царь пустыни, и такая подлянка с этими бабами... Ладно, давай свой список.

Петруха протянул ему бумажку.

Сухов некоторое время изучал список, чтобы как-то научиться произносить непривычные имена женщин. Затем он приступил к переключке:

– Зарина... Джамиля... Гюзель...

Женщины в чадрах одна за другой выстроились перед ним в шеренгу, как солдаты.

– Саида... Хафиза... Зухра... Лейла... Зульфия... Гюльчатай...

Гюльчатай в сторонке на песке играла с черепахой; та то высовывала головку, то втягивала ее обратно, пугаясь. Гюльчатай посматривала сквозь чадру на Петруху, как бы и его приглашая к игре. Петруха улыбнулся ей.

– Гюльчатай! – повысил голос Сухов.

Девушка, оставив черепаху, подбежала к остальным женщинам и заняла место с краю.

– Напра-а... – скомандовал было Сухов, и его буквально пронзило воспоминание о его супруге, Катерине Матвеевне.

Она стояла, прислонившись к тонкой березке, такая далекая, такая непохожая на этих закутанных в чадры женщин пустыни. Березка шелестела от ветерка, струясь вбок, словно летела над землей.

– За мной, барышни, – закончил Федор Сухов скучным голосом, вздохнул и зашагал по песку.

Женщины гарема гуськом заспешили следом. Замыкал шествие Петруха.

Саид, верхом на коне, ехал шагом поодаль, как бы подчеркивая свою роль охраняющего отряд воина.

Сухов не ответил Петрухе на вопрос – зачем нужно отдать единственного у них коня Саиду, но сам он прекрасно понимал, что такой воин, как Саид, для их «женского» отряда представляет теперь бесценную боевую единицу, стоящую десятка таких зеленых бойцов, как Петруха. Житель пустыни, опытный воин Саид, едущий с ними рядом и слегка поодаль, как разведчик, с высоты коня мог задолго до них заметить все, что представляет угрозу, и вовремя подать сигнал. Кроме того, они вместе с Суховым могли дать серьезный бой любому противнику...

Петруха, который шел позади женщин, все поглядывал на чарыки, мелькавшие из-под длинного подола Гюльчатай, и, охваченный каким-то непонятным пока ожиданием радости, все время улыбался.

До мобилизации Петруха жил в Рязани с матерью и отцом, классным, известным в городе сапожником, который мог «построить» даже генеральские сапоги бутылками. После школы Петруха обычно помогал отцу.

Мастерская располагалась в подвале двухэтажного каменного дома. Две большие комнаты в этом доме занимала семья Петрухи, а две крохотные комнатки они сдавали. В

них поселился серьезный молодой человек, который ходил в неизменной студенческой курточке и «технической» фуражке – большевик. Он прочитал от корки до корки «Капитал» Маркса и очень любил его цитировать к месту и не к месту.

Петруха сдружился с ним, вернее, большевик сам как-то пригласил Петруху к себе на чашку чая, и они провели вечер за разговорами о жизни, о цели и предназначении человека, о будущем.

Большевик рассказал Петрухе о своих единомышленниках, борющихся за народную власть, за всеобщую свободу и равноправие. Петрухе все это очень понравилось – говорил студент красиво.

Когда в городе установилась советская власть, студент сам предложил Петрухе заняться настоящим делом, и первым заданием для него было оказание помощи большевистской ячейке, которая остро нуждалась в деньгах. Дело в том, что Петруха как-то рассказал студенту о двух рулонах дорогой кожи, которые с давних пор хранились у отца: один рулон красного сафьяна, а другой – шевро. Вот эти-то рулоны и нужно было ночью тайно вынести из мастерской, продать, а деньги употребить на благородную революционную деятельность.

Петруха поначалу здорово струхнул и сказал, что отец убьет его за воровство. Студент-большевик оскорбился, разгневался и объяснил Петрухе, что революционеры не занимаются воровством, что акт, который он предложил Петрухе

произвести, называется экспроприацией и что это совершенно другое дело. Он тут же привел в пример одного известного революционера, такого же маленького ростом и рыжего, как Петруха, да еще рябого и сухорукого, который, несмотря на все это, отважно грабил банки... – тут студент сказал, что оговорился, что не грабил, а – экспроприировал деньги. Он объяснил, что эти деньги и помогли партии совершить революцию, после чего отважный экспроприатор был избран в политбюро и теперь стал одним из великих вождей трудящихся.

Ошарашенный таким примером Петруха решился на экспроприацию. Он спер рулоны кожи, но после этого показываться отцу на глаза отказался.

Студент привел Петруху в местный совет, где товарищи приняли его как героя, радостно и дружелюбно, и сказали, чтобы он плюнул на своего отсталого отца, поскольку теперь вышел на правильную дорогу. Дальше ему привели слова великого пролетарского Буревестника Революции о том, что «в жизни всегда есть место подвигам», и тут же записали в добровольческий отряд, направляющийся в Среднюю Азию для борьбы с тамошней контрой.

Так, в конце концов, Петруха попал в пустыню, где и был зачислен в отряд красного командира Рахимова.

Гюльчатай часто оглядывалась на Петруху и, если бы на ней не было чадры, то он увидел бы, как ласково смотрят

на него глаза молоденькой жены Абдуллы. Он нравился ей потому, что не был таким грозным, как муж.

Гюльчатай помогала матери взбивать шерсть во дворе, когда, толкнув ворота, во двор вошел высокий красивый старик в богатых белых одеждах, в чалме. Это был сам «верховный смотритель» гарема Алимхана. Он подошел к женщинам, которые сидели на корточках и махали прутьями, чтобы шерсть была пышнее, и поинтересовался, дома ли хозяин.

Женщины, стыдливо прикрыв нижнюю часть лица чадрой, ответили утвердительно. А взбиваемая ими шерсть вдруг подхватила смерчиком-вьюном и побежала по двору, взвиваясь. Мать Гюльчатай, Фатима, ударила по вьюну пачкой – тот распался.

Старик, мельком глянув в нежно-серые глаза Гюльчатай, следящие за ним из-под закрывающей лицо чадры, прошел в дом.

– Кто это? – спросила у матери Гюльчатай.

Мать промолчала, вся напрягшись и обратившись в слух – но из дома ничего слышно не было.

Через некоторое время старик в сопровождении отца Гюльчатай вышел на крыльцо, попрощался и, прежде чем уйти, вновь внимательно взглянул на девушку, взбивающую шерсть.

Отец с матерью о чем-то переговорили, и Фатима запричитала, заохала, хлопая себя ладонями по груди.

...Вскоре нукер пригнал десяток баранов в их двор.

Все поняв, Гюльчатай убежала подальше от дома и много часов просидела на бережку арыка – страх сковал ее гибкое, как лозинка, тело.

Сухов, женщины, Петруха и Саид подошли к Педженту на третьи сутки в разгар солнечного дня. Пахло камнем и навозом.

Пыльный каменный одноэтажный городишко, отделенный от пустыни полуразрушенной стеной, был замечен издали из-за дворцовой постройки с куполами и минаретами, возвышающимися над барханами пустыни.

Сухов внимательно поглядел на зубчатую стену Педжента: не притаился ли кто там?

Миновав несколько кривых улочек города, все подошли к дворцу.

Щедро украшенное резьбой по камню и изразцовым орнаментом главное здание дворца было окружено высокой стеной. Дверь, ведущая на внутренний двор, была заперта; над ней была вывеска «Музей Красного Востока».

На песке у входа виднелись следы подков, но Сухов не придал этому значения, полагая, что это следы лошадей местных жителей. Здесь он допустил промашку, видимо, из-за того, что очень торопился скорей покинуть этот ненужный ему Педжент. Он постучался в окованную железом дверь.

– Умоляю, только не в музей! – раздался из-за двери тре-

вожрый голос. – Здесь величайшие ценности!

– Погоди, отвори дверь, – сказал Сухов, отметив чисто русское произношение говорящего.

Лязгнул засов, раздался звук поворачиваемого в гнезде ключа.

Саид, тронув коня, на всякий случай свернул за стену дворца, схоронившись там.

Дверь отворилась, и на пороге возник пожилой русский человек с бородкой клинышком и тубетейкой на голове.

– Ты откуда взялся? – удивился Сухов соотечественнику:

– Я хранитель музея. Моя фамилия Лебедев, – ответил русский.

– Понятно. А я Сухов... Куда делось население? – Сухов повел головой назад, в сторону домишек.

– Спряталось... – Лебедев боязливо покосился вбок, но Сухов и этому тоже не придал значения. Хранитель окинул взглядом женщин в чадрах и еще больше забеспокоился. – Прошу вас, уведите гарем... Здесь величайшие ценности... Понимаете?!

– Вот что, хранитель музея, – сказал Федор строго, – эти девять освобожденных женщин Востока тоже величайшая ценность...

Лебедев хотел было вставить слово, но Сухов прервал его:

– И давайте не спорить... Вопросы есть? Вопросов нет и быть не может. За мной! – скомандовал он, мягко отодвинул хранителя и шагнул во двор. За ним последовали женщины

и Петруха.

Лебедев остался у двери, он искоса посмотрел на при-
сланного Абдуллою нукера, который притаился за колонной,
угрожающе выставив револьвер и приставив палец к губам...

Сухов вытащил из кармана гимнастерки список.

– Джамиля... Зарина... Гюзель...

Все женщины оказались на месте, кроме Гюльчатай, ко-
торая разглядывала вывеску музея, пытаясь прочесть непо-
нятные для нее слова.

– Гюльчатай! – повторил Сухов сердито.

Торопливо перебежав двор, та заняла свое место в шерен-
ге женщин. Сухов оглядел выстроившийся гарем.

...Нукер Абдуллы с чалмой на голове выглянул с галереи
верхнего этажа; в правой руке у него был револьвер, а в левой
– ломоть дыни, напоминающий полумесяц.

– До свидания, барышни, – сказал Сухов и передал список
Петрухе. – Давай, действуй. Тут, вроде, все спокойно.

– Может, еще денек побудете, товарищ Сухов? – попросил
Петруха, отрывая взгляд от Гюльчатай.

– Не робей, Петруха. Завтра придет Рахимов, заберет вас
отсюда.

Нукер в чалме с удовольствием ел дыню, наблюдая за про-
исходящим. Он широко осклабился при последних словах
Сухова.

Саид, спешившись, сидел у стены, поджав под себя ноги,

тихо напевал что-то тягучее себе под нос. Сухов вышел из дверей музея и увидел Саида, сидящего в позе всегда готового к броску воина.

– Ты что это мурлычешь? – поинтересовался он.

– Сестра любила эту песенку, – сказал Саид.

– Счастливо оставаться... – улыбнулся Сухов – А я только в море ополоснусь – и в дорогу. Смотри, больше не закапывайся.

Саид, продолжая напевать свою песенку, смотрел вслед Сухову, спускающемуся к берегу моря, которое виднелось отсюда ярко-синим лоскутом меж глинобитными домами.

Каспий раскинулся до самого горизонта; запах от моря был чистый, пронзительный, сильный. Над водой кричали чайки. Волны, пенясь, накатывались на белый песок.

Нукеры Абдуллы напали на Петруху, как только Сухов покинул дворец Алимхана. Швырнув на землю, они жестоко избили его ногами.

Петруха остался лежать ничком на каменных плитах двора, раскинув руки и ноги.

Лебедев подбежал к нему, перевернул на спину, плеснул на окровавленное лицо воды из кувшина.

– Изверги... Изуверы... – шептал охваченный ужасом смотритель музея.

Сухов вышел на окраину Педжента. Здесь кончалась же-

лезнодорожная ветка и стояло несколько нефтяных баков. Невдалеке, на полузанесенных песком, а кое-где и вовсе погребенных под барханами путях, виднелась одинокая цистерна с маслянистыми подтеками. Вдоль путей тянулись телеграфные столбы с оборванными проводами – Алимхан не успел достроить ни то ни другое.

На самом берегу, шагах в десяти от моря, лежал завалившийся на бок баркас, довольно большой, с мачтой.

Сухов, не раздеваясь, чтобы отмочить пропотевшее обмундирование, лишь сбросив на песок сидор, ремень с кобурой и кепарь, бросился в воду, с удовольствием поплыл, рассекая волны.

С баркаса за ним наблюдали два человека Абдуллы: русский подпоручик и бородатый азиат в меховой папахе. Когда Сухов заплыл достаточно далеко, подпоручик спрыгнул на песок и направился к вещичкам красноармейца, оставленным на песке.

Сухов перевернулся на спину и лежал так, смотря в небо, по которому плыли редкие облачка, возникая в вышине как бы ниоткуда. В небе кругами парили чайки, резко вскрикивая, иногда падали к воде – за рыбешкой и уносили вверх добычу, свисающую с их клювиков блестящими коромыслами.

Сухов перевернулся со спины на живот и не спеша поплыл обратно. Отфыркиваясь, он вылез на берег, подошел к своим вещам и... увидел, что кобура его расстегнута и пуста. Он нагнулся, чтобы убедиться в этом окончательно. – и резкий

крик оставил его в таком положении.

– Руки! – крикнул подпоручик, стоящий поодаль с двумя револьверами, направленными на Сухова, Сухов, взявшись было за пустую кобуру, бросил ее и, медленно разгибаясь, приподнял руки., взглянул исподлобья...

Подпоручик и нукер в папаше держали его под прицелами своих револьверов. Подпоручик раздельно читал дарственную надпись на оружии Сухова:

– Красноармейцу Сухову... Комбриг Мэ Нэ Кавун... Именной! – подчеркнул он и бросил револьвер Сухова третьему нукеру, появившемуся на палубе баркаса. Тот поймал револьвер в воздухе.

– Зачем ты взял чужих жен? – сказал нукер в папаше. – Они же не твои?

Сухов ничего не ответил.

– погоди, вот придет Абдулла, он тебе вырвет язык. Ну, чего молчишь?

– Язык берегу, – вздохнул Сухов, оценивая безнадежную обстановку, сложившуюся вокруг него.

– Тебя как, сразу прикончить или желаешь помучиться? – с издевкой спросил подпоручик, поигрывая револьвером.

– Лучше, конечно, помучиться, – ответил Сухов, лихорадочно соображая, как выпутаться из ситуации.

Подпоручик ударил его по лицу. Сухову, так часто получавшему удары и пинки в своей революционно-походной жизни, удар показался несильным и необидным. Он только

взглянул на подпоручика, не изменившись в лице.

Нукер в папахе выстрелом из револьвера подал сигнал, и от коновязи, устроенной у одной из нефтяных баков, к баркасу подскакал еще один из джигитов Абдуллы. На нем был красный жилет, надетый прямо на голую, волосатую грудь. Рожа его нахально скалилась.

Нукер, не отрывая взгляда от Сухова, приказал подпоручику:

– Семен, скачи к Абдулле.

Тот козырнул и, вскочив на коня, ускакал.

«Одним меньше, – отметил про себя Сухов, – С троими немного легче... Значит – это люди Абдуллы... Вот я балда – видел же лошадиные следы... – С виду Сухов выглядел глуповатым и растерянным. Ни один мускул на лице не выдавал его истинного состояния, а мозг лихорадочно работал. – Если они не убили меня сразу, значит я им зачем-то нужен... Решили взять в плен... Может, им так приказал Абдулла... Значит, у меня есть время и можно как-нибудь вывернуться... Плохо, что эта папаха от меня в трех шагах... Далековато... Вот бы сделать еще шажок, и тогда можно броситься, схватить за ноги... Ну, выстрелит разок, в движении это не так страшно – еще нужно попасть, чтобы убить... а ранит – это легче... еще можно драться... Эх, мать твою, как бы этот шажок сделать?.. Пальнет с испугу!.. – Сухов покачнулся, как бы от внезапной слабости, и сделал полшажка. – Ну, вот, еще чуть-чуть...»

Но нукер тут же подобрался, остро взглянул на пленника: Дуло револьвера уставилось ему в грудь.

«Сейчас пальнет, сволочь!.. – со страхом подумал Сухов. – Погибнешь ни за хрен... И зачем я связался с этими бабами...» – Все эти мысли пролетели у него в голове за несколько мгновений. И тут взгляд Сухова упал на его невиданно-огромные наручные часы, торчащие из-под кепаря, хоть и не работающие, но с виду весьма привлекательные, и вероятный план мелькнул в его сознании.

– А ну, шагай, – приказал нукер в папаше и отступил в сторону.

Сухов, прежде чем двинуться, с подчеркнутым вниманием посмотрел на свои наручные часы и «небрежно» вытянув их из-под кепаря, начал пристраивать к руке... Как и предполагал Сухов, глаза нукера в папаше жадно сверкнули при виде необычных часов, он чуть подался вперед и этим невольным жестом выдал себя.

Сухов взял часы за ремешок и бросил нукеру в папаше, тот поймал их – и в ту же секунду, в прыжке, Сухов выбил из его рук револьвер и, падая на песок, в перевоороте, дважды выстрелил.

Сперва упал «красный жилет», за ним – нукер, любитель часов.

Сухов перекинулся с одного бока на другой, чтобы сразить третьего нукера на баркасе и не дать тому прицелиться, но в этом уже не было необходимости: сдернутый с баркаса

нукер хрипел, пытаюсь сорвать с шеи петлю аркана, наброшенную на него Саидом.

Сухов поднялся с песка, поднял свой револьвер, выпавший из рук нукера, проверил барабан, одновременно наблюдая, как Саид хладнокровно придушил врага. Затем спокойно спросил:

– Ты как здесь оказался?

– Стреляли, – коротко ответил Саид, свертывая аркан на локте.

Федор одобрительно кивнул и, подняв с песка свои часы, надел их на запястье, посмотрел на море, на воду, от которой так расслабился... После чего опоясался ремнем с кобурой, вложил в нее револьвер... и тут раздался выстрел.

Быстро обернувшись, Сухов увидел Саида с карабином в руках, только что выстрелившего с полуоборота. Каким-то сверхчувством воина тот уловил шевеление раненого джигита в красном жилете, поднимающего руку с ножом для броска. Сухов, взглянув на теперь уже навсегда уткнувшегося в песок противника, снова поинтересовался:

– Откуда у тебя карабин?

Саид бесстрастно перезарядил карабин – гильза, выпрыгнув из ствола, перекувырнулась и мягко упала на песок. Также бесстрастно пожав плечами, он ответил:

– В пустыне оружия много. Птицы не клюют оружия.

– Это точно, – согласился Сухов. – Птицы клюют нас. –

Он вспомнил, как грифы терзали погибших бойцов отряда

Макхамова... Потом он обернулся и увидел, как вышли к берегу жены Абдуллы и, остановившись, сбились в кучу.

Сухов усмехнулся, покачал головой.

Петруха, цепляясь за приклад винтовки, торопливо, почти бегом следовал за Суховым, который уверенно шагал от моря к Педженту. За ним, отставая метров на десять, гуськом семенили, наступая друг другу на пятки и путаясь в подолах, жены Абдуллы с закутанными лицами.

– Товарищ Сухов, – канючил Петруха, – а как Рахимов задержится, что тогда?.. Ведь Абдулла из-за них, знаете...

– Не робей, Петруха, – осадил его Сухов; он вдруг остановился у ближайшего к морю двора.

Здесь под стеной сидели на завалинке трое высохших стариков в белых чалмах. Обесцвеченные годами глаза их бесстрастно смотрели на Сухова, и, если бы не четки, которые старики медленно перебирали, можно было подумать, что они вырезаны из серого, обожженного солнцем песчаника.

– Здорово, отцы! – поздоровался со стариками Сухов; его внимание привлек тлеющий ящик, на краешке которого сидел один из стариков, а на крышке рядом лежала трубка с длинным чубуком.

Старики молчали, мысленно подсчитывая свои грехи, готовясь к переходу в другой мир.

Сухов хотел было пойти дальше, но заметил вдруг на тлеющем ящике полустертую надпись «динамит». Он накло-

нился и легонько стукнул по ящику – тот не был пустым.

– Извини, отец, – сказал Сухов и, приподняв невесомого старика, пересадил его, затем отодрал тлеющую крышку – под ней были аккуратно уложены динамитные шашки. – Где взяли? – спросил он, оглядев стариков.

– Давно здесь сидим, – безразлично ответил самый старый.

Сухов вынул крайнюю шашку, швырнул ее в воздух и, выхватив револьвер, выстрелил – раздался оглушительный взрыв.

Старики остались сидеть все так же спокойно и невозмутимо, только взрывной волной с них разом сдуло чалмы, обнажив их голые, как коленки, заблестевшие на солнце головы.

– Петруха! Прихвати ящик. Пригодится, – приказал Сухов.

– Есть! – ответил парень и, подняв ящик, взвалил его на плечо.

– А барышням объясни, – продолжал Сухов, бросив взгляд на гарем, который снова сбился в кучу поодаль, что никакого Абдуллы не будет... Чтоб без паники... Ясно?

– Ясно! – повеселел Петруха, понимая, что теперь он неодинок.

Они тронулись дальше. Впереди шел Сухов, за ним ковылял Петруха, таща на плече тяжелый ящик с динамитом. Сухов еще не знал, где пригодится динамит, но в том, что он

пригодится, был уверен – оставшись здесь, он обрек себя на неминуемую и неравную схватку с Абдуллой.

Закутанные в чадры жены Абдуллы спешили за ними. Гюльчатая посматривала на Петруху, на его тощие ягодицы и улыбалась под паранджой. Стрекоза, сверкая крылышками, зависла в воздухе перед закрытым лицом Гюльчатой, мешая ей смотреть.

У музея Сухова ждал Саид. Хмурый и сосредоточенный, сидел он на коне с карабином наискось спины, с револьвером на поясе.

– Ты что? – спросил Сухов, уже зная наперед, что скажет Саид.

– У Абдуллы много людей, – проговорил Саид.

– Это точно.

– Уходи. Скоро он будет здесь.

– Теперь не могу. Видишь, как все обернулось... Оставайся ты тоже.

– Здесь нет Джевдета, – Саид тронул с места коня.

– Ну, тогда счастливо, – с сожалением сказал Сухов.

Саид, пустив коня шагом, медленно удалялся. Сухов долго смотрел ему вслед, понимая, что значит для него в этой ситуации такой воин, как Саид, но месть есть месть, и нет ничего важнее в жизни для кровника – эту истину Востока Сухов постиг давно.

Как бы чувствуя спиной его взгляд, Саид поспешил завер-

нуть за угол здания и пришпорил коня.

Сухов вздохнул, холод одиночества охватил его... но переживать было некогда. Надо было обустраивать жизнь вверенных ему женщин – размещать их на ночлег, готовить обед и так далее.

Тело Савелия доплыло до Астрахани; и тут его втянуло в рукав поймы, впадающей в Каспийское море.

В море его встретили мальки осетров, удивляясь громаде человеческой, а раки и прочая морская живность стали рвать его тело на кусочки, распыляя человека по всей акватории морской.

Багор, вертящийся некогда пропеллером на льдине у Нижнего Новгорода, тоже качался на волнах Каспия, постепенно распадаясь на волокна, но потом попал в мазутное пятно, пропитался мазутом, просолился и стал гнить медленнее.

Гулко звучали удары молотка.

Сухов стоял на легком инкрустированном слоновой костью столике и прибивал фанерную вывеску над дверью помещения, в котором разместился гарем.

Ему помогала, подавая гвозди, Гюльчатай.

На вывеске неровными буквами было написано: «Первое общежитие свободных женщин Востока. Посторонним вход воспрещен».

Лебедев придерживал покачивающийся под тяжестью красноармейца столик, объясняя Сухову в паузах между ударами молотка:

– Они же взяли самые ценные экспонаты!

– Какие еще экспонаты? Я же сказал барышням брать ковры похуже.

– Вот именно!.. Похуже – это же одиннадцатый век! Чем старее ковер, тем ценнее!

Сухов спрыгнул со столика, приземлившись мягко и бесшумно.

– Сейчас посмотрим, что они там взяли, – проворчал он.

Мимо прошел Петруха с большим медным кувшином в руках. К нему присоединилась закутанная в чадру Гюльчатай, чтобы помочь теперь и парню.

– Они вас за хозяина принимают, – хихикнув, сказал Сухову Петруха. – Как будто, значит, вы их муж.

Федор насупился и погрозил ему пальцем.

...Из каменного колодца наверх вела узкая лестница. По ней, набрав воду в кувшин, поднимались Петруха и Гюльчатай; парень обогнал девушку на две ступени и закрыл ей дорогу. Она испуганно остановилась.

– Открой личико, а?.. Покажись хоть на секунду. Ты не думай, я не какой-нибудь. Если чего, я по-серьезному... За муж возьму... Женюсь то есть. Мне ведь наплевать, что ты там чьей-то женой была. Ты мне характером подходишь. От-

кройся... покажи личико...

– А ты откуда приехал, Петруха? – на ломаном русском спросила Гюльчатая.

– Ты говоришь по-русски? – удивился парень.

– Да, плохо.

– Рязанский я. Слыхала про такой русский город Рязань?..

Отец с матерью у меня там... Открой личико, Гюльчатая.

Девушка засмеялась.

– Чего ты смеешься?

– Ты смешно говоришь – «Гюльчатая»... Как мой маленький братик, – ласково сказала она.

Петруха неловко наклонил кувшин, и вода пролилась на каменные ступени колодца; соскакивая со ступени на ступень, покатила вниз пепельными шариками, подвижными, как шарики ртути.

– Ой, как бусинки!.. У меня были такие, – обрадовалась Гюльчатая, указав на катящиеся шарики воды.

– Открой личико, Гюльчатая.

Она отрицательно качнула головой.

– У нас нельзя.

– Но я же сказал – не обману, я по-серьезному!.. – взмолился парень.

Петруха все больше нравился ей – рыжий, открытое, в веснушках лицо, голубые беззащитные глаза. Сердечко ее учащенно билось.

Абдуллу она боялась, хотя он был красив мужской красо-

той, уверенностью в себе, статью, силой, но его она так и не полюбила, даже когда Абдулла обнял ее в первый раз. К Петрухе же сразу прониклась доверием и симпатией.

– Гюльчатай, ну открой личико!.. – снова завел Петруха.

В проеме колодца показалась голова Сухова.

– Отставить! – прикрикнул он на парня. – Я тебе дам личико! К стенке поставлю за нарушение революционной дисциплины!

Гюльчатай выскочила из колодца, выхватила кувшин у растерянного Петрухи. Сухов остановил ее.

– Стой!.. Объяви барышням подъем!.. И вот что: с сегодняшнего дня назначаю тебя старшей по общежитию. Будешь отвечать за порядок. Вопросы есть?

Гюльчатай молча смотрела на Сухова.

– Вопросов нет, – ответил он за нее. – И быть не может!.. Ступай.

Девушка припустила по двору к помещению, над которым красовалась вывеска, и с порога ликующе закричала остальным женщинам:

– Господин назначил меня любимой женой!

Петруха, выйдя из колодца, принял стойку смиренно, начат оправдываться:

– Я же по-серьезному, товарищ Сухов... Я на ней жениться хочу... Личико бы только увидеть... А то вдруг крокодил какой-нибудь попадется. Потом казись всю жизнь.

– Давай, давай, таскай воду, – смягчаясь, сказал Сухов и

направился к общежитию.

Едва он вошел в дверь, как раздались крики, в него полетели подушки и утварь... Сухов, увертываясь, отбил рукой крышку кастрюли и в удивлении замер: жены Абдуллы все как одна задрали подола платьев, чтобы прикрыть ими свои лица. Сухов обалдело смотрел на оголенные животы и пупки, на длинные, до щиколоток, полупрозрачные шальвары.

Первой выглянула из-за своего подола Гюльчатай.

– Не бойтесь, – сказала она. – Это наш господин!

Женщины сразу же открыли свои лица, и Сухов увидел, какие они разные – и очень красивые, и не очень... Но все смотрели на него преданно и призывно. Он зажмурил на мгновение глаза...

И увидел плывущую по косогору Катю, увидел ее полные руки, спокойно лежащие на коромысле, в который раз увидел игру ослепительных бликов в наполненных до краев ведрах, которые она несла легко, играючи.

Голос Гюльчатай стер это видение:

– Господин, никто не должен видеть наши лица. Только ты... Ты ведь наш новый муж... Скажи своему человеку, чтобы он не входил сюда.

– Это какому же человеку? – спросил Сухов, понимая, что речь может идти только о Петрухе.

– Петрухе, – ласково сказала Гюльчатай.

Сухов походил по комнате, стараясь не глядеть на краса-

виц. Затем напустил на себя строгость и рубанул по воздуху рукой.

– Товарищи женщины! Революция освободила вас. Вы должны навсегда забыть свое проклятое прошлое как в семейной жизни, так и в труде. У вас нет теперь хозяина. И называйте меня просто – товарищ Сухов... Вы будете свободно трудиться, и у каждой будет собственный муж...

Сухов посмотрел на Гюльчатай, которая, как и все остальные, внимательно слушала его, сказал: – Переведи!

Гюльчатай повернулась к женщинам, «перевела»:

– Господин очень сердит на нас!.. Он сказал, что всех нас разгонит по отдельным мужьям и заставит работать.

Женщины испуганно уставились на Сухова.

– Переведи еще... – он поднял палец, обращаясь к Гюльчатай. – Сейчас вы пообедаете, потом отдохнете, а через два часа... – он взглянул на свои часы-будильник, – выходите строиться! Есть небольшая работенка...

Саид шагом ехал по пустыне, клоня голову от горьких дум; казалось, он дремлет. Нет – он тосковал по дому, по своим родным... Он думал о семейной усыпальнице, где осталась его сестра, лежащая на каменной плите.

После того как его откопал Сухов и они расстались, Саид заторопился к своему дому. Постоял, глядя на пепелище, прощаясь со всем, что было дорого ему... Потом поднял на руки своего убитого отца и отнес его в гробницу. Он опустил его в единственный пустой саркофаг, который стоял рядом с

могилой матери. Искендер задолго до смерти приготовил его для себя. Саид, заплакав, помолился над ним, а затем опустился на колени у изголовья сестры. Лицо ее было спокойно и свежо, как будто она уснула ненадолго и вот-вот проснется.

Саид простоял на коленях до утра, молился, просил прощения у отца и сестренки, сокрушаясь, что не смог защитить их...

...Сейчас, двигаясь на коне, Саид вновь увидел, как ушла банда Джевдета за горизонт, оставив его подыхать закопанным в горячий песок... Не будет прощения Джевдету! Саид отыщет его, чтобы исполнить свой долг.

Сухов, Петруха и все девять женщин гарема разом навалились на баркас, стоящий на берегу моря с подсунутыми под него валками.

– Раз, два... – командовал Сухов.

– Взяли! – подхватывал Петруха.

Баркас общими усилиями чуть сдвинулся в сторону воды, скрипя валками.

– Раз, два... Барышни! – напрягался Сухов, багровея.

– Взяли! – подхватывал Петруха, и с ним вместе женщины тоже кричали: – Взяли!

Баркас сдвинулся еще на вершок – Петруха и Сухов вытерли лбы; их спины были темными от пота.

– Товарищ Сухов, – крикнула Гюльчатай, – твои жены устали!.. Что кричать – «ешбаш» или «перекур»?

– Я же объяснял, – сказал Сухов, – «шабаш» кричат, когда конец работе, а «перекур» – если отдохнуть.

– Перекур! – звонко закричала Гюльчатай.

– Отдохни, – сказал ей Петруха. – Здорово устала?

– Я не устала. Петруха... рязанский, – улыбнулась девушка.

– Еще бы человек пять мужиков, – вздохнул Петруха.

– Десять лучше, – подхватил Сухов. – А еще лучше – пятьток лошадей!.. Ничего не поделаешь – придется покряхтеть. Спустим баркас – и в море... Там нас никто не достанет.

– Надорвутся с непривычки, – проговорил Петруха.

Женщины, воспользовавшись передышкой, сразу же присели в тени баркаса.

– Петруха все косился на Гюльчатай, которая глядела в морскую даль, подставляя лицо ветру с моря.

– Я посмотрю мотор, а ты пока сходи туда, – Сухов указал Петрухе в сторону дома, стоявшего на берегу в полуверсте от них.

Дом был белого цвета, окружен деревьями и глухим дувалом, тоже белым.

– Раньше это царская таможня была... Узнай, кто там сейчас. Вроде мелькнул кто-то, – добавил Сухов.

– Есть узнать, кто там сейчас! – бодро ответил Петруха и направился в сторону дома, закидывая винтовку за плечо.

Сухов полез на баркас, громко затопал там ботинками по дощатой палубе, потом раздался скрип отворяемой в рубку

двери.

Он проверил, как слушается штурвала перо руля, и спустился в машинное отделение, громыхая по железной лестнице, ведущей вниз.

Жилье, к которому приблизился Петруха, показалось ему необычным. В выжженном солнцем Педжете совсем не было зелени; здесь же из-за высокого дувала выглядывали густые деревья, свешиваясь ветвями наружу; в кронах, перекрикиваясь, порхали какие-то птицы, переливаясь сине-зелеными перламутровыми перьями.

Огромные ворота с массивными металлическими кольцами были на запоре, а на окнах и ставнях дома висели замки.

Петруха обошел дом-крепость со всех сторон, но нигде не нашел лазейки, чтобы пробраться хотя бы во двор. Тогда он, повесил на плечо винтовку, прыгнул с разбега, ухватился за верх дувала, подтягиваясь на руках...

Осторожно приоткрылась одна из ставен, и показались огромные усы и дуло револьвера.

Перекинув ногу через забор, Петруха спрыгнул в сад.

Что-то зашуршало, зашлепало, сбив фуражку с его головы – это пронесся над ним разноцветной радугой потревоженный павлин. Ярко оперенная птица опустилась на навес в глубине двора; там же Петруха увидел квадратный бассейн и, приблизившись, заметил в глубине зеленой воды плавающих осетров.

Парень вытер вспотевший лоб и разглядел у противоположного дувада барашков, пощипывающих травку.

Стараясь не шуметь, он поднялся по каменной лестнице, ведущей на террасу второго этажа. На двери висел амбарный замок.

И снова одна ставня, на этот раз из тех, что выходили во двор, чуть приоткрылась и показались те же усы и револьвер.

Петруха, решив, что в доме никого нет, хотел было выбраться со двора. Сделать это было нетрудно, так как лестница на террасу шла возле дувала; но только он повернулся, как сверху из окна раздался тихий голос:

– Стой. Руки вверх.

Петруха замер от неожиданности и автоматически поднял вверх руки. Кто-то схватил его за запястья и одним мощным рывком легко втянул вместе с винтовкой в окно.

Оказавшись в комнате, Петруха увидел перед собой огромного, тучнееющего уже, усатого мужчину в казацких шароварах и белой нательной рубашке. В полумраке – ставни повсюду были закрыты – разглядел на стене текинский ковер с саблями, гитару и несколько фотографий; под потолком – птицу в клетке, на окнах – занавески, цветы; на одном из подоконников – пулемет «максим», в углу иконостас, под которым находилась горка гранат и пулеметных лент, в другом углу комнаты стояла широкая кровать с цветастым лоскутным одеялом и горой подушек. Под кроватью он заметил еще один «максим».

– Ты в чей дом забрался?.. Отвечай! – негромко, но властно спросил хозяин, разглядывая оробевшего паренька.

– Не знаю, – искренне ответил Петруха.

На столе стоял самовар, труба которого выведена была в окно. Возле откупоренной бутылки – «четверти» и цветных пиал стояла деревянная миска с солеными огурцами, лежали полдины, кусок осетрового балыка и персики.

– Ты что, не слыхал про Верещагина? – удивленно спросил хозяин, внимательно посмотрев на Петруху, и, не дождавшись ответа, вздохнул. – Дожил!.. Было время, в этих краях каждая собака меня знала... Вот так держал! – Усач сжал свой огромный кулак. – А сейчас забыли... – Огорчившись, он налил себе в пиалу из бутылки, взглянул на Петруху и налил во вторую пиалу.

– Садись, пей, коли храбрый, – Верещагин показал на пиалу.

Петруха хлебнул и, выпучив глаза, сразу задохнулся, схватил огурец. Верещагин усмехнулся, затем залпом осушил свою пиалу, даже не поморщившись.

– Это же... спирт, – выровняв дыхание, сказал Петруха.

– Тебя кто прислал? – строго спросил Верещагин.

– Сухов.

– Врешь. Сухов давно убит.

– Как же!.. – хмыкнул Петруха. – Мы с ним Педжент только что освобождали, а вы говорите! – Он снова глотнул чуть-чуть и снова поперхнулся.

Верещагин с симпатией взглянул на парня: он ему все больше нравился... И вдруг – Петруха не понял почему – этот могучий человек загрузил, опечалился... Не мог знать Петруха, что Верещагин в этот момент вспомнил собственного сына, которого у него Бог забрал совсем маленьким...

В ту пору и сбежал с горя и тоски Павел Артемьевич Верещагин подальше от родных мест, пока не очутился, в конце концов, здесь, в этой таможне, на далеком берегу Каспия...

Саид, хотя и был поглощен думами о мести, все же сразу заметил трех всадников, показавшихся из-за бархана. Держа неизвестных в поле своего зрения, он продолжал ехать в прежнем направлении.

– Стой! – крикнул один из всадников. – Стой! Кому говорят!

Другой начал палить. В ту же секунду, как бы «упав» с седла и повиснув на стремянах, Саид дважды выстрелил из-под коня по нападавшим.

Двое убитых свалились с коней, третий ускакал, скрылся за кромкой бархана. Саид одним движением снова взлетел в седло, развернулся и поскакал следом. Когда конь вынес его на вершину бархана, он увидел надвигающийся на него отряд Абдуллы. Двое пулеметчиков держали Саида на прицеле, поэтому он опустил карабин.

Отряд Абдуллы насчитывал полсотни всадников и несколько груженых тюками верблюдов. В середине отряда,

окруженный нукерами, ехал сам Абдулла.

– Зачем ты убил моих людей, Саид? – спросил Абдулла, попыхивая сигарой. – Неужели мир перевернулся, и дружба наших отцов ничего не значит для их сыновей?.. Я послал людей сказать, чтобы ты не искал Джевдета в Сухом ручье. Его там нет. Он направился к колодцу Уч Кудук... – Абдулла говорил спокойно, легкая усмешка кривила его губы, но глаза смотрели печально. – Дорога легче, когда встретится добрый попутчик. Ты будешь моим гостем. – Он подал незаметный знак.

Четверо нукеров подскакали к Саиду и поехали рядом с ним, с двух сторон.

Отец Абдуллы, Исфандияр, дружил с отцом Саида, Искендером; встречаясь время от времени, мужчины проводили долгие часы, сражаясь в шахматы.

Когда Исфандияр умер, Искендер присутствовал на погребении своего друга и положил тому в могилу его любимые шахматы, вырезанные из кости.

– Теперь они мне ни к чему, – сказал тогда Искендер, опечаленный кончиной друга.

– А там они ему к чему? – недоумевал мулла, отпевающий покойника, и положил в могилу четки.

– Как? – удивился Искендер. – А разве «там» мало хороших шахматистов?.. Пусть с ними играет...

А через несколько дней, сильно тоскуя по своему умершему другу, Искендер достал деревянные старые, с обломанными фигурками, шахматы и, сев за столик, расставил их. Покрутив в кулаке пешки, он разыграл, какого цвета фигурами будет играть, и перевернул доску, поскольку ему достались черные. Он решил играть за себя и за своего умершего друга.

Только он занес руку над белыми фигурами, как перед ним на стуле, прозрачно колеблясь и переливаясь, возник дух или тень самого Исфандияра.

«Я сам пойду, – сказал Исфандияр. – И учти, ходов назад не брать!»

– Конечно, – обрадовался Искендер, хоть плохо, но все же как-то различая черты друга.

Они начали игру, склонившись над доской. «Боюсь я за сына, – пожаловался Исфандияр Искендеру, раздумывая над своим ходом. – Ох, боюсь...»

– А что случилось? – спросил Искендер, косясь на бледный силуэт призрака.

«Влюбился в русскую мой Абдулла... Даже гарем его не интересуется, понимаешь?»

– Это плохо, – ответил Искендер, еще не ведая, что его сын Сайд подружится с русским и будет питать к тому самые теплые чувства.

«Несколько дней назад ночевал у нас... Стонал во сне... Называл имя: Сашенька...»

– Красивое имя, – сказал Искендер, но спохватился: – Я

хотел сказать, плохо, что русская...

«Откуда ты знаешь? – взвился дух Исфандияра. – У тебя были русские женщины?»

– Нет, – признался Искендер. – Но счастливая любовь вообще бывает редко. – Он помолчал. – Ты знаешь, ты умней меня во всем, кроме шахмат... А как у вас там с этими делами? С любовью? – задал он свой главный вопрос, внимательно посмотрев на колеблющиеся очертания друга, сидящего напротив.

«Тут все по-другому, – односложно ответил Исфандияр. – Но если ты будешь подставлять мне ладью, я больше не приду с тобой играть», – и он щелчком сбил черную ладью с доски.

Сухов возился с мотором баркаса, вспоминая запах двигателя на буксире, где он когда-то помогал Прохору. Запах был тот же.

Позади раздался звук шагов. Сухов оглянулся и увидел маленькие ножки в шальварах, спускающиеся по трапу. Наконец показалась и вся фигура. Это была Гюльчатай.

– Тебе что? – спросил Сухов.

– Я пришел к тебе, господин.

– Гюльчатай! – укоризненно сказал Сухов.

– Ой, прости, господин!.. Я пришел к тебе, товарищ Сухов! – громко подчеркнула она последние два слова.

– Ну и зачем ты пришел?

– Я хочу для тебя работать.

Сухов улыбнулся.

– Ладно, – сказал он. – Держи. – Он подал Гюльчатой разводной ключ. – Будем чинить мотор.

– А что это «мотор»?

– Мотор... – Сухов почесал затылок. – Ну, как бы тебе объяснить? Мотор – это душа и сердце всякого движения машин... Понятно?

– Нет, – сказала Гюльчатой.

– Ладно, вот смотри: у тебя сердце работает – ты ходишь. У меня сердце работает – я хожу!.. У баркаса мотор работает – он тоже ходит... по морю.

Гюльчатой весело рассмеялась.

– Ты что заливаешься?

– Значит, мы будем чинить сердце?

– Точно. Держи вот так. – Сухов, взяв у нее разводной ключ, надел на ось. Сам стал снова разбирать мотор.

– Что это? – дотронулась пальчиком Гюльчатой до одной из частей.

– Клапан, – сказал Сухов.

– А это?

– Свеча.

– Клапан... Свеча... – повторила Гюльчатой. – Видишь, товарищ Сухов, сколько знаю. И еще гвозди, молоток...

Сухов откинулся, посмотрел на нее и вдруг сказал:

– А что? Выдам я тебя за Петруху! Законным браком, а?..

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Точно. Девка ты вроде деловая, он тоже парень не из осины.

– Но я твоя жена, товарищ Сухов, – возразила Гюльчатой. – Ты хочешь продать меня Петрухе?

– Я тебе дам продать! – рассердился Сухов. – Поженитесь и все, – он оглядел Гюльчатой. – Вот только одно... Была бы ты крещеная – тогда легче! Петруха мне говорил, что его родители очень религии привержены. Понимаешь?.. Оторвут ему голову из-за тебя.

– Ой, не надо голову! – испугалась Гюльчатой. – А что такое «крещеная»?

– Да вообще это просто: окунут тебя в церкви несколько раз в воду... слова скажут... и порядок – ты уже крещеная.

– У нас не надо в воду, – сказала Гюльчатой. – У нас только говорят... и тоже порядок, товарищ Сухов!

Он пожал плечами, улыбнулся.

– Ну что тебе сказать?.. У разных народов многое по-разному, но в общем-то это одно.

Гюльчатой задумалась.

– Слушай, ты теперь знаешь – молоток, принеси он на палубе валяется.

Гюльчатой ушла.

Сухов, посмотрев ей вслед, улыбнулся:

– А что?.. Хорошая парочка будет.

Собрав мотор, он вытер ветошью руки, пошлепал по кожуху двигателя.

Гюльчатай не возвращалась.

– Нашла? – крикнул Сухов. – Эй!

Девушка не ответила.

Он поднялся, вышел на палубу. Гюльчатай здесь не было.

– Гюльчатай, – позвал Сухов, – ты где?.. Гюльчатаа-ай!! –

закричал он, испугавшись.

– Я здесь, товарищ Сухов! – донеслось из моря. Сухов удивился, спустился с баркаса.

Неподалеку от берега, на мели, он увидел Гюльчатай, которая приседала, окунаясь с головой в воду.

Сухов стоял, ничего не понимая, смотрел на выходящую к нему из воды Гюльчатай – мокрые шальвары и кофточка прилипли к ее телу.

– Ты что? – удивился он.

– Теперь я, товарищ Сухов, «крещеная». Теперь Петрухе не оторвут голову, да?

– Не оторвут, – засмеялся Сухов, махнув рукой. – Теперь точно не оторвут.

Женщины в чадрах сидели в тени баркаса.

Петрухи не было видно. Тогда Сухов, подумав, сам отправился к бывшей таможне. «Барышням» наказал никуда не отлучаться.

Верещагин сидел рядом с Петрухой на полу своего дома-крепости и пел, подыгрывая себе на гитаре:

...Ваше благородие, госпожа удача,
для кого ты добрая, а кому иначе.
Девять граммов в сердце
постой – не зови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.
Ваше благородие, госпожа чужбина,
жарко обнимала ты, да только не любила...¹

Закосевший Петруха сидел с блаженным выражением на лице: песня ему нравилась, Верещагин тоже.

Сухов подошел к дому-крепости, прислушался к песне. Потом прилег на песочек, отыскал камешек и бросил в полуотворенное окно, откуда доносилась песня.

Камешек упал в пиалу со спиртом, которую Верещагин собирался поднести ко рту. Некоторое время он оторопело смотрел на камешек, затем двумя пальцами выловил его и опорожнил пиалу.

– Эй, хозяин, – позвал Сухов снаружи. – Прикурить найдется? – И стал свертывать сигарку.

Услышав голос своего командира, Петруха бросился к окну, но Верещагин, поймав его за гимнастерку, силой усадил на место.

– Ты что? – спросил он, вытирая полотенцем капли спирта, брызнувшие на шею и подбородок от упавшего в пиалу

---

¹ Стихи Булата Окуджавы

камешка.

– Это же... товарищ Сухов!.. – заплетающимся языком сказал Петруха. Он сильно захмелел.

– Сухов, говоришь? – усмехнулся Верещагин. – Сейчас посмотрим, какой это Сухов.

Верещагин поднялся из-за стола, шагнул к комоду, выдвинул ящик, достал оттуда динамитную шашку с коротким шнуром и двинулся к иконам. Перекрестившись, он поднес к огню лампы фитиль динамитной шашки – огонек, шурша, побежал по шнуру. Верещагин неторопливо подошел к окну.

Сухов продолжал лежать на песочке перед домом, держа в пальцах скрученную сигарку.

– На, прикури, – сказал ему появившийся в окне Верещагин и швырнул динамитную шашку вниз. – Прости меня, Господи, грешного... – пробормотал он.

Шашка упала рядом с Суховым – горящий шнур стремительно укорачивался. Сухов спокойно взял ее с песка, неторопливо прикурил от шнура и резко бросил шашку далеко назад – не долетев до земли, она взорвалась.

– Благодарствуйте, – не моргнув глазом, поблагодарил Сухов и глубоко затянулся. Хозяин дома пришелся ему по душе, как и красный командир Макхамов, выстреливший в него в упор, как и нервный Рахимов, подсунувший ему гарем из девяти женщин, как и все прочие хорошие люди, попадающиеся ему на жизненном пути.

Ставня захлопнулась от взрывной волны. Верещагин от-

ворил ее, с уважением взглянул на целого и невредимого Сухова, кинул ему связку ключей.

– Заходи, – коротко сказал он.

...Верещагина теперь мало что интересовало в жизни, поскольку империя рухнула и никто больше его службы не требовал. Он, русский солдат, продолжал охранять здесь свою державу по собственной инициативе. И все же сомнения в правильности своих поступков все чаще одолевали Верещагина, потому что военный человек всегда должен знать точно, кому он служит... Поэтому теперь он все чаще прибегал к единственному средству, которое могло хоть как-то облегчить тоску неопределенности.

– Садись, выпьем, – пригласил Верещагин Сухова к столу, окинув красноармейца цепким, оценивающим взглядом из-под тяжелых век, когда тот вошел в комнату, отперев внешний замок ключом из связки.

– Можно, – сразу согласился Сухов и, усаживаясь, бросил взгляд на фотографии на стене.

На одной из них Верещагин, молодцевато закрутив усы, сидел в мундире и орденах рядом с молодой женщиной в форме сестры милосердия, на другой – стоял над гробиком малыша, в печали склонившись к нему; молодая женщина тоже склонилась к малышу.

– Во дворе павлинов видел? – пьяно спросил Верещагин, проследив за взглядом Сухова.

– Видел.

– Вот на них и сменял мундир... – Верещагин налил в пиалы спирта, а Сухову, как уважаемому гостю, налил в стакан. – Петруха!

– Я... не пью, – заявил еле державшийся на ногах парень.

– Правильно, – одобрил Верещагин. – Я вот тоже это допью... – он, подержав в руке, поставил на стол «четверть», еще до половины наполненную спиртом. – И брошу.

Сухов аккуратно взял свой стакан, стараясь не пролить ни капли, не торопясь выпил и пальчиком вытер усы, не дрогнув ни единым мускулом лица. Это понравилось Верещагину.

– Больно мне твой Петруха по душе, – сказал он, в свою очередь опрокинув пиалу. – Выпьем еще... – И он сделал попытку наполнить стакан и пиалу вновь.

– погоди, – остановил его Сухов. – Мы к тебе по делу.

– Знаю, – кивнул Верещагин.

– Пулемет дашь?

– Абдуллу ждешь?

Сухов посмотрел на Петруху.

– Да, он сказал, – подтвердил Верещагин.

– Жду, – и Сухов, вытащив из кармана платок, шумно высморкался.

Верещагин понимающе покивал головой.

– Вот что, Сухов, – он помолчал, – была у меня таможня, были контрабандисты, были купцы, караванщики. Тут проходила главная дорога из Ирана на нашу территорию... – Он вздохнул. – Сейчас таможни нет, караванов нет... В общем,

у меня с Абдуллой мир. Мне все едино, что белые, что красные, что Абдулла, что ты... – Верещагин вновь вздохнул. – Вот если бы я с тобой пошел, тогда другое дело!

– Так в чем же дело? – спокойно проговорил Сухов. – Пошли.

– Пшли, – подхватил пьяный Петруха, качнувшись и удерживая свою винтовку, которую все время не выпускал из объятий.

Верещагин, окинув гостей взглядом, медленно поднялся из-за стола, глаза его потемнели, он сжал свои огромные кулаки.

– Пошли, ребята, – осипшим голосом сказал он.

– Здравствуйте, – вежливо произнес Сухов, глядя мимо Верещагина в сторону двери.

В дверях стояла женщина, та, что сидела рядом с Верещагиным на фотографии. Она удивленно смотрела на непрощенных гостей, на бутыль со спиртом.

Верещагин обернулся, увидел женщину. Она же, кивнув на приветствие Сухова, вышла в другую комнату.

– Ребята, я сейчас... – пробормотал Верещагин и пошел за ней.

Петруха двинулся было с места, намереваясь идти вслед за Верещагиным.

– Назад, – коротко приказал Сухов.

Петруха, вновь качнувшись, замер на месте. ... Женщина в другой комнате плакала, прислонившись к дубовому комо-

ду, отворачиваясь от Верещагина.

– Ты что говорил? – укоряла она сквозь слезы мужа. – Какие клятвы давал?.. Сдурел на старости лет...

– Настасья, – просительно сказал он, одновременно стараясь придать лицу грозное выражение, чтобы видом повлиять на жену.

Но на нее его «грозный» вид не произвел впечатления.

– Мало тебе, что ты молодость мою сгубил, – продолжала Настя. – А сейчас и вовсе вдовой оставить хочешь?!

– Настасья! – повторил Верещагин и, нагнувшись, поднял установленный на подоконнике ручной пулемет.

При этом он даже изменился-внешне – как-то весь подобрался, выпрямился...

– Ой, Паша! Пашенька! Прости, прости, Христом Богом прошу, прости!.. – Жена бросилась к нему, ухватила за приклад пулемета. – Не ходи с ними! Погубят ни за грош!..

Сухов и Петруха, продолжая оставаться на своих местах, невольно слышали весь этот разговор.

– Пожалей хоть меня! – взмолилась Настасья.

Верещагин взглянул на нее и вдруг увидел лучистые глаза той девочки-медсестры, которая выхаживала его в лазарете. Не выпуская пулемета из рук, он вернулся к «гостям».

– Вот что, ребята, – проговорил он, пряча глаза. – Пулемета я вам не дам.

Сухов тотчас поднялся со стула.

– Павлины, говоришь? – сказал он с иронией, но, спохва-

тившись, вздохнул – он ведь слышал просьбу женщины. – Ладно!.. Пошли, Петруха!

Они прошли мимо Верещагина, опустившего глаза долу и все еще державшего пулемет в руках, прикрыли за собой дверь.

Верещагин, когда гости ушли, взорвался:

– Вечно ты мне поперек становишься! Мундир мой на этих петухов сменяла!.. На черта мне эти разноцветные индюшки?!

– Христос с тобой, Паша! – горько заговорила Настя. – Не гневи Бога! Он все видит... Ведь никого у меня нет, кроме тебя!.. Подумай, что со мной будет...

С грохотом швырнув пулемет на пол, Верещагин схватил пиалу и залпом осушил ее. Настасья, плача, повисла на его руке.

Сухов с Петрухой вышли за ворота дома-крепости.

– Ч-черт, – выругался Сухов. – Не везет мне в последнее время! Кручусь в этой пустыне. То в одну историю влипну, то в другую... – Он помолчал. – Да, вместе с Верещагиным намного было бы проще – такой целого взвода, а то и роты стоит! – повторил он фразу Рахимова, сказанную про него самого.

Внезапно Сухов остановился.

От поселка, увязая в песке и спотыкаясь, бежали закутанные в чадры женщины, все девять. Они плакали и причитали. За ними следом, ругаясь и бросая в них камни, трусили

поселковые старики.

– Стой! – закричал Сухов и побежал наперерез. Женщины, увидев Сухова и Петруху, повернули к ним. Старики остановились поодаль.

– Товарищ Сухов! – задыхаясь, подбежала первой Гюльчатай. – Старики нас выгоняют... Говорят, придет Абдулла, из-за нас всех убьет!

Остальные женщины дружно завыли.

– Тихо, товарищи женщины! – Сухов поднял руку. – Не плачьте! Никакого Абдуллы не будет! Мы вас в обиду не дадим!

Он подошел к старикам.

– Что же вы, отцы, женщин обижаете? Нехорошо.

Старики разом начали плевать в сторону гарема, загалдели. Один, самый старей, заговорил на ломаном русском:

– Начальник, ты Абдуллу не знаешь!.. Таких, как ты, он много здесь резал... Теперь его женщины здесь – нас всех убьет!

– Не убьет, – спокойно ответил Сухов. – А женщин прошу не обижать. Это первые свободные женщины Востока. Ясно! Разойдись! – негромко скомандовал он.

Старики послушно повернулись и понуро поплелись назад.

Отряд Абдуллы двигался по пескам к Педженту, оставляя за собой желтую, клубящуюся завесу пыли. Абдулла гово-

рил, обращаясь к Саиду:

– Мой долг – взять свой гарем. Твой – отомстить Джевдету. Другого не существует, хотя все для нас перевернулось в этом мире... Мой отец перед смертью попросил положить в могилу четки. Наивный человек. Я завидую ему.

– Мой отец ничего не сказал перед смертью, – мрачно произнес Саид. – Джевдет убил его в спину, когда он месил глину во дворе.

– Твой отец был мудрый человек, – помолчав, продолжил Абдулла. – Но кто на этой земле знает, что есть добро и зло?.. Кинжал хорош для того, у кого он есть, и плохо тому, у кого его не окажется в нужное время.

Нукеры Абдуллы, как по команде, отобрали у Саида кинжал, подаренный ему Суховым, и сняли со спины карабин.

Абдулла в это время делал вид, что смотрит в сторону, раскуривая сигару.

Сухов и Петруха осматривали поселок, прикидывая возможности его обороны. Женщины хоть и успокоились, но следовали за ними повсюду, как привязанные.

– С ними нам баркас на воду не спустить, – задумчиво сказал Сухов Петрухе. – Надо что-нибудь другое придумать. – Мысль о ящике с динамитом мелькнула в его сознании. Он посмотрел на баркас и злорадно усмехнулся. – Правильно. Они сами спустят его на воду!

– Кто? – не понял Петруха.

– Скоро поймешь...

Через некоторое время Сухов и Петруха подтащили к баркасу ящик с динамитом, конфискованный у педжентских стариков.

Спустившись в трюм, Сухов прошел к движку, достал кусок бикфордова шнура, присоединил его к выхлопной трубе.

– Считай, – велел он Петрухе и запустил движок баркаса, застучавший громко и наполнивший трюм смрадным, но таким приятным для Сухова запахом горючего.

Шнур от горячего патрубка загорелся, зашипел – Петруха начал считать вслух:

– Один, два, три, четыре... – Он досчитал до сорока двух, пока шнур не сгорел до конца.

Отрезав новый кусок шнура, точно такой же подлине, Сухов повторил эту операцию – шнур сгорел также на счете «сорок два». Убедившись в надежности своего замысла, Федор вытащил из ящика несколько динамитных шашек, затем один конец шнура присоединил к выхлопной трубе, другой – к ящику с динамитом.

– Спрячь получше ящик и шнур, чтоб не было видно, – распорядился он. – И прибережи здесь все.

– Теперь пускай плывут себе, – потер руки Петруха. – За кордон собрались! Заведут движок и – через сорок два... как-ак!..

– Это точно, – подтвердил Сухов и полез по трапу на палубу.

Ночь спустилась на Педжент. Четыре огромных факела пылали вокруг педжентского дворца – это Сухов установил на углах площади металлические бочки с керосином и поджег их. Отблески света трепетали, неровно освещая ночные улочки, дома, сверкали в стеклах окошек.

Сухов с крыши музея наблюдал за ночным городком, он был готов к встрече с противником. Особо тщательно он наблюдал за главной улочкой, ведущей от пустыни к городу.

... За дверью с надписью «Общежитие свободных женщин Востока» слышались ритмичные звуки бубна с позваниванием колокольчиков. Окна были глухо занавешены, горела лампа. Женщины сдвинули все койки вместе, раскидали подушки, как хотели, чтобы сидеть на них. Все они были в легких прозрачных шальварах и в коротеньких кофточках. Между шальварами и кофтами оставалась полоска голого живота. Они были нарумянены, насурьмлены, глаза их сверкали.

Одна из красоток играла на маленьком бубне, другая – танцевала на свободном пространстве пола. Женщины лениво меняли позы, но улыбок, смеха не было. Если не считать звуков бубна, стояла полная тишина...

Танцующая красотка вдруг пошатнулась, прижала ладонь ко лбу и, прикрыв глаза, в бессилии опустилась на пол.

– О Аллах! – простонала она. – Умираю, есть хочу!

Все женщины, как по команде, обернулись к Гюльчатаяй.

– Наш муж забыл нас, еще не узнав... Это его дело, но почему он не дает нам мяса?.. – протянув к Гюльчатай руки, сердито спросила Зарина.

– Когда я была любимой женой Абдуллы, мы каждый день ели мясо! – с презрением глядя на Гюльчатай, сказала Джамиля.

– И даже орехи!..

– И рахат-лукум!..

Они закричали все разом, в упор глядя на Гюльчатай. Гюльчатай сидела, опустив глаза, чувствуя свое полное ничтожество.

– Может быть, она его плохо ласкает?..

– Или ему не нравится, как она одета?..

Гюльчатай подняла глаза, полные слез.

– Мы сами должны ее приготовить!..

– Хозяин больше меня не хочет, – всхлипнула Гюльчатай. – Он решил отдать меня Петрухе...

– Петрухе? – переспросила Лейла. – Это меняет дело. Тогда пусть он назначает новую любимую жену.

– Погоди, – вмешалась Зухра. – Петруха прислал ему калым?

– Не-ет, – жалобно протянула Гюльчатай.

– Тогда не считается. Ты еще остаешься любимой женой.

Женщины окружили Гюльчатай, развязали свои узелки и стали наряжать ее, отдавали свои лучшие одежды, серьги, браслеты, кольца, покрасили по-своему ей глаза, брови...

Разодетая, вся в драгоценностях, Гюльчатой стояла, сияя невозможной красотой, как и полагалось любимой жене хозяина гарема.

– Теперь иди, – сказала бывшая любимая жена Абдуллы. – И не забудь: у нас должно быть завтра мясо!

Отряд Абдуллы расположился на ночлег в балке, у колодца – костров не зажигали, выставили часовых, улеглись прямо на песок, в одеждах.

Абдулла не мог спать; он не спал с тех пор, как похоронил Сашеньку. Он уселся на вершине бархана, скрестив ноги под собой и закрыв глаза. Вновь, в который раз, он представил лицо любимой женщины, ее взгляд, ее улыбку.

Саид тоже не спал, полулежа на песке, в окружении нукеров. Он думал об оставшемся в Педженте Сухове, о смертельной опасности, которая грозит этому русскому, когда Абдулла нагрянет в городок.

Сухов спас ему жизнь, и Саид был готов отдать ему свою. Но тогда оставался не отмщенным Джевдет, и эта мучительная раздвоенность не давала Саиду покоя.

В серьгах, кольцах, браслетах, разодетая и ярко накрашенная, шла Гюльчатой по галерее музея... Проходя мимо Петрухи, спавшего на топчане у входа в обнимку со своей винтовкой, Гюльчатой прикрыла лицо и постояла некоторое время над ним, потом исчезла в темноте.

Сухов продолжал с крыши наблюдать за ночным городом.

Бочки с керосином по-прежнему освещали улочки и дома.

Послышались легкие шаги – Сухов, оглянувшись, насто-
рожился. Рука его легла на кобуру.

В люке чердака появилась Гюльчатая, она откинула чадру
и ждала, когда Сухов заговорит с ней.

– Ты зачем пришла? – поинтересовался он, убирая руку
с кобуры.

– Я пришла к тебе, господин, – ответила Гюльчатая и,
улыбнувшись, приблизилась к Сухову. Лицо ее освещалось
сплохами пламени.

– Ты чего это так расфуфырилась? – спросил он строго.

Призывно улыбаясь, Гюльчатая шла к нему, кокетливо
пританцовывая.

– Ты чего? – спросил Сухов. – Чего ты?! – прикрикнул он.

Гюльчатая вплотную придвинулась к нему.

– Ты это оставь! – сказал он, оробев: совсем близко увидел
ее глаза, губы, сделал шаг назад. – Брось, говорю!

Гюльчатая вновь придвинулась вплотную, спина Сухова
уперлась в балку.

– Ты что, спятила? – прошептал он.

Гюльчатая, встав на цыпочки, крепко обняла его и влени-
ла ему в губы поцелуй, потом еще и еще... Затем она опу-
стила руки и застыла перед ним, глядя в пол. Сухов сел на
ящик, обхватив голову руками.

– Теперь все... – тихо сказал он и тут же заорал: – Ты что
наделала?! – Гюльчатая подняла на него глаза. – Теперь меня

надо к стенке!

– Что это «к стенке»? – спросила она.

– Расстрелять, вот что! – крикнул Сухов.

– И я с тобой к стенке, – сказала Гюльчатая. – А как они узнают?

– Что узнают? – застонал он.

– Что я тебя целовала. Разве ты им сам скажешь?

– Нет, – ответил Сухов.

– И я – нет! – Гюльчатая засмеялась.

Он покачал головой.

– А ты вроде ничего девка!.. Ты знаешь, кто ты?

– Да. Я твоя коза.

– Что?!

– Ты сам сказал – мы все твои козы.

Сухов рассмеялся.

Девушка ласково дотронулась до его плеча.

– Господин...

– Опять! – прикрикнул Сухов.

– Ой!.. Товарищ Сухов, это плохо – таранька, таранька!..

Дай твоим женам мясо.

– Что? – удивился он.

– Дай самую плохую барашку... Гюльчатая будет тебя любить.

Сухов качнул головой, усмехнувшись.

– Хм... «барашку»... А где его взять? Каши и той нет, а ты мясо просишь. Одна таранька осталась.

Гюльчатай, продолжая ласково глядеть на Сухова, села ему на колени.

– Опять?.. Ты это оставь, – вновь растерявшись, он попытался отодвинуть ее от себя. – Мы же договорились насчет Петрухи, ну?

– Петруха? – широко улыбнулась Гюльчатай, продолжая сидеть на коленях у Сухова, и быстро погасила улыбку. – Я твоя жена. Разве не правда?

– Моя жена... дома, – с тоской в голосе проговорил Сухов.

– Разве ты не можешь сказать, что Гюльчатай твоя любимая жена?.. Разве она обидится?..

– Что, что?.. – спросил Сухов и, покрутив головой, громко хмыкнул. – Ха! Обидится! – Ему на секунду представилось, что с ним сделает Катя, когда он ей объявит, что с ними поселится еще одна его жена... Снова покачав головой, он начал втолковывать Гюльчатай: – Нам полагается только одна жена... Понятно?.. Одна! На всю жизнь. Бог так велел... Какая бы она ни была – плохая или хорошая. Одна. Понятно?

Гюльчатай удивилась.

– Как же так – одна жена любит, одна жена пищу варит, одна – одежду шьет, одна – детей кормит... И все одна?

– Ничего не попишешь...

– Тяжело! – с истинным участием сказала Гюльчатай.

– Конечно, тяжело, – согласился Сухов.

Она снова попыталась прижаться к нему.

Сухов спихнул красавицу со своих колен, строго сказал:

– Хватит, ступай!.. Спокойной ночи. Завтра поговорим...

Гюльчатай с обидой отвергнутой женщины взглянула на него:

– Тебе не нравится твоя коза, господин?.. Зачем же ты назначил меня любимой женой?

– Тебе сколько раз объяснять?! – закричал Сухов.

Поняв, что ее миссия окончательно провалилась, Гюльчатай покорно направилась к люку, со страхом ожидая встречи с остальными женами.

Сухов вздохнул, провожая взглядом фигурку юной женщины. Что там говорить – нравилась ему Гюльчатай, очень даже нравилась. Ее свежий поцелуй чуть не сразил его наповал. Да и обстановка была подходящая: тишина, теплая летняя ночь... Но Федор, который только что обрел надежду на встречу со своей любимой супругой, строго приказал себе – ни-ни!

Он поднялся со своего ящика, потянулся, шагнул к широкому парапету, окаймляющему крышу. На парапете по всему периметру дворца были расставлены изящные лепные башенки-беседки. Сухов уселся на парапет на самом краю крыши, протиснулся спиной между резными колонками и откинулся головой на острые завитки лепнины, чтобы не уснуть. Отсюда хорошо просматривались все улочки Педжента, освещенные пылающим в бочках керосином.

Сморенный усталостью от тяжких хлопот этого бесконечного дня, от предыдущей бессонной ночи в пустыне, в те-

чение которой он охранял покой навязанных ему женщин, Сухов на минутку прикрыл глаза, и ему тут же приснился необыкновенный сон:

...Очутился он будто бы в родных краях, на зеленой лужайке вместе со всеми своими многочисленными женами, общим числом в десять персон – весь гарем и Катя. Жены, как полагается, одеты в нарядные платья, на головах – венки из полевых цветов, и все делом заняты: кто шьет, кто прядет, кто самовар раздувает... Посреди же всех их, окруженный вниманием и лаской, восседает он сам, Федор Сухов, в красной чалме и, обняв свою действительно любимую жену Катерину Матвеевну, чай пьет из пиалы...

... Сухов открыл глаза, улыбнулся сну, посмотрел вниз на город, затем поднял глаза к небу, обвел взглядом россыпь ярких звезд... Так он и лежал в ничем не нарушаемой обморочной тишине ночного городка, борясь со сном, поглядывая то вниз, на площадь перед дворцом и на узкие улочки меж глухих дувалов, то вверх на небо. Известно, что для находящегося на посту часового ночь длится бесконечно долго. Сухов, в эту тревожную для него ночь, поглядывал вверх не для того, чтобы любоваться звездным небом, хотя над пустыней оно сказочно красиво, а для того, чтобы по движению светил определять время. Иногда он, для порядка и самоудовлетворения, бросал взгляд и на свои неидушие часы. Вспомнил, как они достались ему...

...Однажды он узнал, что известный курбаши Аслан-бай перекрыл своей плотиной воду, оставив без орошения поля дехкан. Под ударами ветров степная земля исходила пылью, ничего не рожая. Возмущенный такой несправедливостью, Сухов решил проявить инициативу и плотину Аслан-бая взорвать.

Товарищи по отряду отговаривали его: мол, охрана у Аслан-бая очень надежная, и вообще он вроде собирается заключить мир с советской властью.

– Какой может быть мир с бандитом, который отнял у людей воду! – заявил Сухов и, обвесившись динамитными шашками, отправился к плотине.

Дождавшись темноты, он напялил на голову половинку выеденного арбуза с просверленными дырочками, – прием, проверенный им в молодости, – и поплыл незамеченным к главной опоре плотины. Обогнул ее и сумел прямо под ногами у охранников-нукеров приладить связку шашек к деревянной опоре, которая поддерживала огромный щит водослива.

Заметили его поздно, когда он уже почти добрался до берега. Нукеры открыли пальбу, а один из них замахнулся, чтоб бросить гранату. На этом замахе Сухов выстрелом свалил его – граната разорвалась в руке нукера, разметав и других охранников, находящихся вблизи. Вторым выстрелом Сухов всадил пулю в связку динамита. Раздался чудовищной силы взрыв, похоронивший вместе с обломками плоти-

ны всех охранников в ревущем потоке освобожденной воды...

Сухов и сам толком не помнил, как он, оглушенный и отброшенный взрывной волной, сумел выбраться на берег и скрыться в темноте.

Когда он вернулся в отряд, весь оборванный, опаленный, в ссадинах и кровоподтеках, его немедленно затребовал к себе командир Кавун. Знаменитый красный комбриг без лишних разговоров, в назидание другим бойцам, вклеил герою пять суток строгого ареста за самовольные, без приказа, действия. Сухов тут же, как и положено арестанту, без пояса и головного убора (дабы не позорить звездочку на кепаре) был отведен под винтовкой на гарнизонную гауптвахту, которая была оборудована в одном из стойл глинобитной конюшни.

Он от звонка до звонка отбыл свой срок в застланном свежей соломой стойле под сочувственное ржанье гарнизонных коней.

На строгой «губе» и рацион был строгий – только хлеб и вода, а прилечь до отбоя не разрешалось ни на минуту. Этот порядок должны были неукоснительно блюсти караульные, но часовые из местных красноармейцев узбеки, туркмены, киргизы – очень зауважали Сухова за взрыв плотины ненавистного Аслан-бая.

Между собой они стали почтительно называть Сухова «шайтан», что в переводе значило «черт», и целыми днями носили ему разные угощения: кто – курево, кто – горсть урю-

ка, кто – чурек с овечьим сыром. Кроме того, они натаскали в стойло целую копну свежей соломы и разрешили арестанту валяться на ней, сколько он захочет. Таким образом, Сухов за пять суток отдохнул и отоспался «за всю войну» и даже малость поправился, убедившись на деле в справедливости старой истины – «не имей сто рублей, а имей сто друзей».

После отсидки Сухова на «губе» комбриг Кавун снова вызвал его к себе. Мудрый командир, опять же в назидание остальным, решил отметить и другую сторону самовольного поступка красноармейца. За умение и находчивость при проведении смертельно рискованной операции и за то, что Сухов при этом сумел остаться в живых, знаменитый командир бригады наградил его перед строем именным револьвером и наручными часами.

На револьвере было написано «Красноармейцу Сухову. Комбриг М. Н. Кавун». На часах не было никакой надписи. Они были величиной почти с будильник, сверкали как новенькие, но, к сожалению, не работали. Все же Сухов обрадовался этим часам больше, нежели револьверу, поскольку оружия в своей военной жизни он перевидал немало, а наручные часы увидел впервые. Карманные – встречались, а вот наручные, да еще такие выдающиеся – никогда. Жаль было, конечно, что они не ходили, но Сухов особо не расстраивался: он надеялся по возвращении в Нижний сразу починить их и уж тогда щеголять при таких часах всем на зависть и удивление...

...Лежа на крыше, Сухов в очередной раз посмотрел на свои часы и подумал, что именно это их свойство – вызывать зависть и удивление – так удачно было использовано им вчера на морском берегу. Таким образом, получалось, что часы спасли ему жизнь.

Вспомнив о Нижнем, он тут же стал думать о встрече с Катей...

Внезапно истошный вопль, писклявый и крайне неприятный на слух, прорезал ночную тишину. Сухов даже вздрогнул и покачал головой. За этим воплем прозвучал другой – это проснулись павлины во дворе верещагинского дома. Им тотчас же ответили петухи в разных концах города.

Тонкая полоска синевы появилась на востоке. Она начала расширяться, светлеть... Быстро отступила тьма, и вот уже алые краски восхода заиграли в полнеба. Бочки с горящим керосином больше ничего не освещали, только высокие столбы чада поднимались над ними. Тревожная ночь кончилась, и наступил новый день.

Сухов спустил ноги с парапета, потянулся, разминая задубевшее на каменном ложе тело.

В люке появилась взлохмаченная голова Петрухи. Он выбрался на крышу со своей неизменной винтовкой в руках.

– Все нормально, товарищ Сухов! – весело проговорил он. – Скоро Рахимов прибудет!

– Рахимов, говоришь?.. Это хорошо бы – Рахимов, – вздохнул Сухов. – А вот если другие гости нагрянут...

Тут снова раздался павлиний вопль. Петруха посмотрел в сторону таможи.

– Отчего бы это, товарищ Сухов, – спросил он, – такой красивый хвост и такой противный голос?

– Для равновесия, – ответил Сухов. – Павлину хвост, соловью – голос.

– Это точно! – копируя Сухова, обрадовано подтвердил Петруха. – У соловья оперение... ну, совсем никудышное!.. Мы их у нас в Рязани каждую весну ловили. Когда он поет – его рукой брать можно!..

– Можно, – кивнул Сухов. – Но вообще-то, – он повел головой в сторону верещагинского дома, – это не павлин, а его подружка орала, так что хвост здесь ни при чем.

– Товарищ Сухов, я пойду... погляжу там, что к чему, – проямлил Петруха, отводя взгляд.

Сухов внимательно посмотрел на него и погрозил кулаком.

– Я тебе покажу «что к чему»!

– Товарищ Сухов, я же вам начистоту... – заныл Петруха.

– Ладно, ладно, – вдруг мягко улыбнулся Федор, подумав о том, как сам был влюблен. – Ты лучше воды набери – барышням кашу варить. А то помрет с голоду твоя зазноба.

– Есть набрать воды, – заулыбался Петруха.

– А за ворота не шастай – мало ли что...

Парень скрылся в люке. Разговаривая с ним, Сухов не забывал поглядывать вниз, на город, но пока все было тихо.

Он снова забрался на парапет, откинулся спиной на резную колонку.

Утро было прекрасным, жара еще не начинала донимать. Сухову очень хотелось разделить оптимизм Петрухи по поводу скорого прибытия Рахимова, но он давно привык на войне готовиться только к худшему, и это всегда спасало его.

После двух бессонных ночей спать хотелось нестерпимо. Сухов пожалел, что его покинул Саид. Тот мог бы его подменить, дать отдохнуть. Неопытному же Петрухе он не мог доверить свой пост.

Отряд Абдуллы появился на берегу моря. Когда первые из всадников приблизились к баркасу, раздались крики Семена:

– Гляньте... Ибрагим!.. Его папаха! – Склонившись с коня и подхватив на ходу меховую папаху, он подскакал к Абдулле.

– Бедный Ибрагим, – сказал Абдулла и повернулся к Саиду. – Пока я их не возьму, ты останешься здесь. – И, прищипорив коня, он направился к Педженту. Часть джигитов последовала за ним.

Саид, глядя Абдулле вслед, жалел сейчас только о том, что у него нет оружия и он не может выстрелом предупредить друга.

Четверка нукеров, охраняющих Саида, еще плотнее окружила его.

Сухов все же слегка задремал на крыше. Снова над ним запорхали сладкие сны, но привычное напряжение солдата, не отпускавшее его во сне, успело вовремя дать сигнал: что-то не так. Сухов открыл глаза – нукеры Абдуллы бесшумно окружали крепость. Чтобы понять это, Сухову не нужно было многого. Опытному глаза хватило еле заметного движения в тени глинобитного строения да фигурки, метнувшейся через узкую улицу. Сухов мгновенно пришел в себя и даже испытал облегчение: кончилось мучительное ожидание, наступила пора действий.

Он тихо спрыгнул с балюстрады на крышу и в следующую секунду увидел, как со стороны берега на узкую улочку, ведущую к дворцу, выносятся группа всадников. Они все видны были, как на ладони. Конечно же, установи Сухов здесь, на крыше, пулемет, он мог бы из такой выгодной позиции сразу срезать с десятков всадников, но это значило бы обнаружить себя и принять открытый бой. Выиграть такой бой, сражаясь с целым отрядом опытных головорезов Абдуллы, было делом маловероятным. Сухов же за ночь продумал разные варианты своих действий.

Петруха спустился во двор с большим медным кувшином и набрал в него из колодца воды. Затем он поднялся к дверям «женского общежития», где был у него ночью пост, постоял, послушал... Женщины, к его огорчению, еще не проснулись. Он снова спустился вниз во двор и вышел за ворота, нару-

шив тем самым запрет Сухова. Не успев сделать и двух десятков шагов, он увидел отряд всадников, мчавшихся в атаку на дворец...

Почувствовав внезапный холодок в животе, Петруха заметался, выбирая позицию, плюхнулся в полузасыпанную траншею и торопливо начал пристраивать винтовку на отвале. Кони, идущие во весь мах, уже выносили всадников на площадь перед воротами. Они летели прямо на него. С трудом пересилив желание зажмуриться, Петруха поймал в прицел первого всадника и спустил курок. Сухо клацнуло железо о железо. Осечка. Петруха уронил голову на землю, ожидая удара сверху. Но только песок и камешки от пронесшихся над ним копыт хлестнули по рукам, закрывшим голову. Всадники пронеслись мимо, то ли не заметив Петруху, то ли решив не тратить драгоценные секунды на столь ничтожного противника.

Абдулла осадил коня у ворот, спрыгнул с него и, размашисто шагая, подошел к дверям дворца-музея.

На нем были штаны из замши, мощный торс облегал новенький английский френч, на голове – красиво уложенная чалма.

Стремительно поднявшись по лестнице, он задержался у вывески «Общежитие первых свободных женщин Востока», прочитал ее и ногой распахнул дверь в помещение. Сопровождавшим его нукерам приказал остаться за дверью, закрыл ее за собой.

... Жены его, сбившись в кучу, с мольбой смотрели на своего мужа и господина.

Абдулла глянул на кровати, к которым были прикреплены таблички с именами каждой его жены – на русском и персидском языках (эти надписи делал Лебедев, за что Сухов обещал ему в будущем дополнительный паек) – и потемнел от гнева.

– Станьте каждая у своей кровати, – приказал он.

Женщины подчинились.

– Джамиля, разве тебе плохо жилось у меня?.. Почему ты опозорила мое имя? – спросил Абдулла; в мрачном голосе его проскользнули грустные нотки. – Разве я не любил тебя?.. А ты, Лейла?.. Обидел ли я тебя хоть раз?.. Почему ты не умерла, когда тебе предложили стать бесчестной?.. Разве ты не клялась мне в том, что всегда будешь мне верной женой?.. А ты, Гюльчатай?.. Помнишь тот день, когда мы впервые встретились с тобой?.. Почему вы встали на путь бесчестья? Почему обеславили мое имя и покрыли его позором?

– Мы были верны тебе, господин, – тихо сказала Джамиля.

– А кто поверит этому?! Ведь вы побывали в руках неверных!.. Да простит меня Аллах, но нет вам прощения. Пришел ваш час!

Произнося слова осуждения, Абдулла не испытывал к своим женам ничего, кроме равнодушия. Горькая тоска по единственной любимой им женщине не оставляла его.

Он спустил предохранитель своего маузера...

Сзади донесся легкий шорох – обернувшись, Абдулла увидел в узком окне Сухова; тот сидел на подоконнике, позади него на веревке висел пулемет, в руке он держал револьвер.

– Руки вверх. И лицом к стене, – негромко приказал Сухов.

Абдулла медленно поднял руки.

– Брось оружие. Если что – стреляю, – ласково добавил Сухов.

Абдулла нехотя раскрыл пальцы, сжимавшие рукоятку тяжелого пистолета, и маузер с глухим стуком упал к его ногам.

– И кинжал...

Сняв с пояса кинжал, Абдулла бросил и его на пол.

– И пять шагов вперед, – с улыбкой закончил Сухов.

Абдулла сделал пять шагов, не отрывая косога взгляда от Сухова, готовый в любую минуту перехватить инициативу, но красноармеец был опытен в каждом своем движении – это Абдулла определил сразу. Вместе с тем он, как и Сухов при его пленении на берегу, с некоторым облегчением подумал о том, что если его не застрелили сразу – значит, он зачем-то нужен, и теперь у него есть время, а следовательно, и возможность изменить ситуацию в свою пользу. С этой минуты Абдулла стал напряженно ждать подходящего момента.

Сухов спрыгнул с подоконника, таща за собой пулемет, ногой отбросил подальше кинжал, маузер взял себе.

– А теперь вели своим нукерам убираться отсюда.

Абдулла покосился на него, сверкнув глазами.

– Чуть что – я не промахнусь... – Сухов спрятался за высоченную спинку музейной кровати, которую приволок и собрал для Гюльчатай Петруха. Оттуда удобно было держать Абдуллу на мушке. – Абдулла, руки-то опусти, – посоветовал он ласково.

Абдулла опустил руки, гневно закричал:

– Махмуд!

В комнату, склонившись, вошел нукер.

– Идите грузить баркас, – приказал Абдулла, не оборачиваясь. – Я пока тут останусь... Если к полудню не появлюсь – придете рассчитаться за меня.

Нукер непонимающе взглянул на женщину, помедлил, топчась в дверях.

– Пошел вон! – крикнул Абдулла.

Нукер с поклоном удалился.

Сухов, отцепив веревку от пулемета, отпустил ее – противовес с камнем полетел вниз, угодив стоящему как раз под окном подпоручику по голове – тот свалился, но, полежав немного, вскочил на ноги и побежал за торопливо покидающими территорию дворца нукерами.

Подталкивая стволом револьвера в спину, Сухов провел Абдуллу на первый этаж музея, к зиндану – полуподвальной тюрьме. Это была комната с зарешеченными окнами и дверью, запирающейся снаружи на засов.

По дороге Абдулла спросил:

– Ты кто?

– Сухов я... может, слышал? – Абдулла слегка наклонил голову. – Давно хотел с тобой встретиться, но не довелось...

– Теперь встретились, – мрачно усмехнулся Абдулла.

Да, он слышал про Сухова. Ему рассказывали про этого ловкого и удачливого иноверца, который умудрился с воды взорвать плотину Аслан-бая, взял в плен самого Черного Имама в той самой крепости, где Абдулла два дня назад оставил своих жен.

Посадив Абдуллу в зиндан, Сухов задвинул засов, вбив его для верности ладонью, и тут к нему подбежал Петруха. Парень был жив и невредим, благодаря своей осекающей винтовке.

– Ты где пропадал? – строго спросил Сухов.

– В разведку ходил, товарищ Сухов. Они там грузятся! – доложил Петруха.

– Останешься здесь... И не спускай с него глаз, приказал Сухов, ткнув пальцем в решетку зиндана, за которой виднелось угрюмое лицо пленника. – А я схожу на берег. Поглядим, как они грузятся.

Люди Абдуллы готовились к отплытию. Они, быстро спустив на воду баркас, грузили на него тюки с награбленным барахлом, запасались в дорогу провизией – катили бочонки с пресной водой, на огне костра жарилась баранья туша.

Сообщение о пленении Абдуллы вызвало всеобщее заме-

шательство; все засуетились, забежали, покрикивая друг на друга.

Саид сидел у костра, когда примчавшийся нукер выкрикнул, задыхаясь:

– Абдуллу взяли!

– Как?! Кто?! – донеслось со всех сторон.

– Рыжий урус!

Четверо нукеров, охраняющих Саида, сразу потеряли к нему интерес и двинулись к баркасу. Саид тут же воспользовался суматохой. Стараясь не делать резких движений, он медленно поднялся, подошел к ближайшему джигиту, катящему бочку, быстрым движением вытащил у него из-за пояса револьвер и, приставив дуло к заросшему подбородку растерявшегося от неожиданности головореза, снял с его плеча и карабин.

– Не говори никому, не надо, – доброжелательно по советовал он бородатому и, продолжая держать его на прицеле, отступил на несколько шагов, чтобы приблизиться к своему коню, стоящему у коновязи среди других.

Никто не успел обратить на Саида внимания. Пятясь, он подошел к коню и одним махом вскочил на него. Развернулся в седле боком, все еще держа под прицелом оторопевшего бородача, и тронулся с места.

Чуть раньше острый глаз Саида заметил белый кепарь Сухова, почти незаметно торчащий над гребнем бархана поодаль.

Из-за бархана Сухов следил за суетой у баркаса. Заметив Саида, он обрадовался, а когда тот проделал свой фокус с побегом, выставил ствол пулемета над гребнем, чтобы в любой момент поддержать друга огнем.

Саид, держа карабин и револьвер наготове и поглядывая назад, подъехал к Сухову, лежащему у пулемета, соскользнул с седла на песок, прилег рядом.

– Обманут тебя, – сказал он. – Сядут на баркас. Ты отпустишь Абдуллу. Они вернутся.

– Это вряд ли, – усмехнулся Сухов.

Во дворе своего дома-крепости, под навесом, жена Верещагина Настасья вспорола брюхо здоровенному осетру, выложила икру в большую миску, посолила ее, взбивая ложкой, затем понесла икру в дом...

... Настасья во время войны была сестрой милосердия в прифронтовом лазарете, а затем ее перевели в большой госпиталь. Когда в ее палату поступил раненый Верещагин, она почти с первого взгляда влюбилась в него. К ее радости Верещагин тоже обратил на нее внимание.

На фронте он был разведчиком-пластуном. Ужом, на животе (отсюда выражение «по-пластунски») он проползал за линию фронта и часами, а то и сутками лежал где-нибудь в

камышях, кустах, высокой траве...

Изучив распорядок дня воинской части, движение офицеров, солдат, часовых, он внезапно набрасывался на кого-нибудь из них и, оглушив ударом кулака, уволакивал «языка» на свою сторону. Здоровья у него хватало, и могучий пластун мог хоть с версту нести на спине пленника, заодно и прикрывая его телом свою спину...

Чуть поправившись, он попросил Настасью добыть для него гитару и, к удовольствию других раненых, услаждал их разнообразными песенками. Потом начал вечерами вылезать из окна палаты, чтобы отправиться вместе с Настасьей в городской сад, где играл духовой оркестр...

Однажды, напуганная своей большой любовью к Верещагину, Настасья сказала:

– Я знаю – ты скоро бросишь меня.

– Почему? – обнимая ее, спросил Верещагин.

– Потому что я глупая и некрасивая.

Верещагин усмехнулся.

– Умной мне не надо, потому что я сам умный, а красивая еще хуже умной... Мне нужна верная.

– Тогда – это я, – чуть слышно прошептала медсестра...

Они поженились, и вскоре у них родился сын, Ванечка. Но мальчик прожил недолго.

Цвела черемуха, струясь горьким духом в окошко дома, где они после войны снимали с Настасьей комнатку, когда в одну из ночей Ваня тихо умер во сне. Больше у них детей

не было, и воспоминания о Ване остались болью на всю их жизнь...

Настасья отворила дверь и вошла в комнату, неся перед собой миску с черной икрой.

Верещагин, раскинувшись на широкой кровати, спал. Он бормотал во сне, стонал, всхлипывал.

Настасья неодобрительно покачала головой и, перекрестившись на образа, поставила миску на стол.

– Уурра! – прокричал во сне Верещагин. – За мной, ребята! – И вскочил, обливаясь потом, поскольку начал тучнеть и плохо переносил жару.

Жена обтерла его полотенцем и пригласила к столу.

– Опять пил и не закусывал? – неодобрительно сказала она.

– Не могу я больше эту проклятую икру есть, – взмолился Верещагин, отталкивая миску. – Надоело! Хлебца бы!..

– Ешь, тебе говорят! – приказала Настасья и, зачерпнув полную ложку икры, поднесла ему ко рту.

Верещагин капризно помотал головой, но жена настояла, и он, морщась, проглотил икру. А Настасья затараторила:

– Ой, нынче страху-то в Педженте! Из дома никто носа не кажет... Этот рыжий, что к нам приходил, самого Абдуллу будто поймал...

Верещагин, услышав это сообщение, на какое-то время перестал жевать, заинтересовался.

– Ну и заварил он кашу!.. – продолжала Настасья, зачерпывая очередную ложку икры. – Господи, ты хоть не задирайся, не встревай! Будет с тебя – свое отвоевал...

Верещагин неприязненно взглянул на жену, с отвращением проглотив еще порцию икры. Он любил свое военное прошлое, как самые счастливые дни жизни, и упоминание о том, что он свое отвоевал, всегда его злило.

Петруха, обняв винтовку, сидел у двери зиндана. Абдулла вел себя тихо. Из темницы не доносилось ни звука.

Через двор музея к колодцу прошла Гюльчатай, из-под паранджи улыбаясь Петрухе.

Он вскочил на ноги, окликнул ее – девушка охотно остановилась.

– Гюльчатай, открой личико, – попросил он, подойдя поближе. – Ну, открой...

Она заколебалась, взялась за край паранджи. За углом раздался непонятный шум.

– Вроде крадется кто... – встревожился Петруха, прислушиваясь.

Из-за поворота галереи второго этажа доносились какие-то звуки.

– Последи за дверью, – попросил парень. – Я мигом... Он добежал до арки и свернул за угол здания.

Гюльчатай поставила кувшин на землю, проводив взглядом Петруху.

– Гюльчатай, – внезапно услышала она свое имя; голос, произнесший его, заставил ее задрожать. – Подойди к двери.

Как только Петруха убежал и Гюльчатай осталась во дворе одна, наблюдавший за ними Абдулла понял, что наступил тот самый, может быть, единственный момент, которого он все время ждал. Сухов, говоря Рахимову, что «Восток – дело тонкое», оказывается, и сам еще не до конца понял, насколько оно «тонкое». Он допустил промашку, не оценив, а, вернее, не зная всей силы безропотного подчинения гаремной жены своему хозяину.

Гюльчатай, как загипнотизированная, подошла к двери зиндана. В зарешеченном оконце она увидела Абдуллу.

– Открой лицо! – приказал он, пронзительно глядя на свою жену. – И отодвинь засов!

Как во сне она безропотно выполнила все.

– Подойди сюда!

Гюльчатай вошла в темницу – она шла, как кролик к удаву, не смея отвести взгляда от страшных глаз своего мужа.

Абдулла, сорвав с нее чадру и обхватив пальцами ее тонкую шею, привлек к себе.

– Скажи – почему ты так и не полюбила меня? – с тоской в голосе спросил он.

– Я боялась тебя, господин, – прошептала Гюльчатай.

Абдулла вспомнил слова умирающей Сашеньки и горько усмехнулся.

– Ты мне нравилась всегда, – сказал он, и это были по-

следние слова, которые слышала Гюльчатай в этом мире.

Абдулла стиснул своими железными пальцами ее горло, и она, затрепетав, медленно осела на пол...

На галерее второго этажа Петруха увидел Лебедева, который складывал какие-то картины и посуду в нишу, сделанную в полу; рядом лежали плиты, которыми он собирался ее прикрыть.

– А, это вы, – облегченно сказал Петруха. – Что это вы делаете?

– Прошу вас, ни звука, – поднес палец к губам Лебедев. – Здесь тайник. Я пытаюсь сохранить наиболее ценные экспонаты.

Петруха повернулся и побежал обратно, на свой пост. Он бросил взгляд на дверь зиндана – та была заперта на задвижку.

Гюльчатай сидела у двери, укрытая чадрой.

Петруха подбежал к ней, присел на корточки рядом.

– Гюльчатай, ну открой личико, ты же обещала... – попросил он.

Чадра откинулась – суровое лицо Абдуллы открылось под ней. Петруха отпрянул, попытался вскочить, но сильный удар ребром ладони в шею помутил его рассудок, и он повалился навзничь.

В следующее мгновение Петруха был убит штыком винтовки, которую Абдулла снял с его плеча. Перевернув винтовку, он с размаха всадил штык в сердце парня.

Затем Абдулла мягко, как тигр, метнулся к воротам, оставив убитого с торчащей в груди винтовкой, штык которой ушел в землю.

Сухов и Саид возвращались в музей. Саид сидел на коне, а Сухов, отдав ему пулемет и держась за седло, бежал налегке рядом. Они разминулись с Абдуллой на какие-то секунды.

Вбежав в ворота, Сухов окликнул Петруху – ответа не последовало. Озадаченный этим, он пробежал через внутренний двор и увидел пригвожденное к земле тело Петрухи. И словно его самого пронзил штык, причинив страшную боль...

Сухов заставил себя отодвинуть засов на двери и вошел в темницу. Он бережно вынес на свет тело Гюльчатой и уложил его рядом с Петрухой – их лица были обращены друг к другу.

Неслышно подошел Саид, положил пулемет к ногам Сухова.

– А теперь уходи скорее, – сказал он. – Одному нельзя оставаться.

– Не могу, – ответил Сухов. – Абдулла убьет женщин.

– Абдулла убьет тебя... У него много людей и много оружия. – Упрямство русского было непонятно Саиду. – Это его жены, – привел он неотразимый, с его точки зрения, довод. – Сейчас он будет здесь.

– Я рассчитывал на тебя, Саид, – с сожалением сказал Сухов.

– Если меня убьют, кто отомстит Джевдету? – спро сил Саид. – Я должен его убить, исполнить свой обет. Только для этого я сейчас живу.

– Я рассчитывал на тебя, – повторил Сухов, вздыхая.

Из-за угла дворца появился Лебедев. Шаркая чарыками, подошел к ним. Саид, коснувшись плеча Сухова, как бы простившись, пошел к коню. Он понял всю тщетность дальнейшего разговора с русским.

Лебедев отшатнулся, увидев заколотого Петруху и бездыханную девушку рядом, укоризненно посмотрел на Сухова, взволнованно заговорил:

– Я понимаю, вам наплевать на имущество музея, но пойте меня... Ведь здесь все погибнет, если вы не уйдете отсюда. Они из-за вас сожгут, уничтожат все экспонаты. Вы же не можете один противостоять Абдулле и его людям! Умоляю, уведите женщин отсюда!..

– Поздно, – вздохнул Сухов, глядя вслед уходящему Саиду. – И некуда... Где я в пустыне их спрячу. Ничего не поделаешь, Лебедев. Придется ждать Абдуллу здесь.

Между тем из внутренних покоев дворца на галерею высыпали женщины. Неотрывно глядя на убитых Гюльчатой и Петруху, они начали тоненько подвывать.

Сухов вскинул голову и сердито приказал им немедленно обратиться, если они хотят остаться целыми. Испуганные женщины послушно покинули галерею. Сухов поднял с земли пулемет и двинулся к дверям музея-дворца. Лебедев упрямо

следовал за ним.

Внезапно дверь открылась, и на крыльцо выскочила Джамиля. В руках у нее была большая гардина, сорванная с окна. Молча подбежав к телам Петрухи и Гюльчатай, она укрывала их и также молча побежала обратно.

Сухов, приподняв палец, остановил ее.

– Джамиля?

– Да, господин, – тихо донеслось из-под чадры.

– Скажи подружкам, что бояться не надо, но чтоб в окнах не показывались.

– Да, господин, – ответила Джамиля и убежала во дворец.

Сухов и Лебедев поднялись по каменным ступеням вслед за ней.

Через минуту Сухов снова взобрался на крышу, где провел ночь. Оглядев поселок и окрестности, он увидел вдали Саида, которого конь уносил в пустыню... Вот они взобрались на вершину барханной гряды и через секунду-другую скрылись.

Теперь Сухов остро ощутил свое полное одиночество. Лебедев как воин в расчет не шел. Как и всегда в трудные минуты, а теперь, может быть, и последние минуты жизни, перед глазами Сухова возникла Катя. Но думал он о ней сейчас как-то легко – как в церкви во время молитвы.

Поглядывая в сторону берега, Сухов отложил в сторону пулемет и поднял валявшийся здесь «сидор». Вынул из мешка чистые рубаху и портянки. Не суетясь, переоделся и пере-

обулся, точно так же, как это делали испокон веков на Руси воины перед решающим смертельным сражением...

Перед тем, как сунуть за пояс револьвер, он еще раз проверил его, прокрутив барабан – все семь патронов были на месте.

Потом он достал из мешка осколок зеркала, чтобы побриться, и не столько для того, чтобы предстать перед Всевышним таким уж очень опрятным, а для того, чтобы как-то сократить минуты томительного ожидания. Едва он намылился, как из люка, одна за другой, выбрались на крышу женщины – они испуганно сгрудились у парапета. Сухов как можно беспечней улыбнулся им. Увидев, что он бреется, женщины успокоились. Тут в люке появился Лебедев. Думая только о своем, он скользнул неприязненным взглядом по гарему и оглядел Сухова. Увидев на нем чистую рубаху, Лебедев понял все и сердито сказал:

– Та-ак. Значит, решили умереть здесь, Сухов?

– Так уж сразу и умереть!.. – усмехнулся тот, не отрываясь от зеркала. – Мы еще повоюем.

– Черт с вами, Сухов!.. – еще больше рассердился хранитель. – Если вы с женщинами уберетесь отсюда я вам открою важный секрет.

– Ну-ну... – терзал бритвой густую щетину Сухов.

– Из дворца есть подземный ход. О нем знает только Алимхан – он приказал расстрелять всех, кто его строил. Я его обнаружил совершенно случайно...

Сухов, перестав бриться, смотрел на Лебедева, обдумывая новость.

– Подземный ход, говоришь... И куда же он ведет?

– За пределы поселка. Туда, где станция и нефтяные баки.

– Братская могила – твой подземный ход... Выйду наружу – далеко я с ними пешком уйду? – Сухов взглянул на женщин. – Нет, Лебедев, здесь мне способней... – Внезапно он вздрогнул, выпрямился, словно его подтолкнуло что-то. Пристально посмотрел на Лебедева и сказал: – Баки, говоришь?..

Десятка четыре всадников, впереди которых мчался почерневший от злости Абдулла, ворвались в Педжент – крича и паля в воздух. Затем половина из них рассыпалась по улочкам и дворам поселка. Остальные неслись к зданию дворца. Несколько пулеметных очередей ударили по его окнам, стенам – посыпались куски штукатурки, зазвенели осколки стекла.

Нукеры, спрыгнув с коней, высадили двери и вбежали во дворец. Рассыпавшись по этажам, они прочесывали комнату за комнатой в поисках Сухова и женщин.

Двое рванули дверь женского общежития – там было пусто, лишь стояли кровати с именами женщин на табличках у изголовья да валялось кое-что из одежды. Четверо залезли на крышу – там тоже никого не обнаружили.

– Никого нет, ага! – вскоре доложили Абдулле, который ждал во дворе, нетерпеливо поигрывая камчой и посматри-

вая на плиты двора, словно пересчитывая их. – Как в землю провалились!..

– Искать! – гневно крикнул Абдулла. – Все перевернуть, но найти!

Сухов, разгребая руками песок, вылез на свет Божий из почти засыпанного у выхода подземного туннеля. По очереди выволок женщин... В ложбине перед ним стояли два огромных нефтяных бака. Покрытые ржавчиной, в выпуклых заклепках и потеках, они инородно возвышались среди песков. Немного в стороне, на занесенных песком рельсах, стояла платформа с небольшой, когда-то выбеленной, а теперь также покрытой грязными пятнами, цистерной.

Сухов, оглядев баки, подбежал к тому, что стоял подальше, и почти в упор дал по нему очередь из пулемета. Ржавчина красным дымком отлетела от железа, и на нем осталась череда совсем небольших сверкающих вмятинок. Сплюсненные комочки свинца упали на песок. Сухов удовлетворенно ослабил и махнул рукой женщинам. Те, увязая в песке, гурьбой, как козы, бросились к нему.

Абдулла нервно расхаживал по плитам двора. По одному, по двое появлялись и вновь исчезали нукеры, но никто из них не обнаружил никаких следов Сухова и женщин.

Хмурясь, Абдулла присел на широкую ступень каменного крыльца. Из дворца вышел еще один его нукер в халате

и тюбетейке и, склонившись, протянул ему большой с длинным стволом пистолет.

– Это твой маузер, ага. Ты забыл его в комнате женщин.

Не знал несчастный нукер, что эта услуга окажется роковой для него.

Абдулла поморщился, вспомнив, как он «забыл» свой маузер, но принял его от нукера, чуть склонив голову. Обоймы в пистолете не было – предусмотрительный Сухов вынул ее, и теперь маузер можно было употреблять только в качестве молотка. Абдулла усмехнулся и достал из верхнего кармана френча запасную обойму с пулями. Вогнал ее ударом ладони. Маузер был любимым оружием Абдуллы. Тяжелый пистолет удобно покоился в его большой сильной ладони, что называется – был по руке. Кроме того, деревянный футляр маузера являлся также и его прикладом, что немало повышало меткость стрельбы вдаль. Этот футляр Абдулла сохранил, твердо надеясь забрать у Сухова маузер назад. Федор маузером не воспользовался, поскольку, как нам уже известно, считал самым надежным оружием револьвер.

Один за другим во дворе появились всадники, которые прочесывали поселок. Они тоже нигде не обнаружили беглецов.

К Абдулле подошел Аристарх. Он был единственным, кого Абдулла выделял среди других, уважал и с кем был почти на дружеской ноге.

Аристарх тихо сказал ему на ухо:

– Надо уходить, Абдулла. Рахимов вот-вот появится. Абдулла и сам понимал это, но никак не хотел смириться с поражением.

Рядом раздался возмущенный, срывающийся на фальцет голос:

– Как вы смеете? Сейчас же отпустите меня!

Абдулла повернул голову. К нему подтащили отчаянно упирающегося Лебедева, который обеими руками прижимал к себе икону.

– Пусти его, Ахмед, – сказал Абдулла и внимательно посмотрел в глаза хранителю. – Лебедев, где они? Ты должен знать.

Лебедев на миг отвел взгляд, и Абдулла понял, что русскому известна тайна исчезновения женщин.

– Где они? – повторил Абдулла.

– Абдулла, немедленно прекрати разбой и оставь дворец! – нервничая, снова повысил голос Лебедев. – Ни каких женщин здесь нет!.. Я вынужден буду сообщить Алимхану...

– Алимхан далеко, ты же знаешь, – усмехнулся Абдулла.

– Но он твой хозяин, а этот дворец принадлежит ему.

Абдулла, не глядя на Лебедева, чуть приподнял маузер и выстрелил; хранитель, не выпустив из рук иконы, которую прошила пуля, повалился на землю. Абдулла повернулся к Аристарху.

– Ты прав. Уходим... Командуй – всем на баркас, а я задержусь на минуту.

Аристарх отдал команду – джигиты, расталкивая друг друга, бросились к коням, а те, кто был в седлах, не медля ни секунды поскакали за ворота.

Когда двор опустел, Абдулла подвел оставленного при себе нукера, того самого, который нашел его маузер, к восточной стене дворца. Здесь, отсчитав несколько плит, он приказал нукеру отвалить одну из них. Нукер поддел обточенный камень кинжалом и отодвинул его. Открылась глубокая яма, на дне которой покоились небольшой окованный сундук и толстой кожи баул. Абдулла указал на сундук, и нукер, прыгнув в яму, с большим трудом поднял сундук над головой. Абдулла принял его. Нукер протянул вверх руку, чтобы Абдулла помог ему вылезти из ямы и... увидел направленное на него дуло маузера. Это было последнее, что увидел он в своей жизни – раздался выстрел.

Абдулла подтащил сундук к коню нукера, приторочил к седлу. Сам уселся на своего коня и, держа повод второго, помчался к берегу.

Скрюченный смотритель в обнимку с иконой остался лежать у входа в свой музей. Одинокий человек, никогда не имевший семьи, Лебедев знал одну страсть – он любил лишь музеи и архитектурные памятники. Он целиком посвятил себя этому, живя в царстве фантомов, смотрящих на него с древних портретов, в царстве теней, обитающих во дворцах и старинных усадьбах.

Педжентский дворец поразил его своей тонкой орнаментацией стен и гобеленов; а резьба по ганчу – алебастру – до того восхитила Лебедева, что он как-то признался Алимхану:

– Я бы хотел умереть именно здесь, среди этого великолепия!

Теперь мечта его исполнилась так нелепо и так трагически.

Перейдя в иной мир, Лебедев наконец избавился от своего вечного одиночества: Исфандияр и Искендер приняли его в свою компанию. Лебедев оказался неплохим игроком в шахматы.

Абдулла, подскакав к берегу, приказал нукерам погрузить на баркас его сундук, а сам, оставаясь в седле, трепал по холке коня, прощаясь с ним. Ему жаль было бросать своего любимца.

Вдоль берега, неся корзину с рыбой, шла Настасья, жена Верещагина. Поравнявшись с Абдуллой, она поздоровалась с ним.

– Никак отчаливаешь, Абдулла? – поинтересовалась женщина, с давних пор знавшая телохранителя Алимхана.

– Да, надоело... Что здесь еще делать?.. Другие люди – другие порядки, – ответил Абдулла.

– А твой гарем? – спросила Настасья, разглядывая бар-

кас. – Что-то не вижу я твоих жен на палубе... В трюме их держишь, что ли?

Задетый ее тоном, Абдулла сдвинул брови, сказал сдержанно:

– Ступай, женщина. Тебя дома ждут.

Настасья, усмехнувшись, пошла своей дорогой. Абдулла, поглядев ей вслед, бросил сквозь зубы:

– Чертова баба!

Он отвернулся, но что-то задело его внимание, что-то неясно промелькнуло в голове. Повернувшись, он снова посмотрел на удаляющуюся Настасью, затем на белевшую поодаль таможду, в направлении которой шла женщина – картина была обычной и ничего ему не говорила. Абдулла прочертил взглядом пространство от таможни до первых домов Педжента: двухэтажное каменное здание мастерских с выбитыми окнами стояло на окраине поселка, а неподалеку от него, ближе к берегу, чернели нефтяные баки. Все было давно привычным для взгляда, и поэтому только сейчас Абдуллу осенила догадка. Он даже выругался про себя. Ему, тысячу раз видевшему эти баки еще пять лет назад, стало стыдно.

Он должен был сразу понять, где мог этот русский укрыться с его женами.

Абдулла привстал на стременах и, повернувшись к баркасу, прокричал:

– Аристарх, баки!.. Нужно проверить баки!

Аристарх хотел что-то сказать, но увидев, что Абдулла уже вздернул коня на дыбы, махнул рукой всем, кто успел погрузиться, и они побежали с баркаса на берег, топоча по пружинящим сходимям.

Сухов и женщины сгрудились на дне бака. С каждой минутой все нестерпимей становилась жара и духота внутри железной коробки – беспощадное солнце нагревало ее. Женщины, сорвавшие с себя чадры, тяжело дышали. Все они были перепачканы нефтью, руки и лица их лоснились в тусклом свете, который еле пробивался сверху в щель задраенной крышки люка.

Сухов старался как можно беспечней улыбаться, чтобы приободрить несчастных красавиц, а сам все прислушивался, все ждал, когда сработает его ловушка и взорвется заминированный им с Петрухой баркас... Вместо этого он внезапно услышал звук шагов над головой, и бак загудел от оглушительных ударов по железной крышке.

Абдулла и все его люди, кто на коне, кто спешившись, сгрудились возле бака. Минутой раньше они осмотрели первый бак и, убедившись, что он пуст, окружили теперь второй, люк которого был закрыт.

Двое нукеров, взобравшись по отвесной металлической лесенке наверх, изо всех сил старались открыть крышку люка, но это им никак не удавалось. Они сломали кинжал, пы-

таясь поддеть крышку, разбили приклад карабина, колотя по ней...

Абдулла достал маузер и дал несколько выстрелов по баку почти в упор – пули плющились и отскакивали, оставляя на металле кружочки неглубоких вмятин.

Тогда Абдулла постучал по железу рукояткой маузера.

– Эй! – позвал он. – Выходи... Я знаю, что ты здесь.

Ответа не последовало.

– Мужчина должен встречать смерть достойно, – сказал Абдулла, раскуривая сигару.

Бак молчал.

Абдулла снова поднял маузер и выстрелил еще несколько раз. Железо гудело, резонируя. Вслед за ним все остальные начали палить по баку из карабинов и револьверов.

В баке женщины, зажав головы руками, почти теряли сознание от невыносимого грохота. Сухов жестами успокаивал их.

Когда шквал огня прекратился, из бака раздался громкий смех и голос Сухова:

– Оставь хоть один патрон, Абдулла!.. А то нечем будет застрелиться!

Абдулла потемнел лицом. Оглянувшись на нукеров, понял, что они тоже слышали эти слова русского; мнением нукеров он в известной степени дорожил.

– Гранат бы, – посоветовал Ахмед, стоящий ближе всех к Абдулле.

«Уходить надо, – подумал Абдулла и вновь покосился на нукеров. – А что подумают они?.. Впрочем, какая разница, что они подумают. Я дал слово посетить могилу отца и до сих пор этого не сделали. Торчу здесь и сражаюсь с этим сумасшедшим русским...» Он вспомнил разговор со своим отцом Исфандияром незадолго до смерти старого воина.

Отец тогда вернулся с одного из митингов, которые с утра до вечера устраивали наводнившие Бухару новые люди, прибывшие из России, – на взгляд восточного человека слишком несдержанные и крикливые.

Исфандияр сказал в тот день:

– Послушал этих русских... Им трудно понимать людей Востока, так же, как и нам их.

– Почему? – спросил Абдулла.

Исфандияр, на старости лет склонный к философскому осмыслению происходящего, ответил не сразу.

– Понимаешь... – начал он. – Мы с тобой, люди Востока, не можем жить, не думая о своих предках, как ближних, так и дальних...

– Конечно, – согласился Абдулла. – А как можно жить иначе?

– Мы, люди Востока, – продолжал старик, – знаем, что все в жизни совершили наши предки, а мы, живущие сейчас, только немного добавляем к тому, что они сделали.

– А как может быть иначе? – снова спросил Абдулла.

– Может, – вздохнул Исфандияр. – Эти русские не думают о своем прошлом, о тех, кто был до них. Они считают главным то, что совершили в жизни сами... А теперь и вовсе сошли с ума: объявили, что вся их жизнь начинается с тысяча девятьсот семнадцатого года... Скажи, как с такими людьми иметь дело?..

Абдулла по Петербургу знал других русских, а этих, о которых говорил его отец Исфандияр, тоже не понимал. Вот и сейчас для него было большой загадкой, почему этот Сухов, о котором он слышал как об отважном и опытном воине, в чем недавно убедился и сам, сидит в этом баке с совершенно чужими для него восточными женщинами. Почему этот воин так глупо рискует жизнью, защищая чужих жен от него, Абдуллы, – их мужа и хозяина.

Абдулла захотел получить хоть какой-то ответ на этот вопрос.

Дав знак нукерам удалиться, он вплотную подошел к баку, стукнул пару раз по металлу рукояткой маузера и спросил:

– Зачем ты защищаешь этих женщин, иноверец? Они же не принадлежат тебе.

– Ты хочешь их убить. Поэтому я их защищаю, – прозвучал ответ Сухова.

– Кто тебе сказал, что я хочу убить их?

– Я сам видел.

– Но это мои женщины. Что я хочу, то с ними и сделаю.

– Теперь они не твои. Теперь они освобожденные женщины Востока.

«Слова-то какие придумали, – усмехнулся про себя Абдулла. – «Освобожденные женщины Востока»... Как будто женщине нужна свобода!.. Женщине нужна любовь, красивая одежда и вкусная еда».

– К черту все, – прошептал он. – Надо отчаливать.

Абдулла повернулся к своим людям. Они стояли в ожидании приказа и все смотрели на него... Смотрели, как на воина, как на мужчину, наконец. Они верили, что кто-кто, а уж он-то найдет выход из глупого положения, в которое они попали. Самолюбивый Абдулла, глядя на них, почувствовал стыд за минутную слабость и, разозлившись на себя, сердито крикнул:

– Семен!

Подпоручик подскакал к нему, взял под козырек.

– Семен, скачи к Верещагину. Возьми у него гранат, – приказал Абдулла.

Семен, развернув коня, умчался, предварительно подав знак одному из нукеров следовать за ним.

Подскакав к белому домику бывшей таможни, подпоручик приказал сопровождающему его нукеру обождать перед домом.

Из окон дома доносились звуки гитары – Верещагин пел:

– «Ваше благородие, госпожа разлука...»

– Ты с ним поосторожней, – посоветовал нукер.

Семен снисходительно усмехнулся, бросил ему поводья своего коня и решительно поднявшись по лестнице, ведущей на второй этаж дома, громко постучал рукоятью плетки в деревянную ставню. Отклика не последовало. Он толкнул дверь.

В затененной комнате стоял сильный запах спиртного. Верещагин был пьян и пел, лежа поперек ковра на полу. Увидев на пороге подпоручика, он, перебирая струны гитары, которая покоилась на его животе, продолжал петь:

– «Мне с тобою холодно, вот такая штука...»

– Все поешь? – спросил подпоручик, нервно зыря по углам, стараясь определить, где у хозяина арсенал.

Верещагин подпоручику не ответил, пьяно смотря сквозь него – такие люди ему никогда не нравились.

– «Письмецо в конверте погоди – не рви...»

– Я от Абдуллы. У нас нет гранат, а у тебя, мы знаем, запас, – сказал Семен строго.

Когда-то имя Верещагина и на него наводило трепет, но сейчас, глядя на тучного, потного и пьяного человека, распростертого у его ног, он решил, что имеет право на высокомерный тон.

Верещагин продолжал петь, кривя в пьяной усмешке гу-

бы:

– «Не везет мне в смерти, повезет в любви...»

– Ты должен передать нам все, чем располагаешь, – категорически отчеканил Семен и вдруг взорвался: – И встать, когда с тобой разговаривает подпоручик!

Верещагин на мгновение замолк, удивившись... затем допел куплет, аккуратно положил рядом с собой гитару и начал подниматься...

Нукер, скучавший в ожидании, услышал сначала, как смолкло пение в доме, затем – после короткой тишины – громкий треск и звон стекла. Подняв голову, он увидел, как подпоручик, выбив собственным телом раму, вылетел в окно. Нукер остолбенел.

Удар оземь был очень сильным. Однако Семен быстро поднялся и, не разгибаясь, подбежал к своему коню. Не сразу попав дрожащей ногой в стремя, взобрался в седло. Выпрямился наконец и, взглянув на своего потрясенного соратника, небрежно пояснил:

– Да гранаты у него... не той системы!

Тем временем Абдулла приказал одному из нукеров обследовать нефтяную цистерну. Вскрабкавшись по обломанной лесенке наверх, нукер отвинтил крышку люка и заглянул в горловину – цистерна почти доверху была наполнена темной жидкостью.

– Есть, – крикнул он сверху. – Много!

Абдулла довольно усмехнулся, пыхнув дымком сигары.

Внутри бака было темно и душно. Шум и крики, доносившиеся снаружи, разом стихли, и тогда стали слышны слабые всхлипывания женщин.

Сухов стоял посреди бака, женщины столпились вокруг него.

– Только не реветь, – предупредил Сухов. Подозрительная тишина снаружи не нравилась ему.

– Абдулла! – крикнул он.

Ему никто не ответил.

– Абдулла!

– Ну? – слышалось после паузы.

– Там Рахимова не видно?.. Он должен подойти.

– Пока не видно, – ответил Абдулла. – И я успею тебя поджарить.

Тут же донесся скрежет лопат о стенки бака.

– Быстрее! Быстрее! – подгоняли нукеры друг друга.

Они по цепочке передавали ведра с нефтью от цистерны к баку, в котором находились Сухов и женщины. Бак опоясывала канава. Измазанные с головы до ног нукеры опорожняли в канаву ведро за ведром, поливая нефтью стенки бака.

Недалеко от берега качалась на волнах лодка Верещагина. Сам он сидел на веслах, а Настасья торопливо бросала в воду гранаты, пулеметные ленты, выхватывая их из кучи,

наваленной на дне. Затем в воду полетел карабин.

– Житья от них нет, – ворчала она, переводя дыхание. – Тем гранаты, этим пули... Чтоб их чума унесла... Гарем поделить не могут...

Последним был потоплен тяжелый пулемет. Верещагин, не обращая внимания на действия жены, смотрел на берег, стараясь понять, что там происходит.

Нукеры таскали ведра с нефтью, заполняя канаву вокруг бака.

– Быстрее, быстрее! – торопил их Абдулла, посматривая в сторону пустыни, откуда могли появиться всадники Рахимова.

– Да не расплескивай, рожа! Я те морду расквашу! – орал Семен, бегая взад-вперед.

Верещагин причалил к берегу. Оставив в лодке жену, зашагал к баку, вокруг которого суетились нукеры.

– Давненько я тебя не видел, Абдулла, – сказал он, подойдя к своему старому «приятелю».

– Давно, – согласился Абдулла.

– Все кочуешь?.. Стреляешь?

– Старый стал, – улыбнулся Абдулла. – Ленивый. А помнишь, какой был?

– Были времена, – согласился Верещагин. – А что это люди твои, никак запалить хотят?

– Да вот, забрался один приятель – не выходит.

Тут только Верещагин понял, что задумал Абдулла.

– Федор! – позвал он, приблизившись к баку. – Федор, Петруха с тобой?

– Убили Петруху, Павел Артемьевич, – ответил из бака Сухов. – Зарезал Абдулла...

Верещагин почувствовал, как мягко и сильно сдавило сердце. Он непроизвольно закрыл глаза и увидел лицо Петрухи, живое, с порозовевшими от выпитого спирта щеками, с каплями пота на лбу, с беспомощным по-детски выражением глаз...

Тогда еще, в доме, сладостью и болью резанула Верещагина мысль, что перед ним его Ванечка, только подросший за эти годы. И услышав «убили Петруху», он ощутил те же боль и отчаянье, как при смерти Вани.

«Не защитил! Не уберег!» – подумал он и, наливаясь страшной, сокрушающей силой, начал поворачиваться к Абдулле.

– Паша! – услышал он громкий голос жены и пришел в себя.

Что ж... перед ним стоял Абдулла. Его Ваня давно похоронен, а убит милый, но чужой и малознакомый ему, в сущности, красноармеец. Верещагин повернулся и пошел на голос Настасьи.

– Иди, иди, – сказал вслед ему Абдулла. – Хороший дом, хорошая жена... Что еще надо человеку, чтобы встретить

старость?..

Трое нукеров бежали к облитому нефтью баку с горящими факелами в руках.

Абдулла нетерпеливо раскурил очередную сигару, проводил взглядом удаляющихся к своему дому Настасью и ее супруга. Она шагала позади него и была сейчас похожа на деревенскую хозяйку, загонявшую во двор своего отбившегося от табуна и заплутавшего в степи старого коня: так устало и безвольно брел впереди Верещагин, с опущенными плечами, со склоненной, мотающейся головой...

Абдулла иронично усмехнулся и подумал: кто бы сейчас, глядя на этого потучневшего от пьянства отставного таможенника, мог сказать, что перед ним тот самый легендарный Верещагин – Георгиевский кавалер, гроза и ужас контрабандистов?

По пустыне медленно ехал Саид. Осунувшееся лицо его было мрачным. Словно что-то почувствовав, он оглянулся и увидел черный столб дыма, вознесшийся вдали над барханами. Постояв немного, он повернул коня и галопом помчался обратно к Педженту.

Верещагин в глубокой задумчивости сидел на скамье у себя во дворе. Жена его Настасья, как всегда, хлопотала по хозяйству, носясь туда-сюда то с лукошком, то с противнем, лезла в подпол, вылезала обратно с банками, с кастрюлями,

опять убежала куда-то. Она не переставая говорила и говорила, довольная тем, что увела мужа от беды:

– Засиделись мы... Первым же баркасом в Астрахань пойдём. Могилку Ванечке поправить надо, позаросла, поди, со всем... Ну, кто за ней смотрит?.. А в церкви, почитай, второй год как не были... Трех ведь... А рубаху наденешь с вышивкой... – Настасья вошла в дом, продолжая тараторить оттуда.

Верещагин вскинул голову и поднялся.

– ... Я как тебя в этой рубахе увижу, сразу все в памяти встанет: и как в Царицыне ты к нам в госпиталь поступил, весь в осколках... И как с германской вернулся... – доносился из комнаты ее голос.

Верещагин неслышно поднялся на крыльцо, повернул ключ в замке, спрятал его под половику и так же неслышно спустился.

– Паш, а ты пароход «Князь Таврический» помнишь?.. Ой, а в Казани, на ярмарке-то, как ты этого штабс-капитана... – продолжала говорить за закрытой дверью Настасья.

Вокруг бака бушевало пламя, огненные языки облизывали клепаное железо.

Сухов и женщины изнемогали от жары – все плыло у них перед глазами. Задыхаясь, они сгрудились в центре бака, стенки которого почти раскалились.

– Абдулла! – из последних сил закричал Сухов. – У тебя ласковые жены! Мне хорошо с ними!

– Я дарю их тебе, – ответил Абдулла. – Сейчас я добавлю им огня, и тебе будет совсем хорошо...

Абдулла дал знак еще подлить нефти в канаву вокруг бака.

Женщины внутри бака теряли сознание, Сухов держался из последних сил.

...Он вспомнил, как в германскую немцы начали газовую атаку со стороны леса – белые языки газа потянулись в сторону русских позиций. Пришлось надеть противогазы, но дышать в них с каждой минутой становилось все труднее. Хотелось сорвать резиновую маску и глотнуть чистого воздуха. Многие так и делали, и оставались на месте, кашляя и конвульсивно дергаясь, пока не теряли сознание.

Опалового цвета газ тяжело стлался по земле, стекая в окопы, траншеи, и тогда Сухова осенило, что на возвышении газа не должно быть, ибо он тяжелее воздуха.

Так как никакого взгорка поблизости не оказалось, Сухов вскарабкался на дерево и там, на вершине, сорвал с себя противогаз...

Ситуация в баке была похожей – надо было срочно выбираться наверх, на воздух.

Абдулла, покуривая, ждал, что доведенный жарой до отчаяния Сухов вот-вот запросит пощады... Он даже отошел

немного назад, к другому баку, чтобы лучше видеть, как полезут из люка наружу его несчастные жены и этот русский.

И тут сквозь гудение и треск огня до него донесся со стороны моря голос. То был знакомый ему голос Верещагина.

– Слышь, Абдулла!.. Не много ли товару взял? И все, по-ди, без пошлины?

Обернувшись, Абдулла увидел на баркасе, среди тюков, могучую, облепленную мокрой рубахой фигуру Верещагина, который стоял у рубки, держась за канат.

– Так нет же никого в таможене. Кому платить неизвестно! Хочешь, мы заплатим золотом? – улыбаясь, крикнул в ответ Абдулла, одновременно посетовав на своих нукеров, которые не оставили охрану на баркасе.

– Ты меня знаешь, Абдулла. Я мзду не беру. Мне за державу обидно!

– Какая держава? Нет никакой державы! – прокричал Абдулла. – Кончилась!

Верещагин не удостоил его ответом.

– Аристарх! – подозвал Абдулла своего любимца. – Договорись с таможенной... Пусть даст «добро».

Без лишних слов Аристарх сунул за пояс револьвер и, сорвав с плеча карабин, выстрелил в сторону баркаса – пуля разбила стекло рубки. Оно разлетелось со звоном прямо над головой Верещагина» Осколки поранили ему лоб. Верещагин быстро присел, провел рукой по лицу, посмотрел на ладонь в крови...

Саид погнался коня, нещадно стегая его плеткой – спешил к выросшему до неба столбу дыма. Он по запаху определил, что горела нефть.

– Русский дал мне свой кинжал, – сказал сам себе Саид. – Нельзя было уходить от него...

После выстрела по Верещагину Аристарх вместе с четверкой нукеров бросился к баркасу, чтобы разделаться с таможенником.

К Абдулле подъехал Семен, измазанный с ног до головы нефтью.

– Надо отчаливать, ага. Рахимов скоро будет здесь, – сказал он и, кивнув в сторону горящего бака, добавил: – Они и так подохнут.

– Это мои жены! – со злостью проговорил Абдулла.

– Тогда все здесь ляжем, – не унимался подпоручик.

Тут откуда-то сверху, словно бы с неба, раздался голос:

– Послушай, Абдулла!.. Это говорю я, Саид!

Абдулла быстро повернулся, определив направление голоса, и увидел на крыше двухэтажного здания мастерских Саида. Тот стоял с пулеметом в руках и с арканом, причем конец аркана горел. Цистерна, из которой таскали ведрами нефть, находилась от Саида по прямой шагах в двадцати.

– Разве мы с тобой враги, Саид? – как можно спокойнее спросил Абдулла. – Наши отцы были друзьями.

– Погаси огонь! – сказал Саид. – Я жду!

– Я тебя не понял... – ответил Абдулла и, сделав незаметный знак подпоручику, упал на песок. Выстрелив из маузера в сторону Саида, он перекатился за бак.

В ту же секунду не шибко расторопный подпоручик был сражен пулеметной очередью; аркан же с горящим факелом на конце был брошен Саидом в сторону нефтяной цистерны; едва коснувшись ее горловины, факел мгновенно воспламенил пары нефти. Ударил взрыв, и из цистерны взметнулся ввысь столб пламени и дыма.

Абдулла, высунувшись из-за бака, еще несколько раз выстрелил в Саида, который залег на крыше здания.

Два десятка людей кинулись в атаку по его команде, чтобы расправиться с Саидом; они двигались к зданию мастерских, непрерывно паля из карабинов и револьверов. Саид, время от времени возникающий в клубах дыма, огрызался короткими очередями, расстреливая наступающих и заставляя их передвигаться ползком. Но, несмотря на его выгодную позицию, перевес все же был на стороне наступающих; слишком их много было против одного Саида.

Поняв это, он дал по атакующим длинную очередь и заставил их уткнуться головами в песок. Нескольких мгновение хватало ему для того, чтобы вместе с пулеметом, мягко, по-кошачьи, приземлиться под стеной с непростреливаемой стороны, а затем проползти несколько метров к высокому бархану за горящей цистерной.

Тут же возобновилась беспорядочная стрельба по крыше.

Люди Абдуллы били наугад, чтобы не дать Саиду пошевелиться. И это, кажется, получилось. Крыша молчала... Вскочив на ноги, джигиты бросились к зданию, и в этот момент откуда-то снизу и сбоку рубанула пулеметная очередь. Привстав на колено, Саид бил прицельно. Несколько секунд растерянности и паники стоили отряду Абдуллы еще пятерых убитых. Пришлось снова залечь. Снова возобновилась короткая, нервная перестрелка...

Абдулла, обычно хранивший выдержку и хладнокровие, разозлился: после смерти Сашеньки его, в сущности, ничего не удерживало здесь, но он вынужден был торчать со своими людьми на этом проклятом берегу из-за одного-единственного Саида!

– Убейте его! – не выдержав, в ярости закричал Абдулла. – Убейте!

Рев пламени, ружейная пальба заглушили его слова.

Сухов задыхался в раскаленном баке. Все женщины лежали на полу, прерывисто, хрипло дыша. Джамия, сама еле живая, ослабевшей рукой утирала пот с лица потерявшей сознание Зухры...

Нет, Сухов не мог себе позволить умереть зажаренным в этой огромной кастрюле. Уж если гибель, то в открытом бою!

Он поднялся по ступенькам внутренней лестницы и потянул на себя ломик, которым запер крышку люка изнутри. Но ломик не тронулся с места. Сухов дернул сильнее, потом еще

и еще...

Но заклинивший ломик по-прежнему не выходил из скобы. Он так нагрелся, что обжигал руки. Однако стоило Сухову подумать, что он может загнуться здесь, в этом проклятом баке, так и не увидев хоть разочек своей Кати, силы его удесятерились и он рванул ломик так, что чуть не свалился вниз, на женщин... Злополучная железка выскочила из скобы. Поднявшись еще на одну ступеньку, Сухов осторожно откинул крышку люка. Свежий воздух, ворвавшись в душный бак, опьянил его на секунду. Сноп солнечных лучей ударил в лицо...

Чуть высунув голову из люка, Сухов быстро оценил ситуацию на поле боя: в отдалении с ревом пылала нефтяная цистерна; шагах в тридцати, за соседним баком, укрылся Абдулла с отрядом, уже заметно поредевшим, – это Сухов отметил сразу. Абдулла и все его нукеры смотрели в сторону бархана за горящей цистерной, откуда, все время перемещаясь с места на место, вел огонь Саид. Неподалеку от бархана замерли на песке в разных позах убитые, но еще человек пятнадцать, брошенные в наступление Абдуллой, ползли широкой цепью к укрытию Саида, чтобы окружить его...

Бросив взгляд в сторону спущенного на воду баркаса, Сухов был приятно удивлен, когда заметил на палубе Верещагина.

– Будем жить, – сказал сам себе Федор Сухов и сделал вывод из сложившейся обстановки: «положение Верещагина не

самое плохое, а вот Саида, похоже, прижимают». – Погоди, погоди... мы сейчас, – пробормотал Сухов.

Осторожно, чтобы не стукнуть, не звякнуть, он вытащил наружу свой пулемет, пристроил его на краю бака.

Уж очень выигрышная выпала ему минутка. Не минутка даже, а так – секунд десять, но десять секунд – это уж полностью его время, пока о нем все забыли и пока у него такой идеальный обзор: по меньшей мере, дюжина джигитов, атакующих Саида, подставила сейчас Сухову свои спины. Как бы даже и не торопясь, Сухов провел «самоварной трубой» пулемета по ползущим на животах, распластанным внизу фигурам, примеряясь, и тут же, без паузы, повторил это движение в обратную сторону, но уже нажав на спуск и сдерживая биение ожившего в руках пулемета...

Вся цепь атакующих была расстреляна. Один за другим они, дергаясь и утыкаясь лицом в песок, замирали на месте. От группы Абдуллы рванулись к баку несколько всадников. Сухов их пока не видел.

Всадников видел Саид. Обрадовавшись появлению Сухова на поле боя и получив благодаря этому передышку, Саид перезаряжал оружие. Делал он это не глядя на руки, все внимание сосредоточив на действиях своего товарища. Как только всадники рванулись к баку, над которым торчал белый кепарь, Саид взволнованно заговорил, словно внушая Сухову:

– Слева!.. Теперь давай слева!

И Сухов, как будто услышав, повернул пулемет налево, очередью снимая всадников Абдуллы.

– Теперь обернись!.. – велел Саид.

Сухов повернулся и срезал несколько нукеров, ползком пытавшихся подобраться к баку с тыла.

...Пули зацокали по краям бака, дважды свистнули возле самого уха, как бы втолковывая Сухову: все, парень, время для твоего маневра кончилось... и он всем телом и лицом вжался в остро пахнувшее ржавчиной железо. И тут же из-за бархана, позади горящей цистерны, вновь заработал пулемет Саида.

Абдулла гневно сжимал маузер. Его войско таяло на глазах. Скольких людей он положил в этой, в конце концов, ненужной ему схватке. «Проклятие какое-то висит над этим местом, – раздраженно поморщился он и снова подумал: – Уходить надо. Уходить!.. Баркас загружен добром и давно готов к отплытию».

Абдулла повернул голову к морю, чтобы успокоить себя, но то, что он увидел, заставило его на время забыть и про Сухова, и про Саида. К баркасу подошла первая из двух лодок, та, в которой были Аристарх и Юсуп. Абдулла видел, как Аристарх поднимался на палубу... Он даже залюбовался силой и легкостью, с которой двигался его ближайший соратник. У Аристарха, за что бы он ни брался, все получалось как надо. Вот и сейчас он уверенно, по-хозяйски, прыгнул

с поручня на палубу, рванулся вперед... но дальше произошло нечто странное: Аристарх внезапно остановился, будто на что-то напоровшись, затем тело его приподнялось высоко вверх и метнулось назад. Пролетая над бортом, зацепилось за поручень, перевернулось в воздухе и рухнуло вниз. Аристарх упал спиной на борт лодки и, как бы переломившись, остался неподвижным. Абдулла тряхнул головой, не в силах поверить увиденному.

И тут над бортом возникла фигура Верещагина. Того самого отставника-таможенника, которого Абдулла еще мину-ту назад не принимал всерьез. Этот новый Верещагин был страшен. Абдулле показалось, что он стал больше ростом, – огромный, стремительный, с головой, по-бычьей наклоненной вперед, с развернутыми мощными плечами... Юсупа, уже занесшего ногу над палубой, Верещагин сбил одной рукой. И удар был таков, что, уйдя в воду, Юсуп больше не появился.

Абдулла заскрипел зубами. Сзади жалил редкими короткими очередями Саид. На баке затаился Сухов, внезапным ударом уничтоживший чуть ли не половину его лучших воинов. А тут еще этот Верещагин, словно бы сбросивший с плеч добрый десяток лет... «Слава Аллаху, что со второй лодки, что подходит сейчас к баркасу, нукеры видели все и ошибки Юсупа и Аристарха не повторят», – думал Абдулла, наблюдая за тем, как быстро, не делая лишних движений, переваливаются через борт лодки в воду его люди и окружают

баркас, чтоб появиться на палубе не по очереди, а одновременно всем шестерым в разных местах.

Абдулла не знал, и не мог знать того, что происходит сейчас с Верещагиным. Яростная, забытая почти сила выхлестнулась наружу, и он испытывал блаженное чувство оттого, что не нужно сдерживать себя...

Вот, словно вбитая в плечи его кулаком, исчезает голова нукера, первая появившаяся над бортом.

Верещагин затопал по палубе дальше, всаживая из револьвера пулю за пулей в другого нукера, успевшего ступить на борт. Третий нукер, раненый в руку, сам свалился вводу.

Очистив один борт, Верещагин бросился ко второму, но было уже поздно: второй тройке хватило времени подняться на палубу. И почти не почувствовал Верещагин боли от ножа, полоснувшего по ребрам сзади. Его спасла мокрая палуба – нога нападавшего заскользила, и он не сумел нанести верный удар, но все же нож «по дороге» вошел в мякоть руки.

Повернувшись в ярости, как подраненный зверь, могучий таможенник, не обращая внимания на нож, сгреб руками четвертого нукера, сдавив в смертном объятии, а затем для верности приложил головой о переборку...

Позади раздался выстрел, чиркнувшая по щеке пуля заставила Верещагина мгновенно бросить свое грузное тело на палубу, перекатиться за бочки, затаиться... В щель между

бочками он увидел две пары босых ног, которые уверенно шлепали по палубе, направляясь к нему...

Пятый и шестой нукеры, здоровенные, высокие чернобородые красавцы в чалмах и подсученных штанах, шли к укрывшемуся за бочками Верещагину, чтобы наконец расправиться с ним. У каждого из них в руках было по короткому кавалерийскому карабину. Они палили по бочкам, вышибая пулями щепу, не давая, таким образом, Верещагину высунуться. Им оставалось всего два-три шага до цели, как внезапно одна из бочек, самая большая, словно взбесившись, взметнулась в воздух и бросилась на них... Бочка сбила нукеров с ног и вместе с выломанной частью фальшборта смела обоих в море.

– Помойтесь, ребята... – бросил им вслед Верещагин и выпрямился, расправив плечи.

Палуба была пуста. Баркас по-прежнему принадлежал ему. Он засунул руку в карман своих широких казацких шаровар и достал оттуда горсть желтеньких патронов. Набивая барабан револьвера, подошел к борту – на волнах раскачивались две лодки, одна – пустая, с другой свисала в воду голова покойного Аристарха. Спинами вверх покачивались в воде двое мертвецов, остальные пошли на дно...

Верещагин посмотрел на берег. В дыму были видны мечущиеся лошади, перебегающие и переползающие фигуры людей Абдуллы, а на крыше бака он разглядел белый кепарь Сухова.

– Держись, Федор! – зычно крикнул Верещагин. – Держись! Я сейчас!

– Ве-е-е-ща-гин, – слабо и неразборчиво донеслось до него. – У-у-о-о-о-дии... ба-а-а-ас-а!

– Не кричи, не кричи, Федор, – бормотал Верещагин. – И так все понятно. Сейчас... Сейчас разверну посуду и пойду на помощь...

Настасья выбралась из запертого дома через окно. Спрыгнув на землю и ругая сквозь слезы мужа, поспешила к берегу, срывая на ходу с себя платок. Волосы ее разметались по ветру.

Вокруг бака лежали убитые. Догорала нефтяная цистерна, подожженная Саидом, – клубы дыма от нее застилали небо-склон, и белый диск солнца словно летел сквозь дым.

...Заслон из четырех джигитов-наемников не давал Сухову соскочить на землю. Еще двое с другой стороны бака перестреливались с Саидом. Сухов увидел, что остальные люди во главе с Абдуллой бежали к берегу, чтобы успеть захватить баркас, который стало относить в открытое море... Он качался уже шагах в двадцати пяти от берега.

Верещагин, заметив бегущих к берегу людей Абдуллы, тотчас же снова занял свое место у борта, устроился в засаде за тюками шелка и ковров.

– Пусти их!.. Да пусти ты их на баркас! – надсаживая гор-

ло, кричал ему Сухов. – А сам уходи!.. Слышишь, уходи!..

Но в шуме боя Верещагин опять ничего не расслышал.

Сухов попытался даже привстать, чтобы подать Верещагину сигнал, но тут же над его ухом свистнула пуля: лежать!..

Это никак не устраивало Сухова, и он решился на очень опасный, но почти всегда верный маневр – подполз с пулеметом к краю бака и, дождавшись паузы в перестрелке, вскочил на ноги. Тотчас же раздались выстрелы. Сухов дернулся, словно приняв в себя пулю, уронил вниз пулемет и сам, вслед за пулеметом, рухнул на песок с пятиметровой высоты. Молоденькие наемники, в отличие от опытных нукеров Абдуллы, с ликующими криками бросились к «убитому» Сухову, который лежал на песке ничком, неловко разбросав ноги и руки. Вряд ли они успели что-либо понять, когда взметнувшийся пулемет, над которым блеснули живые глаза Сухова, прогремел очередью, ставшей последней в их жизни.

Обернувшийся на ходу Абдулла вскинул маузер, раз за разом трижды выстрелил в Сухова, но тот уже успел откатиться за бак.

На берегу Абдулла выставил еще один заслон из легко раненых и не умеющих плавать. Одной половине заслона он приказал вести огонь по переползающим под огнем к берегу Сухову и Саиду, другой – обстреливать судно, не давая поднимать голову Верещагину.

Он снова глянул в сторону баков и вдруг увидел всадни-

ков, удирающих с поля боя. Это была вторая пара его наемников, которым он приказал блокировать Саида. Поняв, что их ждет неминуемая гибель, они вскочили на коней и помчались в пустыню.

Движением глаз Абдулла указал на них Махмуду. Тот, оскалив зубы наклонил голову. Это значило, что каждый из сбежавших будет обязательно разыскан и убит – наемник, получивший по договору плату за свою жизнь, лишался права до срока распоряжаться ею самовольно.

Абдулла перезарядил маузер, сбросил с себя на песок френч, оставшись в белоснежной, тонкого полотна, офицерской сорочке. Он всегда возил с собой эти сорочки дюжинами.

Засунув маузер поглубже за пояс своих замшевых штанов, он подал команду к штурму и первым бросился в море...

Настасья, подбежав к лодке, с трудом столкнула ее в воду и, отчаянно гребя, поплыла к баркасу. Не понимая, что делать, не зная, как помочь мужу, она упорно гребла и гребла, беспрестанно оборачиваясь и повторяя сквозь слезы: «Паша!.. Паша!..»

Пули зачмокали о воду вокруг головы Абдуллы, когда он покрыл примерно половину расстояния до баркаса. Он оглянулся на берег – там, далеко от воды, зарылись в песок Саид и Сухов и, тщательно прицеливаясь, вели огонь из караби-

нов, подобранных возле убитых. Они уже вывели из строя почти весь береговой заслон и теперь занялись плывущими к баркасу.

Набрав воздуха в грудь, Абдулла долго плыл под водой, а когда вынырнул, пуля, казалось, поджидавшая его, пропела прямо над ухом. Как это бывало с ним всегда в минуты крайней опасности, к Абдулле возвращалось хладнокровие.

Баркас уже рядом, люди у него еще есть, хотя плывущих вокруг голов стало заметно меньше – те двое на берегу зря времени не теряли. Абдулла еще раз глянул назад и снова нырнул, разглядывая тающую под веками картинку: берег, стелющийся дым от горящей цистерны, тела убитых на песке, мечущиеся по берегу лошади... Их лошади. И тогда, вынырнув в очередной раз, Абдулла громко закричал, зовя своего любимца: «Шах-ди!.. Шахди!..»

Конь Абдуллы, как бы споткнувшись, остановился, передернул ушами, вытянул голову к воде. Потом сделал неуверенный шаг.

– Шахди!.. – еще раз крикнул Абдулла, и конь бросился в воду, поплыл на голос хозяина.

Остальные лошади на берегу начали останавливаться, поворачивать головы в сторону плывущего коня и вдруг разом, как по команде, сбившись в табун, тоже двинулись в воду...

Абдулла нырнул и держался под водой, пока перед глазами не поплыли красные круги. Когда он вынырнул, лошади-

ные головы и крупы были уже близко – хорошая защита и прикрытие от пуль.

– Ну Абдулла! Ну молодец! – крикнул Сухов лежащему слева, шагах в десяти от него, Саиду. – Я-то думал, он с конем прощается!..

Головы плывущих затерялись среди лошадиных. – Коней жалко, – откликнулся Саид, выбирая очередную цель.

Только троим нукерам и самому Абдулле удалось взобраться на баркас – одних перестрелял Верещагин, других – с берега топили Сухов и Саид меткими одиночными выстрелами.

Все трое вместе с Абдуллой засели на носу баркаса за ящиком с оружием и боеприпасами.

Верещагин, переместившись на корму, снова лежал за одним из валявшихся на палубе тюков и стрелял оттуда, не давая людям Абдуллы спуститься в люк и запустить двигатель. Тогда Абдулла приказал:

– Махмуд!.. Парус!

Двое нукеров во главе с Махмудом бросились исполнять приказание. Одного из нукеров тотчас же пристрелил Верещагин. Второму вместе с Махмудом удалось поднять парус, но и им это стоило жизни – Верещагин стрелять умел.

Теперь на баркасе в живых остались лишь два человека – Абдулла и Верещагин – и оба были ранены. Верещагин – в

руку и плечо, Абдулла – в бок. Пуля Сухова задела его в тот момент, когда он перелезал через борт.

Рана, не беспокоившая Абдуллу поначалу, теперь причиняла страдания – кровь лилась, не останавливаясь, и уже окрасила его белую рубашу, растекаясь от пояса до плеча. Абдулла тяжело дышал.

Заметив высунувшегося из-за рубки Верещагина, он выстрелил, но таможенник на долю секунды раньше отпрянул назад.

Потерявший управление баркас стал кружить на одном месте, переваливаясь на волнах. Парус его то надувался, трепеща и хлопая на ветру, то снова опадал.

Абдулла прикрыл глаза – боль в боку затрудняла дыхание. Потеря крови давала о себе знать – небо, море, палубные надстройки, сам Верещагин, появляющийся из-за них то тут, то там, – размылись, потеряли очертания, слились в одну цель, в которую Абдулла одну за другой всаживал пули. Перед его взором возникла Сашенька – улыбающаяся, нежная.

«Угомонись, – попросила она его. – Ты выполнил свой долг».

«А золото?» – спросил Абдулла.

«Бог с ним. Зачем нам золото?»

«Золото нужно Алимхану».

«Забудь о нем. Тебе будет хорошо со мной».

«Знаю... Это единственное, что у меня осталось...»

Женщина засмеялась, довольная ответом Абдуллы, и

оплела его голову своими белыми руками, да так ласково, что Абдулла на миг потерял контроль над собой – а затем и сознание.

В секунду просветления он увидел Верещагина – прямо перед собой. Попытался выстрелить, но не смог – пальцы не слушались его.

Тогда он, подогнув ноги и оттолкнувшись от палубы коленями и локтями, перебросил себя через борт.

Верещагин не стал стрелять в Абдуллу. Тот долго не появлялся на поверхности... Наконец, вынырнув, жадно глотнул воздух, тотчас же снова погрузился в воду и опять долго не появлялся.

Верещагин, оглядев море, увидел свою Настасью. Она из последних сил гребла к баркасу. Он успокаивающе махнул ей рукой и глянул на берег, на Сухова, который что-то кричал ему... И снова Верещагин не мог разобрать слов из-за громких хлопков паруса под ветром.

– Сейчас подойдем поближе, Федор Иванович! – крикнул Верещагин и пошел в рубку. Запустив двигатель, он встал к штурвалу, разворачивая баркас. Легко ворочая штурвальное колесо одной рукой, он повел отвоёванный баркас к берегу, напевая себе под нос: «Ваше благородие, госпожа удача...»

Давно не испытываемая им радость победителя овладела всем его существом. Но судьбой предназначено было ему в эту минуту погибнуть. Что ж, не так это и плохо – умереть в мгновение наивысшей радости. Последним, кого увидел Ве-

рещагин, был Абдулла, который еще не утонул и отчаянно пытался доплыть до берега. Потом он увидел коней. Не найдя своих хозяев, они повернули и поплыли назад к берегу.

– Прыгай! – кричал и кричал Сухов. – Верещагин! Прыгай!.. Взорвешься!!!

Но теперь за шумом двигателя Верещагин и вовсе ничего не слышал.

Истекли сорок две секунды с начала работы двигателя... И раздался взрыв. Столб воды и огня взметнулся в небо и осел, пенясь. Испуганные чайки с криками отлетели прочь, быстро работая крыльями.

Взрывная волна опрокинула лодку с Настасьей.

Громко заржали оглушенные кони.

Сухов, опустившийся на песок, обхватил руками голову...

...От бака к воде спешили женщины гарема. Кутаясь в чадры, с ног до головы вымазанные нефтью, они побежали к Сухову и остановились неподалеку.

Сухов поднял голову, взглянул на женщин. Их глаза испуганно смотрели в сторону моря. Обернувшись, Сухов увидел Абдуллу, который боролся с волнами уже у самого берега – вода была ему по пояс, – но встать на ноги не мог и передвигался то вплавь, то ползком, собрав всю свою волю, все свои неистовые силы.

На мели ему все же удалось приподняться; он тяжело дышал, стоя на коленях, шагах в десяти от Сухова. Взгляды их встретились.

Абдулла заставил себя встать на ноги. Ему удалось сделать несколько шагов – женщины в ужасе попятились. Но Абдулла не смотрел на женщин, он смотрел только на Сухова.

Сухов, поднявшись с песка, стоял неподвижно, не поднимая карабина, который он держал в опущенной правой руке дулом вниз.

Абдулла сделал еще два шага и протянул вперед руки со скрюченными пальцами, как бы готовясь схватить своего врага, задушить его.

Сухов все так же стоял, не двигаясь и не поднимая карабина.

Абдулла сделал еще шаг, качнулся вперед и рухнул лицом в песок. Вспыхнул на мгновение в его мозгу яркий свет. Он увидел вершины заснеженных гор, сверкающих на солнце... услышал свой голос, повторявший слова суры из Корана, когда-то прочитанные им Сашеньке в его саду: «И встретились вы там, где место заката звезд...» Затем все погасло и умолкло...

Сухов, склонив голову, молча постоял над телом погибшего воина, как бы отдавая дань уважения достойному противнику.

Потом он окликнул Саида и пошел к нему. Тот неподалеку лежал на спине, широко раскинув руки. Прикрыв от солнца головной повязкой бритую голову и глаза, Саид сладко спал, сморенный усталостью.

Сухов опустил на песок рядом с Саидом, достал кигет, начал сворачивать сигарку. Он увидел, как бывший гарем Абдуллы медленно приблизился к покойному хозяину. Окружив его и не смея дотронуться, женщины однотонно завыли...

Из воды выбралась и пошла куда-то прочь от дома жена Верещагина Настасья. Отныне жизнь ее потеряла всякий смысл...

Затем Сухов увидел, как на берег выплыли кони. Отрянувшись от воды, они снова сбились в табунок и молча застыли на песке. Последним живым существом, появившимся из воды, был Шахди, верный конь Абдуллы, арабский красавец-скакун. Ступив на берег, конь взрыл копытом песок и звонко заржал, призывая своего хозяина, но, не получив ответа, смолк.

Сухов сидел, курил... Умолкли голоса женщин – они теперь тихо молились. Все погрузилось в полную тишину, нарушаемую только легким шелестом волн, накатывающих на берег.

Сухов прикрыл глаза, наслаждаясь этой неправдоподобной тишиной: казалось, вот-вот снова раздастся команда Абдуллы и загремят со всех сторон выстрелы... Внезапно Сухов поднялся на ноги, будто вспомнив что-то, и быстро зашагал в сторону дворца-музея.

Там, внутри ограды, он выкопал глубокую могилу и опустил в нее тела Петрухи и Гюльчатай, укрыв их все той же

расшитой золотом музейной гардиной. Засыпав могилу, он положил сверху вывернутую во дворе каменную плиту и нацарапал на ней кинжалом имена влюбленных...

Сухов хоронил их один, пока Саид спал, потому что не хотел подвергать испытанию религиозные чувства друга: для Саида было большим грехом положить в одну могилу людей разной веры. И Федор Сухов принял грех на себя, не мог он поступить иначе, продолжая корить себя за то, что доверил неопытному Петрухе сторожить такого коварного воина, как Абдулла...

Лебедева же Сухов похоронил позже, уже вместе с Саидом. Они положили хранителя музея под стеной любимого им дворца.

На другой день, поутру, Федор Сухов прощался с отрядом Рахимова, который все же пришел ему на помощь, но... «малость припозднившись», как по поводу этого заметил с улыбкой сам Сухов. Черный, обожженный бак виднелся поодаль; два других были нормального ржавого цвета. Выгоревшая цистерна продолжала слабо дымиться.

Несколько бойцов копали общую могилу для погибших людей Абдуллы, шурша лопатами о песок.

Рахимов расхаживал по берегу, время от времени задавая несущественные теперь вопросы.

Дымила походная кухня...

Сухов воткнул в песок свою лопатку, затем положил ее

плашмя, измеряя черенком тень. Отсчитав зарубки, определил время.

– Шесть часов, – сказал он. – Пора.

– Может, обождешь? – спросил Рахимов. – Денька через три мы бы тебя в Ташкент доставили, а там – поезда...

– Нет, – сказал Сухов. – Я напрямик пойду, по гипотенузе. Дойду до Астрахани, а оттуда, по воде, до Нижнего рукой подать.

– Ну хоть коня возьми.

– Не-е, с ним хлопот – кормить надо... Прощай!

Сухов подал руку Рахимову и повернулся к женщинам.

Они, привычно выстроившись в ряд, смотрели на него сквозь свои сетки. Слезинки катились по их щекам.

Сухов двинулся вдоль «строая», по очереди протягивая каждой из женщин руку, стараясь деликатно пожимать маленькие ладошки.

– Джамиля... Гюзель... Хафиза... Зухра... – называл он их по именам, не ошибаясь. – Не надо плакать... Извините, коли что не так.

Вдруг к нему шагнула Джамиля и жалобно попросила:

– Не покидай нас, господин!

– Ха!.. – громко выдохнул Сухов и, улыбаясь, покрутил головой.

Затем он поправил свой «сидор», подпрыгнул, чтобы убедиться, что на нем ничего не брякает, не звенит, и двинулся вдоль моря в сторону Астрахани на север.

Рахимов, весьма довольный доставшимися ему «на дармовщину» богатыми трофеями – груда разнообразного оружия и целый табун коней – крикнул Сухову вслед:

– Спасибо тебе!

– Не за что, – ответил Сухов, не обернувшись, только приподняв слегка руку.

Он уходил не спеша, но и не медля, нормальным походным шагом.

К нему подскочил на арабском красавце Шахди Саид. Сдержав горячего коня, он поехал рядом с Суховым шагом, провожая его. Надо сказать, что конем Абдуллы хотели завладеть почти все красноармейцы отряда Рахимова. Каждый попытался поймать и подчинить коня себе, но тот никому не дался. Саид же завладел им без всякого сопротивления. Может быть, он знал какие-то особые слова, которые и прошептал на ухо коню, а может быть, сам конь решил, что владеть им достойны такие воины, как Абдулла и Саид.

Саид долго ехал рядом с Суховым, молчал, полный благодарной признательности восточного человека к тому, кто спас ему жизнь.

Наконец Сухов повернулся к Саиду и, потрепав по гриве его красавца-скакуна, спросил:

– Ты как с Джевдетом?.. Может, помочь?

– Нет, Джевдет мой, – ответил Саид. – Встретишь – не трогай.

– Что ж, тогда счастливо! – улыбнулся на прощанье свое-

му боевому приятелю Сухов и пошел дальше.

Саид, остановив коня, долго смотрел ему вслед.

Белое солнце, поднимаясь все выше и выше, застыло в зените, поливая бескрайние пески яростным светом. Барханы тянулись от горизонта до горизонта. Шурша коготочками, проскочила ящерица, и вновь все стихло, погрузившись в полуденную тишину. Небо и песок были одинакового цвета – белесо-желтого.

Взобравшись на очередной бархан, Сухов взглянул налево, туда, где далеко-далеко ярко-синим лоскутом виднелось море, определил направление своей гипотенузы и двинулся дальше по пустыне, напрямик.

Он тут же предался своим сладостным воспоминаниям – увидел, как навстречу ему идет Катя, неся на коромысле полные ведра студеной воды. Вода колыхалась, сверкая на солнце... Увидел Савелия, переходящего с багром через льдины... Услышал истошный крик женщины, пронесшийся над онемевшей толпой зевак... Увидел плывущие по реке арбузы... Вспомнил и своего напарника по тачке в Баку, Исмаила, пришедшего проводить его перед отплытием в Красноводск... Опять увидел Катю, их «медовое» время на «лунной» барже...

Внезапно где-то позади и в стороне раздались выстрелы. Прекрасное видение тотчас исчезло, и Сухов насторожил-

ся... Он подумал – а вдруг там Саид сражается с Джевдетом. Саид – один, а у Джевдета много людей...

Сухов повернулся и пошел на звук выстрелов. Он шел и представлял себе, как он внезапно появится и поможет Саиду, как потом удивленный Саид задаст ему тот же вопрос, который сам Сухов задавал ему в таких же обстоятельствах:

– Ты как здесь очутился?

И Сухов так же, как и Саид, спокойно ответит:

– Стреляли...